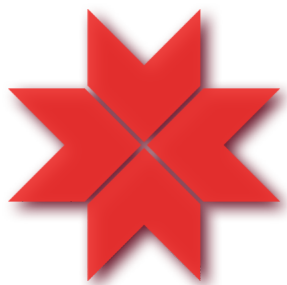

ISSN 2076-2577
eISSN 2541-982X

2026

Том 18 № 2
Vol. 18 No. 2

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР
FINNO-UGRIC WORLD

Финно-угорский мир

Научный журнал

Том 18, № 2. 2026

<https://doi.org/10.15507/2076-2577>

Журнал основан в 2008 г.
Периодичность издания – 4 раза в год

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
Реестровая запись ПИ № ФС 77 - 70644
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс – 42059

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва».
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 481424

Сайт: <https://csfu.mrsu.ru>
Электронная редакция:
<https://journals.rcsi.science/2076-2577>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Главный редактор Н. П. Макаркин

Дата выхода 30.06.2026.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 14,70.
Тираж 1 000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 431

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Российская Федерация,
Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2026

The journal was founded in 2008.
Periodicity: Quarterly

Registered by The Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor)
Registry Entry PI No. ФС 77 - 70644
August 3, 2017

Distributed in Russian Federation
and foreign countries

Subscribe index – 42059

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

Editorial board:
68 Bolshevistskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation
Phone: +7 8342 481424

Website: <https://csfu.mrsu.ru>
Electronic edition:
<https://journals.rcsi.science/2076-2577>
E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Released on June 30, 2026.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 14,70.
Circulation 1,000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 431

Printed in the Publishing Office of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya St., Saransk
430005, Republic of Mordovia,
Russian Federation

© National Research Mordovia State University, 2026

Finno-Ugric World
Scholarly Journal

Финно-угорский мир

«Финно-угорский мир» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий оригинальные научные статьи, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов.

Миссия журнала – распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризация их языков, народной культуры и искусств, истории.

Журнал включен в «Белый список» научных журналов и входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (финно-угорские и самодийские)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Редакция научного издания «Финно-угорский мир» осуществляет рецензирование («двойное слепо») всех поступающих в редакцию материалов. Рукопись статьи направляется на рецензирование для оценки ее научного содержания нескольким ведущим специалистам соответствующего профиля, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи.

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Редакция журнала реализует принцип нулевой толерантности к плагиату и осуществляет мониторинг некорректного цитирования.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Издание предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Scopus

Russian Science Citation Index (RSCI)

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Ulrich's Global Serials Directory

Журнал является членом Committee on Publication Ethics (COPE),
Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ),
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef

Finno-Ugric World

Journal “Finno-Ugric World” is a peer-reviewed open access scholarly journal publishing original scientific articles devoted to the results of research on linguistic, historical, ethnographic and cultural problems of Finno-Ugric peoples.

The mission of the journal is to disseminate scientific knowledge about Finno-Ugric peoples in the Russian Federation and abroad, popularize their languages, folk culture and arts, history.

The Editorial Board reviews (double-blind review) all incoming papers. The manuscript of the article is sent for review to several leading specialists of the corresponding profile, who have scientific specialization closest to the subject of the article, to evaluate the scientific content.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The Editorial Board follows the principle of zero tolerance to plagiarism. Plagiarism checking is carried out by using Anti-Plagiarism and iThenticate software.

The journal adheres to editorial ethics standards following international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal offers direct open access to full-text issues based on the following principle: open access to research results contributes to the increase of global knowledge sharing.

The journal is indexed and archived in:

Scopus

Russian Science Citation Index (RSCI)

Russian Index of Science Citation

ERIH PLUS

Ulrich’s Global Serials Directory

The journal is a member of the Committee on Publication Ethics (COPE), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP) and CrossRef

Редакционная коллегия

Макаркин Николай Петрович – главный редактор, председатель совета, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и организации производства МГУ им. Н. П. Огарёва, руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Российская Федерация), makarkin@mrsu.ru

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), natamish@rambler.ru

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь редакции научных журналов Высшей школы развития научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), olga.bahlova@mail.ru

Бояркин Николай Иванович – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), bojarkin_ni@mail.ru

Братчикова Надежда Станиславовна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация), n.bratchikova@mail.ru

Вичинене Дайва – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузикологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivaster@gmail.com

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), zherebtsov@mail.illkhomisc.ru

Илюха Ольга Павловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), iljuha@krc.karelia.ru

Кауппала Пекка – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Кондратьева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская Федерация), nataljakondratjeva@yandex.ru

Копылова Татьяна Рудольфовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, теоретической, прикладной лингвистики и русского языка как иностранного Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская Федерация), k_tatiana4@mail.ru

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МГУ им. Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация), g.kornihina@mail.ru

Луутонен Йорма – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi

Мартынова Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Российская Федерация), martynova@iea.ras.ru

Матичак Шандор – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Мишанин Юрий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского) народа (г. Саранск, Российская Федерация), mordvarf@mail.ru

Муллонен Ирма Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Российская Федерация), mullonen@krc.karelia.ru

Новак Ирина Петровна – доктор филологических наук, директор Института языка, литературы и истории, старший научный сотрудник Междисциплинарного научно-образовательного центра NORDICA Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск, Российская Федерация), bel.irina@gambler.ru

Нурьева Ирина Мургазовна – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Российская Федерация), nurieva-59@mail.ru

Осьмак Наталья Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков Северной Европы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), natalia.osmak@yandex.ru

Попов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), doctor_popov@mail.ru

Пустаи Янош – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com

Ракин Анатолий Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация), anatolij.rakin@mail.ru

Сейленталь Тьну – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee

Тулуз Ева – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com

Шаланки Жужанна – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Шилов Николай Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук и менеджмента Московского социально-педагогического института (г. Москва, Российская Федерация), n_shilov@uni21.org

Шипёц Каталин – доктор философии, доцент кафедры финно-угроведения Сегедского университета (г. Сегед, Венгрия), sipoczka@gmail.com

Шкалина Галина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусства Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола, Российская Федерация), gshkalina@mail.ru

Editorial Board

Nikolay P. Makarkin – *Editor-in-Chief*, Chairman of the Board, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Economics and Organization of Production, National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russian Federation), makarkin@mrsu.ru

Natalya M. Mosina – *Deputy Editor-in-Chief*, Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), natamish@rambler.ru

Yuliya N. Nikonova – *Executive Secretary* of the Editorial Board of Scientific Journals of the Higher School of Development of Scientific and Educational Potential, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), ulanikonova@yandex.ru, finno-ugric.world@mail.ru

Olga V. Bakhlova – Dr.Sci. (Polit.), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), olga.bahlova@mail.ru

Nikolay I. Boyarkin – Dr.Sci. (Arts), Professor, Leading Researcher, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), bojarkin_ni@mail.ru

Nadezhda S. Bratchikova – Dr.Sci. (Philol.), Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), n.bratchikova@mail.ru

Olga P. Ilyukha – Dr.Sci. (Hist.), Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), iljuha@krc.karelia.ru

Pekka Kauppala – Ph.D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi

Natalia V. Kondratyeva – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), nataljakondratjeva@yandex.ru

Tatiana R. Kopylova – Dr.Sci.(Philol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics, and Russian as a Foreign Language, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), k_tatiana4@mail.ru

Galina A. Kornishina – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), g.kornihina@mail.ru

Jorma Luutonen – Ph.D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi

Marina Yu. Martynova – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russian Federation), martynova@iea.ras.ru

Sándor Maticsák – Ph.D. (Philol.), Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu

Yuri A. Mishanin – Dr.Sci. (Philol.), Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovia (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russian Federation), mordvarf@mail.ru

Irma I. Mullonen – Dr.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), mullonen@krc.karelia.ru

Irina P. Novak – Dr.Sci. (Philol.), Director, Institute of Language, Literature and History; Senior Researcher, Interdisciplinary Research and Education Center NORDICA, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation), bel.irina@rambler.ru

Irina M. Nurieva – Dr.Sci. (Arts), Leading Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation), nurieva-59@mail.ru

Natalia A. Osmak – Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Languages of Northern Europe, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), natalia.osmak@yandex.ru

Alexander A. Popov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), doctor_popov@mail.ru

János Pusztay – Ph.D. (Philol.), Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com

Anatoly N. Rakin – Dr.Sci. (Philol.), Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), anatolij.rakin@mail.ru

Zsuzsanna Salánki – Ph.D. (Philol.), Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Tõnu Seilenthal – Ph.D. (Philol.), Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee

Katalin Shipets – Ph.D., Dr. Habil, Assistant Professor of the Department of Finno-Ugric Studies, University of Szeged (Szeged, Hungary), sipoczkg@gmail.com

Nikolai V. Shilov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences and Management, Moscow Social Pedagogical Institute (Moscow, Russian Federation), n_shilov@uni21.org

Galina E. Shkalina – Dr.Sci. (Cult.), Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), gshkalina@mail.ru

Eve Toulouse – Ph.D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com

Daiva Vyčiniėnė – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com

Igor L. Zherebtsov – Dr.Sci. (Hist.), Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Когнитивная и корпусная лингвистика

Кондратьева Н. В., Титова О. В. Лингвосенсорика холода в удмуртском языке: проблема эквивалентного перевода на русский язык	144
Мосина Н. М., Комиссаров Г. М. Свойства глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке в аспекте типологической модели А. Виберга	159
Белкина Н. В., Шарешик Д. Ю. Разметка финско-русского корпуса фразеологизмов на примере идиом со значением «умереть»	170
Романова М.В. Роль образной схемы «контейнер» в вербализации концепта «сюлэм» 'сердце' в удмуртском языке	183

Региональная история

Нестерова И. С. «Контрабандисты» или «крестьяне-собратья»: социальная репрезентация карельских коробейников на территории Великого княжества Финляндского	200
Дианова Е. В. Сельскохозяйственный уклон школьного образования Карелии в 1920-е гг.: ретроспективный анализ регионального опыта	216

Этнокультурное наследие

Рогачев В. И., Гордина С. В., Немечкин В. Н. Труд А. О. Гейкеля как источник по материальной культуре и современным практикам ревитализации	234
Матвеева И. А. Музыкально-этнографическая традиция мордвы-мокши Пензенской области: к проблеме выявления музыкальных диалектов	254
Токпулатов В. Г. Марийский образовательный менталитет: структура, ценности и трансформации	271
Теняков И. Ю. Танец как текст культуры: семиотический анализ хореографии хантов и манси в контексте традиционных праздников.....	285
Информация для авторов и читателей	299

CONTENT

Cognitive and Corpus Linguistics

Kondratieva N. V., Titova O. V. The Linguo-Sensory Representation of Cold in the Udmurt Language: The Problem of Equivalent Translation into Russian	144
Mosina N. M., Komissarov G. M. The Properties of Visual Perception Verbs in the Erzya Language in the Aspect of A. Viberg's Typological Model	159
Belkina N. V., Shareshik D. Yu. Making the Finnish-Russian Corpus of Phraseological Units: A Case Study of Idioms Meaning "to Die"	170
Romanova M. V. The Role of the Image Schema "Container" in the Verbalization of the Concept "Sulem" 'Heart' in Udmurt	183

Regional History

Nesterova I. S. "Contrabandists" or "Peasants-Brethren": Karelian Peddlers in the Grand Duchy of Finland	200
Dianova E. V. The Agricultural Orientation of School Education in Karelia in the 1920s: A Retrospective Analysis of Regional Experience	216

Ethnocultural Heritage

Rogachev V. I., Gordina S. V., Nemechkin V. N. A. O. Heikel's Work as a Source on Material Culture and Contemporary Revitalization Practices	234
Matveeva I. A. The Musical and Ethnographic Tradition of the Moksha-Mordovians of the Penza Region: Toward the Identification of Musical Dialects	254
Tokpulatov V. G. Mari Educational Mentality: Structure, Values and Transformations	271
Tenyakov I. Yu. Dance as a Cultural Text: A Semiotic Analysis of Khanty and Mansi Choreography in the Context of Traditional Festivals	285
Information for authors and readers	299

КОГНИТИВНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА COGNITIVE AND CORPUS LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.144-158>

<https://elibrary.ru/fhrkze>

УДК / UDC 81:81'25:811.511.131

Оригинальная статья / Original article

Лингвосенсорика холода в удмуртском языке: проблема эквивалентного перевода на русский язык

Н. В. Кондратьева , О. В. Титова

Удмуртский федеральный исследовательский центр

Уральского отделения РАН,

г. Ижевск, Российская Федерация, <https://ror.org/03aesme15>

* nataljakondratjeva@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Исследование языковой репрезентации перцептивного восприятия окружающей действительности позволяет не только систематизировать специфику выражения этого феномена, но и выявить универсальные и национально-специфические черты сенсорного опыта. Это создает теоретическую основу для разработки адекватных переводческих стратегий, обеспечивающих точную передачу оттенков чувственного восприятия при переводе. Несмотря на это, в финно-угорском языкознании имеется научная лакуна, связанная с отсутствием системного описания лингвосенсорики восприятия холода в удмуртском языке. Цель исследования – определить особенности языковой репрезентации понятия «холод» в удмуртском языке с точки зрения лингвосенсорики и проанализировать, как эти сенсорные значения могут быть переданы при переводе на русский язык.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили лексикографические издания, художественные произведения, лингвистические данные, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка. В ходе работы применялись: метод лингвистического описания, предполагающий наблюдение, интерпретацию и систематизацию языкового материала; семный анализ для представления лексического значения слова как совокупности компонентов значения (в частности, низкой температуры); метод сплошной выборки; анализ словарных дефиниций; метод контекстного анализа и лексикографический метод; контекстологический и стилистический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Лингвосенсорика холода в современном удмуртском языке отражает соответствующую перцептивную информацию, связанную с экстероцептивными и интероцептивными ощущениями. В зависимости от этого выделены группы лексических единиц, участвующих в вербализации восприятия и ощущения холода. Лексема «кезьыт» является универсальной лексической единицей, выражающей следующие семантические значения: холодный; морозный; прохладный; студеный; холод; мороз; прохлада; стужа и др. В связи с этим при реализации стратегии коммуникативно-равноценного перевода с удмуртского языка на русский актуальными становятся: наличие устойчивых выражений; содержательная сторона микро- и макроконтраста, отражающая сенсорную модальность восприятия и ощущения холода; перцептивный опыт переводчика.

Заключение. Сделанные авторами выводы вносят вклад в развитие теории перевода. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы за счет анализа других сенсорных модусов (например, звука, вкуса и др.) в удмуртском и других финно-угорских языках.

Ключевые слова: удмуртский язык, лингвосенсорика холода, переводческая деятельность, переводческие стратегии, языковая репрезентация перцептивного модуса

Финансирование: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-78-10041 «Русско-удмуртский параллельный корпус: разработка инструментария и сопоставительные исследования» (2026 г.).

© Кондратьева Н. В., Титова О. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кондратьева Н.В., Титова О.В. Лингвосенсорика холода в удмуртском языке: проблема эквивалентного перевода на русский язык. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):144–158. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.144-158>

The Linguo-Sensory Representation of Cold in the Udmurt Language: The Problem of Equivalent Translation into Russian

N. V. Kondratieva , O. V. Titova

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
<https://ror.org/03aesme15>
 nataljakondratjeva@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The study of the linguistic representation of perceptual cognition of the surrounding reality makes it possible not only to systematise the specific features of expressing this phenomenon, but also to identify both universal and nationally specific characteristics of sensory experience. This creates a theoretical foundation for the development of adequate translation strategies ensuring the accurate rendering of nuances of sensory perception in translation. Despite this, Finno-Ugric linguistics still contains a significant research gap associated with the absence of a systematic description of the linguo-sensory representation of cold perception in the Udmurt language. The aim of the present study is to determine the specific features of the linguistic representation of the concept of “cold” in the Udmurt language from the perspective of linguo-sensory studies and to analyse how these sensory meanings may be conveyed when translated into Russian.

Materials and Methods. The empirical basis of the study comprised lexicographic sources, literary works, and linguistic data extracted from the National Corpus of the Udmurt Language. The research employed a range of methods, including the method of linguistic description involving observation, interpretation, and systematisation of linguistic material; componential analysis aimed at representing the lexical meaning of a word as a set of semantic components (in particular, that of low temperature); the method of continuous sampling; analysis of dictionary definitions; contextual analysis and the lexicographic method; as well as contextual and stylistic analysis.

Results and Discussion. The linguosensorics of cold in the contemporary Udmurt language reflects the corresponding perceptual information associated with both exteroceptive and interoceptive sensations. Depending on this, groups of lexical units participating in the verbalization of the perception and sensation of cold have been identified. The lexeme *kez’yt* constitutes a universal lexical unit expressing the following semantic meanings: cold; frosty; cool; icy; coldness; frost; coolness; bitter cold, etc. In this regard, when implementing a communicatively equivalent translation strategy from Udmurt into Russian, particular relevance is attached to the presence of fixed expressions, the semantic content of the micro- and macrocontext reflecting the sensory modality of perceiving and experiencing cold, as well as the translator’s perceptual experience.

Conclusion. The conclusions drawn by the authors contribute to the development of translation theory. Prospects for further research are associated with expanding the empirical basis through the analysis of other sensory modalities (such as sound, taste, etc.) in the Udmurt language and other Finno-Ugric languages.

Keywords: the Udmurt language, linguosensory perception of cold, translation activity, translation strategies, linguistic representation of the perceptual mode

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-78-10041 “Russian-Udmurt Parallel Corpus: Development of Tools and Comparative Research” (2026).

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Kondratieva N.V., Titova O.V. The Linguo-Sensory Representation of Cold in the Udmurt Language: The Problem of Equivalent Translation into Russian. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):144–158. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.144-158>

Введение

В рамках антропоцентрической парадигмы развития современного языкознания особое место занимает изучение лингвистической репрезентации перцептивного восприятия окружающей действительности. Специфика климатических условий проживания удмуртского народа позволяет утверждать, что холод является одним из важных компонентов языковой картины мира удмуртов. Средняя температура января в Удмуртской Республике составляет -15°C , достигая иногда отметки -45°C . Период со среднесуточной температурой ниже 0°C длится 160–175 дней – с конца октября до начала апреля. Согласно лексикографическим изданиям, лексемы *холод*, *мороз*, *стужа*, *прохлада*, *холодрыга* можно перевести на удмуртский язык единой словоформой *кезьыт*: «холодный; морозный; прохладный; студёный || холодно; морозно; прохладно; студено || холод; мороз; прохлада; стужа»¹. Такое описание не передает различных оттенков восприятия холода носителями разных языков, поэтому создает сложности для переводчика.

Цель исследования – выявление лингвосенсорных характеристик языковой репрезентации холода в удмуртском языке и изучение возможностей передачи изучаемой сенсорной информации при переводе с удмуртского на русский язык.

Актуальность статьи обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью лингвистических аспектов восприятия холода в удмуртском языке, с другой – важностью исследования особенностей вербализации холода для переводческой деятельности.

Обзор литературы

Принято считать, что термин «лингвосенсорика» был предложен российским лингвистом В. К. Харченко в 2012 г. для обозначения области «лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния»², хотя вопросы философской, культурной опосредованности перцептивного опыта человека в научной литературе уже поднимались раньше в исследованиях А. В. Нагорной³.

В современной гуманитарной науке изучение роли лингвосенсорики занимает важное место как среди отечественных, так и зарубежных специалистов. Одни ученые занимаются исследованием репрезентации лингвосенсорных ощущений в художественной литературе. Так, Л. Е. Ляпина⁴, рассмотрев особенности вербальной передачи температурных ощущений в лирике М. Ю. Лермонтова, обнаружила, что среди тактильной микролексики наиболее часто встречаются слова, содержащие семантический компонент «холод». Е. В. Сергеева и Т. В. Губернская анализируют особенности лексического воплощения семантики холода в поэзии А. Блока [1]. П. Н. Барышников и Л. А. Велис на основе изучения профиля ольфакторных описаний у Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова приходят к выводу, что в творчестве писателей наблюдаются существенные различия в использовании средств для описания и номинации запахов [2]. Как подчеркивает Л. Е. Ляпина, «окружающая субъекта (героя произведения) реальность может быть сюжетно представлена в его ощущениях: зрительных, звуковых, тактильных, ольфакторных, вкусовых, – продуктивных для интерпретации героя и его мировидения. Конкретный отбор, структура и характер включения в текст образов, репрезентирующих эти ощущения, составляют сенсорную поэтику текстов» [3].

¹ Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов. Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск; 2008. С. 288.

² Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: ЛИБРОКОМ; 2012. С. 6.

³ Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналит. обзор. Отв. ред. Э.Б. Яковлева. М.; 2017. С. 9–17.

⁴ Ляпина Л.Е. Поэтика «холодного» в лирике М. Ю. Лермонтова. *От текста к контексту*. 2014;(1):4–11.

Другая группа ученых предлагает интерпретацию значения выражений, используемых при реконтекстуализации сенсорного опыта в письменном дискурсе. Например, выявляются лингвистические механизмы преобразования сенсорного опыта в текст и дискурс. В центре внимания находятся четыре модальности восприятия: зрение, обоняние, вкус и осязание. Особое значение придается исследованию языковых ресурсов, используемых для описания обонятельных ощущений, в условиях предполагаемого дефицита специализированных сенсорных словарей [4; 5].

Третья группа исследователей занимается изучением особенностей перевода перцептивной лексики. В частности, в трудах А. В. Мерзлой актуализируется вербализация восприятия холода в переводе метеорологических текстов с финского на русский язык [6–8]. П. В. Ярошенко исследует модели перевода слов с сенсорными компонентами на материале русского, французского и английского языков⁵.

Несмотря на повышенный интерес к проблеме лингвосенсорики в мировой лингвистике, в удмуртском языкознании отсутствуют работы, посвященные изучению данного вопроса.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили лексикографические издания и лингвистические материалы, извлеченные из Национального корпуса удмуртского языка⁶. Также были использованы учебники по географии⁷ и естествознанию⁸ на русском и удмуртском языках, поскольку в них представлены эквивалентные переводы изучаемой группы лексики, что обеспечивает валидность полученных результатов.

Использование метода контекстного анализа и метода сплошной выборки позволило определить структурно-содержательную сторону исследуемого материала; лексикографический метод применялся для раскрытия значений изучаемых слов посредством обращения к соответствующим словарям. Метод лингвистического описания включал наблюдение, толкование, синтез и классификацию собранного материала. Семный анализ предполагал представление лексического значения слова как совокупности составляющих элементов, отражающих характерные признаки обозначаемого предмета или явления, в частности низкую температуру. Контекстологический анализ позволил изучить функционирование лексемы в конкретных контекстах. Интерпретационный анализ проводился с целью выявления механизмов переводческой деятельности и обоснования принятых переводчиками решений. Стилистический анализ сосредоточился на поиске языковых средств и сочетаний в исследуемых языках с учетом их влияния на процесс перевода.

Результаты исследования и их обсуждение

1. На основе анализа лексикографических изданий и художественных текстов в современном удмуртском языке можно обнаружить следующие группы лексических единиц, выражающих невысокую температуру:

⁵ Ярошенко П.В. Слово сочетания с сенсорными семантическими компонентами (на материале параллельного мультязычного корпуса): дисс. ... канд. филол. наук. М.; 2023. 181 с.

⁶ Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 20.03.2026).

⁷ Терехова Л.Г., Эрдели В.Г. География. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения. М.; 1933; Терехова Л.Г., Эрдели В.Г. География. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения = Географи. Кыкетй люкетэз. Ойг ёзо школаын нылетй араз дышетон книга. Пер. М.Н. Булычев, К.А. Корепанов, И.Н. Постников. Ижевск; 1933. URL: https://wiki.komikyv.com/index.php/География_4_класс_1933/34_rus-kom-koi-udm (дата обращения: 20.03.2026).

⁸ Тетюрев В.А. Естествознание. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения. М.; 1934; Тетюрев В.А. Естествознание. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения = Естествознание. Начальной школаын нылетй классаз дышетон книга. Кыкетй люкетэз. Пер. М. Петров. Ижевск; 1933. URL: https://wiki.komikyv.com/index.php/Естествознание_4_класс_2_издание_rus-kom-koi-udm (дата обращения: 20.03.2026).

1. Первая группа лексем отражает значение присутствия умеренного холода, свежести воздуха, соответствующего лексеме *прохлада* в русском языке. К данной группе в удмуртском языке относятся следующие лексические единицы:

а) *салкым*: 1. прохлада, свежесть || прохладный, свежий || прохладно, свежо; *педлон* ~ на улице прохладно; 2. пасмурный, облачный, сумрачный || пасмурно, облачно, сумрачно; ~ *нуналъёс* пасмурные дни; 3. холодный, морозный, студеный || холодно, морозно, студено (с. 586)⁹. Например: *Нюкын салкым, соин ик бус жутске* (Г. Красильников) 'В овраге прохладно, поэтому поднимается белый туман'; *Пиос гольык пьд сыло. Сйзьыллэсь салкымзэ уг шодо ни, лэся* (У. Бадретдинов) 'Парни стоят босиком. Словно не замечают осенней прохлады'.

Чаще всего лексема *салкым* используется для выражения значения категории состояния: *Тйледлы салкым ёвёл-а? Мынам выльтыры оломар юзыр-кезьыр луйса кошкыз* (П. Чернов) 'Вам не прохладно? По моему телу пробежала дрожь'. Однако на основе примеров, извлеченных из Национального корпуса удмуртского языка, можно сделать вывод, что исследуемая словоформа чаще всего сочетается с такими лексическими единицами, как:

омыр 'воздух': *Шур палась салкым омыр пельтылэ* (Г. Красильников) 'Со стороны реки дует прохладный ветер (букв. воздух)';

тёл 'ветер': *Кытысь ке кыдёкысь вуыса, салкым тёл пельтйз* (Г. Красильников) 'Откуда-то издали подул прохладный ветер';

уй: *Нуназелэн кылем шунытэз уй салкымен сураське* (Г. Красильников) 'Дневное тепло сменяется вечерней прохладой'.

Указанная лексема может также использоваться для вербализации прохлады в конкретном топосе, природе, организме человека и др.: например, прохладный дом: *Мастерскоез усътыса, салкым корка пушкы чошен пыризы* (Г. Красильников) 'Открыв мастерскую, вдвоем вошли в прохладное здание'; прохладный лес: *Автобус (...) чал-чал салкым нюлэскы зымиз* (Г. Перевощиков) 'Автобус въехал в тихий прохладный лес'; прохладная земля: *Тыр шунды, синэз мальдытыса, салкым муэз шуныт омыреныз веша* (М. Коновалов) 'Солнце, ослепляя глаза, обогревает прохладную землю своим теплом'; прохладные руки: *Валес вылын кыллись картэз доры лыктыса, Нина Кузьминична салкым киоссэ солэн пось пияз понйз* (Р. Валишин) 'Подойдя к лежащему на кровати мужу, Нина Кузьминична положила свои прохладные руки за его горячую пазуху' и др.

Исследуемая лексема может функционировать в переносном значении: *Озъы, огъя салкым мылкыдэз шунытыса, кылбуре шуныт тылгёс пыро* (А. Ермолаев) 'букв. Так, согревая прохладное настроение, в стихотворение проникают теплые строки'.

Таким образом, лексема *салкым* является наиболее универсальной для вербализации значения *прохлада*;

б) *юзмыт*: прохладно, свежо || прохладный, свежий; ~ *луыны* стать (становиться) прохладным; ~ *омыр* свежий (прохладный) воздух; ~ *уй* прохладная ночь; *педлон* ~ во дворе свежо (прохладно) (с. 813).

Например: *Уйшор вуэмъя нумен ялан юзмыт луэ* (Т. Архипов) 'С наступлением полуночи становится все прохладнее'; *Нош сйзьыл тёл шаугетэ гольык писпуосын, дырын-дырын юзмыт шапыкёсын пазяське* (В. Ар-Серги) 'Осенний ветер шумит среди голых деревьев, временами брызгается прохладными капельками'.

Важно подчеркнуть, что значение *прохладный* или *холодный* в данном случае актуализируется только в контексте. Например, в случае описания летнего периода более логичным представляется использование лексемы *прохладный*: *Дима ёсэз*

⁹ Здесь и далее словарные статьи взяты из: Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов. Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск; 2008. 922 с.

устьыса гинэ вуиз, шулдыр гужем нунал сое вешаса сямен **юзмыт** чук төлэн пумитаз (Е. Загребин) ‘Дима только успел открыть дверь, как веселый летний день встретил его прохладным утренним ветром’. Зимние описания актуализируют словоформу холодный: **Юзмыт** уй соослэсь мугорзэс чепылля, ымнырзы вылэ пужмер пуксе (М. Лямин) ‘Холодная ночь щиплет их тело, лица леденеют’.

В отличие от предыдущей лексемы, **юзмыт** чаще сочетается со словами, выражающими воздушную стихию, а также используется в контексте с водными / жидкими объектами:

омыр ‘воздух’: *Урамьсь юзмыт омыр, бергась лымы пырыос сайкытатйзы на сое...* (В. Сергеев) ‘На улице холодный воздух, кружащие в воздухе снежинки взбодрили его’; *Зарезь вылысь мускыт төл пельтэ, вань мугорез юзмыт омыр сйсья* (Ф. Пукроков) ‘С моря дует влажный ветер, все тело пронизывает холодный воздух’;

төл ‘ветер’: *Олокытысь юзмыт төл ырактйз* (В. Ар-Серги) ‘Откуда ни возьмись подул холодный ветер’;

ву ‘вода’: **Юзмыт** ошмес вуэз / *Кемалась ни шат верьямед?* (Е. Васильева) ‘Прохладную родниковую воду / давно ли ты уже пробовал?’;

иур ‘река’: *Чошатыны луонтэм сайкыт, юзмыт но чылкыт Пычас иуред, Прошка* (Т. Архипов) ‘Ни с чем невозможно сравнить прохладную и чистую реку Пычас, Прошка’;

в) еще одна лексема, связанная с передачей прохладной погоды, – *ыркыт*: свежий, прохладный || свежо, прохладно || прохлада (о ветре, погоде); ~ *луыны* становится свежим (прохладным); ~ *төл* свежий ветер (с. 794).

В отличие от лексем *сайкыт* и *юзмыт*, исследуемая словоформа имеет ограниченную сочетаемость: как правило, в литературном языке *ыркыт* встречается в сочетании с лексемами *омыр* ‘воздух’ и *төл* ‘ветер’: *Омыр ыркыт но чылкыт. Жыт паллы йёзектэм пукись вуос лосыр карылйзы Тёминлэн кедыосыз улын* (В. Ар-Серги) ‘Воздух прохладный и чистый. К вечеру обледеневшие лужи хрустели под кедами Тёмина’; *Нош омыр чик ыркыт өвөл, азьло сямен ик жокыт* (Г. Красильников) ‘А воздух не стал прохладным, по-прежнему душно’; *Окоп котырысьтызы музейем чужектэм куарьёсын шобырскемын. Шур палась ыркыт төл пельтэ* (В. Голубев) ‘Земля у окопов покрыта желтой листвой. Со стороны реки дует прохладный ветер’; *Инбамын картуз быдэа но пилем өвөл. Юзмытак ыркыт төл дэрэм пушкы пыре* (В. Сергеев) ‘На небе нет ни облака. Прохладный ветер забивается под рубашку’.

Однако, проанализировав Национальный корпус удмуртского языка, можно сделать вывод о единичных случаях употребления исследуемой лексемы со словами, выражающими водную стихию (*Кема соос зомбылляськызы ыркыт вуын* (И. Гаврилов) ‘Долго они барахтались в прохладной воде’) или природные объекты (*Нош козаклы умойгес кёланы ыркыт ин улйсь чошкыт музейем вылын* (Н. В. Гоголь) ‘А казаку лучше спать под прохладным небом на ровной земле’).

Имеются случаи, когда в одном предложении представлены две лексемы исследуемого перцептивного модуса: *Ог куамын метр ортчыса, со шедиз ыркыт салкыме, нап тиспуослэн саулазы* (К. Ломагин) ‘Пройдя около 30 метров, он оказался в прохладе (букв. прохладной прохладе), в тени густых деревьев’ или *Кыче ыркыт кезыт вуэн мисьтаськыны* (В. Голубев) ‘Как прохладно (в знач. освежает) умываться холодной водой’.

2. Вторая группа лексических единиц представлена лексемами *кезыт* и *кын*. Это универсальная группа слов, выражающих лингвосемиотику холода:

кезыт – холодный; морозный; прохладный; студеный || холодно; морозно; прохладно; студено || холод; мороз; прохлада; стужа (с. 288);

кын 1. мерзлый, замерзший, застывший; 2. холод, мороз || морозный; 3. геогр. мерзлота (с. 375).

В зависимости от контекста, указанные лексемы могут являться как именами существительными или прилагательными, так и наречиями: *Кеносын тол дырья кадь кезьыт возиське на, излэсь тырем борддоръёс чаляк уг шунало* (Л. Кривошеев) ‘Словно зимой в амбаре холодно (букв. держится холодно), каменные стены не прогреваются’; *Куазь тын-тын кынтііз. Кын музьем вылтій корк-корк гинэ кошкисько* (И. Гаврилов) ‘Похолодало. И с хрустом шагаю по промерзшей земле’; *Їукна куазь кезьыт кариськиз* (Г. Красильников) ‘Рано утром похолодало (букв. погода стала холодной)’.

Как и в случае с лексемами группы «прохлада», семантическое значение слов *кезьыт* и *кын* при переводе на русский язык выявляется из контекста: *Татын котьку пеймыт но кезьыт* (Естествознание, 4 класс) ‘Здесь вечная тьма и вечный **холод**’; ср.: *Татын кезьыт 70 -э но вуылэ* (География, 4 класс) ‘Здесь **морозы** доходят до 70°’. Или *Солдатъёс быземья кын музьем дынгыртэ, нюк-гопъёсысь кынмем йёос куажьыр гинэ тійяськыло* (В. Голубев) ‘От бега солдат мерзлая земля грохотала, замерзшие льдины в оврагах с треском ломались’.

3. Третья группа лексических единиц, вербализующих лингвосемиотику холода, представлена устойчивыми словосочетаниями. Как правило, они реализуют значение сильных морозов, стужи, например:

а) *зырт ~ зарт кезьыт*: *Куазь зырт кезьыт (ог ньыльдон градус кадь вал), нош шур кынмемын ой вал* (С. Самсонов) ‘Стояли морозы (примерно сорок градусов), а река не застыла’; *Жоген тани зырт кезьыт вуоз. Уть, кыче сйзьыл төл вуэз, куаръёсыз ишка* (Е. Загребин) ‘Скоро наступят морозы. Смотри, как воет осенний ветер, рвет листья’; *Бугрес пурзыса пазяське кёс лымы. / Вандэ зырт кезьыт, чепылля ымнырез* (М. Петров) ‘Рыхлой метелью кружит сухой снег. / Мороз щиплет лицо (букв. режет, щиплет)’; *Зарт кезьыт гортэмен шобыртэ* (К. Галиханов) ‘Мороз покрывает инеем’.

Для вербализации ощущения сильных морозов возможна редупликация первого компонента: *Уй зырт-зырт кезьыт, пыд улын лымы ик куажьыртэ* (М. Петров) ‘Ночь настолько морозная, даже снег под ногами скрипит’; *Толэзь жьыныё. Куазь зырт-зырт кезьыт* (И. Гаврилов) ‘Полумесяц. Мороз’; *Со уе куазь но шёддйз кадь туж секыт югдурез – зырт-зырт кезьыт луиз* (А. Бутолин) ‘В ту ночь словно и погода почувствовала сложную ситуацию: стало морозно’;

б) *зар кезьыт*: *Писпуос но пересъёс кадь гортэмын, / Зар кезьыт потэм ни юшаны* (Ф. Васильев) ‘И деревья, словно старики, покрыты инеем, / Мороз вышел прогуляться’; *Быдэс толэз шумпотьса ветлймы, зар кезьытъёс дырья но пыдъёсмы ёз кынме* (М. Атаманов) ‘Всю зиму ходили радостные, даже в морозы не застудили ноги’; *Туннэ буран дугдэм, куазь зар кезьыт кариськиз* (Г. Красильников) ‘Сегодня буран прекратился, стало морозно’; *Гужем чидантэм пось лубылоз вал, нош толалтэ зар кезьыт* (Г. Красильников) ‘Летом было невыносимо жарко, а зимой морозно’. Как показывают лингвистические данные из Национального корпуса удмуртского языка, существует также фонетический вариант данного словосочетания – *чар кезьыт*: *Куазь толсур азын – чар кезьыт, зольгыриос лобан улсазы кезьытлы чидатэк пуэктыса куло* (М. Лямин) ‘Перед январем – лютые морозы, воробьи во время полета от холода умирают’.

Как и в предыдущем случае, возможна редупликация первого компонента: *Зар-зар кезьыт луэм. Зольгыри воксё эбылям ни* (Н. Варламова) ‘Ударили морозы. Воробей совсем окоченел’; *Улйын, гурезь выжыын, – пось гужем, нош вылйын со дыре ик зар-зар кезьыт тол, лымыос, лымыё сьлтёлъёс* (Н. Виткович) ‘Внизу, у подножия горы, жаркое лето, а наверху в это же время настоящие морозы, снега, бураны’. Данные устойчивые выражения также ожидают фиксации в лексикографических изданиях;

в) зафиксированы случаи использования выражения *тын-тын кезьыт*: *Сйзьыл кезьыт луэм бере, общежитиысь вань комнатаосын батареяос шунтыны кутскизы, нош мынам комнатаям тын-тын кезьытэсь* (Ф. Пукроков)

‘Как только осенью становится холодно (букв. наступает холод), во всех комнатах батареи становятся теплыми, только в моей комнате они совсем холодные’.

Таким образом, в зависимости от степени проявления низких температур (сенсорной модальности) в системе современного удмуртского языка можно выделить следующие группы именных словоформ (табл. 1).

II. Отдельного внимания заслуживают глагольные формы, выражающие способы проявления низких температур и то, как человек их ощущает.

В этом случае структура исследуемого модуса состоит из следующих компонентов: субъект (наблюдатель, воспринимающий), объект (природный мир), предикат (восприятие и ощущение перцептивного модуса *холод*), орудие восприятия (лицо, кожная поверхность и др.) [9].

1. К первой группе глагольных единиц относятся экстероцептивные ощущения, поскольку они возникают под воздействием внешних раздражителей на рецепторы, расположенные на поверхности тела. Как и в случае с именными словоформами, глагольные единицы концентрируются вокруг сенсорных модальностей «прохлада», «холод», «мороз»:

а) в основе словообразовательного гнезда со значением *становиться прохладным* лежит словоформа *салкым*:

салкым ‘прохлада/прохладный’ > *салкыманы* ‘становиться прохладным’: *Нунал салкыманы кутскиз, нош ульчаосын тузон, жокым* (И. Гаврилов) ‘Дни стали прохладнее, а на улицах пыль и духота’; *Кӧня ке нунал ортчыса, берен салкыманы ӧдъяз* (Г. Перовщиков) ‘Спустя несколько дней снова стало прохладнее’.

В Национальном корпусе удмуртского языка представлены также единичные примеры, образованные от лексемы *юзмыт*: *Нош куазь пинальёсты ӧз витъы. Лапас сзрегъёсы, липет ульёсы пеймыт каръяськиз, шунды пуксён палась тӧл юзмытаз* (П. Чернов) ‘А погода ребят не ждала. В углах амбара, под кровлей поселилась темень, восточный ветер стал прохладным’.

Глагольных единиц, образованных от лексемы *ыркыт*, в составе корпуса не обнаружено, хотя устойчивые сочетания с глаголами *кариськыны* и *луыны* (как и в случае с вышеперечисленными именами) встречаются: *Ӗжытак ыркыт луиз* (П. Чернов) ‘Немного стало прохладнее’;

б) с точки зрения вербализации экстероцептивных ощущений в отдельную группу можно выделить глагольные формы, выражающие понижение температуры:

сйяны: 1. остыть, стынуть, остывать; 2. стать (становиться) прохладным, похолодать, холодать (о воздухе, погоде); 3. охладеть (с. 604);

сйялскыны: 1. стать прохладным, похолодать (о воздухе); 2. освежиться, прохладиться (о человеке); 3. перен. охладеть, остыть (с. 603). Например: *Мани берен пуксиз но сйяны кутскем чайзэ вылысьтыз вылаз жузьыліз* (Н. Белоногов) ‘Маня снова села и остывающий чай несколько раз хлебнула’; *Комнатаез сйяны кутскем. Султыса форточказэ ворсаз* (Г. Романова) ‘В комнате становилось прохладно. [Он] встал и закрыл форточку’; *Куазь но маке сйялскиз* (П. Чернов) ‘букв. Погода тоже похолодала’;

Т а б л и ц а 1. Именные словоформы перцептивного модуса «холод»

Table 1. Nominal word forms of the perceptual mode “cold”

Группа «прохлада» / Group “coolness”	Универсальная группа / Universal group	Группа «мороз» / Group “frost”
<i>салкым</i>	<i>кын</i>	<i>ӓырт ~ ӓарт кезьыт</i>
<i>юзмыт</i> (чаще стихия воздуха, стихия воды)	<i>кезьыт</i>	<i>ӓырт-ӓырт кезьыт</i>
<i>ыркыт</i> (чаще стихия воздуха)		<i>ӓар ~ чар кезьыт</i>
		<i>ӓар-ӓар кезьыт</i>
		<i>тын-тын кезьыт</i>

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: Here and throughout the article, all tables are compiled by the authors.

в) как и в случае с именными формами, при реализации перцептивного модуса *холод* универсальными являются глагольные формы, образованные от лексем *кын* и *кезьыт*:

кын > кынмыны ~ кынтыны

кынмыны: 1. озябнуть, зябнуть, замерзнуть, мерзнуть; застыть, застывать; 2. остыть, стать холодным; 3. перен. замереть (с. 376). Например: *Куазь зьырт кезьыт (ог ньыльдон градус вал кадь), нош шур кынмемын өвёл* (С. Семенов) ‘На улице мороз (около 40 градусов), а река не замерзла’; *Ловать шур кынмемын ке но, чидалоз-а со, вормоз-а калыкьёсты* (И. Гаврилов) ‘Хотя река Ловать и замерзла, выдержит ли народ, не провалится ли’; *Шур кынмиз, дол-дол чия* (А. Клабуков) ‘Река замерзла. Ярko блестит’;

кынтыны: 1. заморозить, подморозить, ударить (о морозе); 2. отморозить; 3. остудить (с. 376). Например: *Арня ёрос зорыса улйз, ураметй ветлыны йёныз ик өвёл. Толон уин кынтыз* (П. Чернов) ‘Примерно неделю шли дожди, по улице уже невозможно стало пройти. Вчера ночью подморозило’; *Пужмер вал ке но, музейемез кынтыны вормымтэ* (И. Гусев) ‘Хоть иней и лежал, заморозков не было’.

кезьыт > кезьытскыны

Как и в случае с именными формами, степень сензитивной модальности здесь можно определить только из контекста. Например: *Учке ай. Чупчи дурын / Юг-юг льбмпуос / Кезьытскиз ке но кырын, / сяськаё соос* (В. Ившин) ‘Посмотрите. У реки Чепцы / Белые черемухи. / Хоть и похолодало, / Они стоят в цвету’.

В данном случае в описании весеннего пейзажа при переводе можно использовать лексемы *похолодало* или *стало прохладно*, поскольку значение *ударили морозы* здесь не уместно. Однако в следующем примере благодаря словосочетанию *тан-тан кынмиз* ‘букв. насквозь застыло’ переводчик может применить указанное выше значение: *Шуак кезьытскыса, тан-тан кынтыз* (Г. Перевошиков) ‘Неожиданно ударили морозы, все вокруг застыло’.

Для осуществления эквивалентного перевода глаголов *кынтыны*, *кезьытскыны* важно использовать микро- или макроконтeкст. Только таким образом можно выявить сензитивную модальность восприятия и ощущения холода;

г) отдельного внимания требует группа устойчивых выражений, образованных от наречно-изобразительных слов и глаголов *кынтыны* / *кынмыны* или *кезьыт карискыны* / *лубыны*. Чаще всего они выражают значения низких температур. Подчеркнем, что не все устойчивые сочетания зафиксированы в лексикографических изданиях, поэтому приведем их в работе:

– *жон-жон кынмыны*:

Куазь туж кезьыт. Корка укноос жон-жон кынмылтэмын (В. Голубев) ‘Стоят морозы. Окна застыли’; *Кезьытёс туэ вазь кутскизы, лымы жон-жон кынмем музейем вылэ усиз* (В. Голубев) ‘В этом году морозы ударили рано, снег выпал на застывшую землю’;

– *жон-жон кынтыны*:

Нош кудмында ми нуназе но уин, зор-кот улын но жон-жон кынтыэм музейемын окопёс гудылймы (В. Голубев) ‘А сколько раз мы днями и ночами под дождем копали окопы в промерзшей земле’;

– *тын-тын кынмыны*:

Писпуос гёртэмын, укноос тын-тын кынмылтэмын (В. Садовников) ‘Деревья покрыты инеем, окна замерзли’; *Со сиёнэз но бен сиён шуыны углубы ни вал. ваньмыз тын-тын кынмемын* (Н. Байтеряков) ‘Эту еду невозможно назвать едой: все замерзло насквозь’;

– *тын-тын кынтыны*:

Кышномуртёс кыкназы ик шуныт дйёськемын: котьма шу но, жьытёсы урамьсь пукись вуосыз тын-тын кынтылэ на (Н. Самсонов) ‘Обе женщины одеты тепло, что ни говори, лужи на дорогах еще промерзают’; *Куазь тын-тын кынтыз. Кын музейем вылтй корк-корк гинэ кошкисько* (И. Гаврилов) ‘Все подморозило.’

По застывшей земле я с шумом шагаю»; *Шуак уй палась төл жутскиз но, ог уйскын тын-тын кынтійз* (П. Чернов) «Внезапно поднялся северный ветер, и за ночь подморозило»;

– *дангыр-дангыр кынтыны*:

Нырысь төл воштійськиз (...) *Нош уиназ дангыр-дангыр кынтійз* (Г. Красильников) «Вначале поменялось направление ветра, а потом все застыло»;

– *шарк-шарк кынтыны*:

Куазь уин шарк-шарк кынтійз (С. Самсонов) «Ночью подморозило».

Вышеперечисленные примеры позволяют утверждать, что лексемы *жон-жон*, *шарк-шарк*, *дангыр-дангыр* актуализируют промерзание твердых поверхностей, а словоформа *тын-тын* чаще указывает на промерзание насквозь (хотя имеет и другие значения);

д) отдельную группу глагольных единиц, выражающих экстероцептивные ощущения, составляют глаголы *гёртыны* «заиндеветь, покрыться инеем (изморозью)», *пужмертыны* «покрыться инеем, заиндеветь», *йёзектыны* «превратиться в лед, обледенеть, заледенеть, перен. окоченеть, заоченеть, замерзнуть, озябнуть». Все они обеспечивают визуальное восприятие холода. Например: *Палэзьнуос но сирпуос гёртэмын*, *шунды азын яркыт тыльёсын ворекъяло* (И. Гаврилов) «Рябины и вязы покрыты инеем, на солнце переливаются яркими огнями»; *Майор йёзектэм музьем вылэ лэзиськиз* (В. Голубев) «Майор опустился на обледеневшую землю»;

е) с точки зрения лингвокультурологии интерес представляет фразеологическая единица *порпиос ыбыло ~ порпиос ыбылйсько* «букв. марийские парни стреляют». Выражение обозначает явление, когда очень сильный мороз сопровождается характерным треском, возникающим из-за того, что при низких температурах влага в стволах деревьев замерзает, расширяется и разрывает волокна древесины. Принято считать, что появление данного устойчивого выражения отсылает к периоду воинствования племен удмуртов и марийцев: *Кытій-отій порпи но ыбылйське* (М. Коновалов) «Временами слышится потрескивание морозов».

Таким образом, глагольные единицы, выражающие перцептивный модус «холод» можно разделить на четыре базовые группы (табл. 2).

2. При исследовании особенностей вербализации перцептивного модуса *холод* невозможно оставить в стороне лингвистическую реализацию восприятия и ощущения холода организмом человека. Базовой лексической единицей здесь выступает лексема *кынмыны*:

Кынмыны: 1. озябнуть, зябнуть, замерзнуть, мерзнуть; застыть, застывать; 2. остыть, стать холодным; 3. перен. замереть (с. 376).

Как и в случае с именными лексемами, значение степени проявления холода может быть выявлено только из контекста: «*Ой! Кыче мон кынми*», – *шуыса, прихожейсьен зыгырскиз нылаш Иван борды* (В. Сергеев) «Ой! Как же я замерзла», – промолвив, девушка обняла Ивана в прихожей».

Однако целый ряд лексических единиц в своей семантике содержит сильную степень восприятия холода. Данную группу составляют следующие глагольные формы:

а) *зонгыраны*: замерзнуть, мерзнуть, замерзать, окоченеть, коченеть (с. 243): *Бен, бен, кочегаркаын ужасьсы юзм но, адымиос зольгыри сямен зонгыраллям* (А. Загребин) «Да, да, работник кочегарки принял спиртное, и люди, словно воробьи, замерзли». Фонетическими вариантами данной лексемы являются формы *чонгыраны* и *тёнгыраны*: *Татын уйзэ но кыллыны ум быгатэ ук – чонгыралом* (В. Голубев) «Здесь мы и ночь пролежать не сможем – замерзнем»; *Туннэ но быдэс чонгыраса вуиз, пыдъёсыз номыре уг шодыло ни!* (Г. Перевощиков) «И сегодня я вернулся совершенно окоченевшим, ноги ничего не ощущают»;

Таблица 2. Глагольные единицы перцептивного модуса «холод» (экстероцептивные ощущения)

Table 2. Verbal units of the perceptual modus "cold" (exteroceptive sensations)

Группа «прохлада» / Group "coolness"	Охлаждение температуры / Temperature reduction	Универсальная группа / Universal group	Группа «мороз» / Group "frost"
<i>салкым луыны / кариськыны / салкыманы / юзымт луыны / юзымтаны / ыркымт луыны</i>	<i>сийлскыны / сйяны</i>	<i>кынмыны / кынтыны / кезьытскыны / кезьытомыны</i>	1. Устойчивые выражения: <i>зырт ~ зарт кезьыт кариськыны / луыны / зырт-зырт кезьыт кариськыны / луыны / зар кезьыт кариськыны / луыны / зар-зар кезьыт кариськыны / луыны / тын-тын кынтыны / жон-жон кынтыны / жон-жон кынмыны / тын-тын кезьыт кариськыны / луыны / шарк-шарк кынтыны / дангыр-дангыр кынтыны</i> 2. Фразеологические единицы: <i>Порпи(ос) ыбылйське(о)</i>

б) *чонгырмыны*: *Мынам киосы чонгырмызы, телефон проводэз мон кырым пидэс вылам уг ни нуиськы, суй вылам понй* (М. Петров) 'Мои руки заледенели, телефонный провод я несу уже не в руках, а накинул на плечи'. Подчеркнем, что данная лексема в лексикографических изданиях не зафиксирована;

в) *эбыляны*: 1. замерзнуть, замерзать, застыть, окоченеть; 2. повянуть, вянуть (от мороза); 3. стать (становиться) хилым (вянуть) (с. 796). Важно подчеркнуть, что данная лексема чаще реализуется в контексте с *ки* 'рука' или *чиньы* 'палец': *Киосы эбылязы, тазэ мырдэм ваи* (К. Ломагин) 'Руки окоченели, эти [коробки] еле-еле донес'; *Эбылям киоссэ кук висьёсаз ватыса шунтыны выре* (В. Ар-Серги) 'В поисках тепла он прижимает замерзшие ладони к бедрам'; *Кынмыса эбылям чиньыосыз туж ик уг ке но кылзйсько, (...) нумен мургес но мургес мертчо соос небыт сюе* (Г. Перовщиков) 'Хотя окоченевшие от холода пальцы не совсем слушаются, они все глубже и глубже вонзаются в мягкую землю';

г) *пуэктыны*: зудеть, колоть (от холода) (с. 566). В случае реализации перцептивного модуса *холод*, как и в предыдущем случае, чаще всего речь идет о верхних или нижних конечностях человека: *Пöзьёссэ куштоно луиз. Тазьы ужаны каньылгес ке но, чиньыосыз туж жöг пуэктйзы* (Г. Красильников) 'Пришлось варежки снять. Хотя без них работать удобнее, пальцы очень быстро замерзли'; *Пуэктэм кийсьтыз ез бинён кискачез усиз* (Г. Красильников) 'Из закоченевших рук выронил щипцы';

д) *кочонмыны*: 1. закоченеть, окоченеть; 2. образовать кочерыжку, превращаться в кочерыжку (с. 326). *Жонгырам мугоры, кочонмем пидьёсы, эбылям чиньыосы оло мар сямен шуназы* (Е. Загребин) 'Замерзшее тело, заледеневшие ноги, окоченевшие пальцы быстро согрелись';

е) *йöзектыны*: *Йöзекто ни пидьёс, / Эбыльто пöзьёсын чиньыос* (В. Ар-Серги) 'Леденеют уже ноги, / коченеют в варежках пальцы'; *Бидэс мугорыз йöзектэмын Револэн. Кытчы ке пидэстэм коже вые кадь* (К. Ломагин) 'Все тело заледенело у Рево. Словно проваливается в какую-то бездну';

ж) на основе анализа Национального корпуса удмуртского языка помимо вышеперечисленных лексических единиц можно выделить следующие устойчивые выражения, вербализующие восприятие *прохлады* ~ *мороза*:

– *юзыр* 'дрожь':

Шунды пуксем бере, салкым луиз, мынам выльтыртйём юзыр ортчиз (Г. Красильников) 'После захода солнца стало прохладно, по телу пробежала дрожь';

– *кезьытлэсь шымырскыны* ‘сжежиться от мороза’: *Мати сое кытйяз кияз сэзъяса нуллэ, кытйяз, шудоно я кезьытлэсь шымырсконо луэ ке, пельпумаз оше* (П. Чернов) ‘Мати иногда ее [сумку] носит в руках, иногда, если приходится сжеживаться от холода или во время игры, вешает на плечо’;

– *кынмыса / кынмеменыз куалекъяны* ‘дрожать от мороза’: *Кынмыса куалекъямныз Олэклэн пиньёсыз ик шатырто ни* (А. Волков) ‘У дрожащего от холода Олёка зубы стучали’; *Оло кынмеменыз (...) быдэс мугорыз дыр куалекъя* (Р. Игнатьева) ‘От холода дрожало все тело’;

– *кынмеменыз мугорыз дырекъя ~ кынмыса дырекъяны* ‘дрожит от мороза’: *Кынмыса дырекъясь Исътёпанлэн но бур пельпумыз пöсяк луиз* (Д. Баженов) ‘У дрожащего от холода Исътёпана в правом плече стало горячо’;

– *кынмыса лызэктыны* ‘посинеть от мороза’: *Шобрет пушкын пöсям нуны кезьыт азын эбляк луэм, кынмыса лыз лызэктым* (И. Гаврилов) ‘Завернутый в одеяло младенец на холоде замерз, посинел от мороза’;

– *кынмеменыз пыд вылысьтыз пыд вылаз тэтча* ‘от холода прыгал с ноги на ногу’: *Сергей кынмеменыз пыд вылысьтыз пыд вылаз тэтчаз* (И. Гаврилов) ‘Сергей от холода прыгал с ноги на ногу’;

– *кынмеменыз кылыз уг бералтйськы* ‘от холода язык заплетается’: *Кынмеменыз кылыз öз бералтйськы ни лэся* (Е. Сараматова) ‘От холода язык уже заплетался’;

– *кынмыса пиньёсыз ваче уг вуо* ‘зуб на зуб не попадает’: *Солэн кынмыса пиньёсыз но ваче уг вуо ни* (Т. Архипов) ‘От холода уже зуб на зуб не попадает’ и др.

Подобные описательные характеристики обусловлены, с одной стороны, полимодальностью и интермодальностью ощущений, с другой – взаимосвязью процессов восприятия и состояния [10].

Основные лексические единицы, вербализующие экстероцептивные и, в ряде случаев, интероцептивные ощущения холода, представлены в таблице 3.

Анализ выбранных лексических единиц позволяет установить, что вербализация холода в современном удмуртском языке осуществляется лексемами, относящимися к различным частям речи (*салкым* ‘прохлада/прохладный’, *кынмыны* ‘мерзнуть’) и к разным перцептивным модусам (осозательному (*кезьыт* ‘холодный’), зрительному (*йöзектыны* ‘превратиться в лед; покрыться льдом’), звуковому (*портиос ыбылйсьско* ‘трещать (о морозе)’) и др. Отдельную группу составляют лексические единицы, характеризующие воздействие холода на тело человека и реакции организма на это воздействие (*кынмеменыз куалекъяны / дырекъяны* ‘дрожать от холода’, *гöртыны* ‘покрыться инеем’ и др.).

Наличие такого разнообразия лексических единиц позволяет найти переводческое соответствие, а не ограничиваться использованием лишь универсальных лексем *кезьыт* и *кынмыны*, обладающих широким спектром семантических значений вербализации перцептивного модуса, что было характерно при переводе учебников и учебных пособий с русского на удмуртский язык в 1930–1940-е гг.: *Уйналпужейлэн*

Т а б л и ц а 3. Глагольные единицы перцептивного модуса «холод» (реакция организма)
Table 3. Verbal units of the perceptual mode “cold” (physiological response)

Универсальные глаголы / Universal verbs	Группа «мороз» / Group “frost”	Реакции организма / Physiological reactions
<i>кынмыны</i>	<i>зонгыраны ~ чонгыраны ~ тёнгыраны чонгырмыны эбыляны кочонмыны йöзектыны</i>	<i>юзыр кезьытлэсь шымырскыны кынмыса куалекъяны кынмеменыз куалекъяны кынмеменыз мугорыз дырекъя кынмеменыз кылыз öз бералтйськы ни кынмеменыз пыд вылысьтыз пыд вылаз тэтча кынмыса пумыны кынмыса пиньёсыз ваче уг вуо</i>

мургорыз шуныт но нап гонэн шобырскемын: нап гон солэсь вылтырзэ кезьытлэсь возьма ‘Теплая густая шерсть покрывает тело северного оленя и хорошо защищает его от **сильных морозов**’¹⁰. Или: *Гужем туж вакчи гинэ. Туж кузь (8–9 толэзем) сьбортэм кезьыт тол луэ* ‘Здесь также короткое лето и **суровая**, очень продолжительная (8–9 месяцев) зима’¹¹.

Таким образом, полученные результаты позволяют выработать переводческие стратегии, обеспечивающие точную передачу оттенков чувственного восприятия при переводе с удмуртского на русский язык.

Заключение

В системе современного удмуртского языка функционирует группа именных и глагольных форм, вербализующая различные оттенки холода: от легкой прохлады до сильных морозов. Однако целый ряд лексических единиц, выявленных на основе анализа Национального корпуса удмуртского языка, на сегодняшний день не зафиксирован в лексикографических изданиях исследуемого языка. Между тем их включение в активный словарный состав позволит переводчику точнее выразить оттенки сенсорного восприятия и ощущения холода. В переводческой деятельности важным становится принцип учета микро- или макроконтекста, которые позволяют адекватно вербализовать эксплицирование имплицитно выраженных в оригинале ощущений холода.

По мнению исследователей, личность переводчика также является одним из важнейших аспектов, оказывающих влияние на передачу сенсорной информации при трансляции на другой язык: «В передаче сенсорной информации особое значение приобретают собственный опыт переводчика (ощущал ли он сильный холод, вдыхал ли морозную свежесть, наблюдал ли за поведенческими особенностями людей и животных, дрожащих от холода и т. п.) и владение им инвентарем разнообразных лексических единиц для описания сенсорной составляющей текста»¹². Это снова отсылает к важности фиксации всех лексических единиц, вербализирующих перцептивные модусы в языке, в лексикографических изданиях.

Таким образом, изучение лингвосенсорики перевода, связанной с восприятием различных перцептивных модусов, является важным направлением исследований, которое способствует более глубокому осмыслению и точной передаче культурных и личностных нюансов ощущения холода и других явлений природы посредством языка [11; 12]. Исследование вносит вклад в развитие антропоцентрической лингвистики и лингвосенсорики, расширяя представления о языковой репрезентации перцептивного опыта в финно-угорских языках. Результаты работы могут быть использованы в лексикографии, теории и практике перевода, а также в курсах по когнитивной лингвистике и межкультурной коммуникации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы за счет анализа других сенсорных модусов (например, запаха, вкуса и др.) в удмуртском и других финно-угорских языках. Актуальным направлением может стать разработка практических рекомендаций для переводчиков и создание специализированных учебных пособий.

¹⁰ Тетюрев В.А. Естествознание. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения. М.; 1934; Тетюрев В.А. Естествознание. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения = Естествознание. Начальной школайн ньылетй классаз дышетон книга. Кыкетй люкетэз. Пер. М. Петров. Ижевск; 1933. URL: https://wiki.komikyv.com/index.php/Естествознание._4_класс._2_издание._rus-kom-koi-udm (дата обращения: 20.03.2026).

¹¹ Терехова Л.Г., Эрдели В.Г. География. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения. М.; 1933; Терехова Л.Г., Эрдели В.Г. География. Ч. 2: Учебник для начальной школы. Четвертый год обучения = Географи. Кыкетй люкетэз. Одыг ёзо школайн ньылетй араз дышетон книга. Пер. М.Н. Булычев, К.А. Корепанов, И.Н. Постников. Ижевск; 1933. URL: https://wiki.komikyv.com/index.php/География._4_класс._1933/34._rus-kom-koi-udm (дата обращения: 20.03.2026).

¹² Мерзлая А.В. Лингвосенсорика холода в переводе с финского языка на русский: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск; 2026. С. 13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеева Е.В., Губернская Т.В. Репрезентация художественного концепта «Холод» в поэзии А. Блока. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2021;(6):87–99. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-8>
2. Барышников П.Н., Велис Л.А. Вербализация сенсорного опыта и анализ данных: построение статистических моделей. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025;(7):9–17. <https://elibrary.ru/lrqpay>
3. Ляпина Л.Е. К исторической поэтике сенсорных характеристик. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2016;(3):52–53. <https://elibrary.ru/waiwon>
4. Paradis C., Eeg-Olofsson M. Describing Sensory Experience: The Genre of Wine Reviews. *Metaphor and Symbol*. 2013;28(1):22–40. <https://doi.org/10.1080/10926488.2013.742838>
5. Shen Y., Gadir O. How to Interpret the Music of Caressing: Target and Source Assignment in Synaesthetic Genitive Constructions. *Journal of Pragmatics*. 2009;41(2):357–371. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.08.002>
6. Мерзлая А.В. Нейронный машинный перевод и передача восприятия холода (на примере финско-русского перевода метеотекстов). *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки*. 2025;25(2):73–82. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V421>
7. Мерзлая А.В. Лингвосенсорные особенности финских прилагательных с семантикой «ощущение холода» и их репрезентации в переводе. *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология*. 2023;(4):230–236. <https://elibrary.ru/znpolr>
8. Мерзлая А.В. Цветописье холода: цветовые обозначения холода в метеорологическом и художественном дискурсах. *Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология*. 2025;(2):245–251. <https://elibrary.ru/ufapqf>
9. Булюбаш А.Ю. Ситуация тактильного восприятия и ее языковая репрезентация в поэтической речи И.А. Бунина. *Казанский педагогический журнал*. 2015;(5–2):439–444. URL: <https://kpedj.ru/volumes/2015-5-112-2/> (дата обращения: 12.02.2026).
10. Крюкова Л.Б., Двизова А.В. Семантическая модель тактильного восприятия и ее реализация в поэзии Б. Пастернака. *Вестник Томского государственного университета*. 2011;(352):22–26. <https://elibrary.ru/onqfhj>
11. Брылева Р.Ф. Перцептивные концепты и способы их объективации во французском языке. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010;(22):17–20. <https://elibrary.ru/ntnqan>
12. Кузьмина А.А. Представления о холоде в фольклорной картине мира якутов. *Научный диалог*. 2020;(4):189–202. <https://elibrary.ru/kykgmk>

REFERENCES

1. Sergeeva E.V., Gubernskaja T.V. Representation of the Artistic Concept “Cold” in the Poetry of A. Blok. *Cherepovets State University Bulletin*. 2021;(6):87–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-8>
2. Baryshnikov P.N., Velis L.A. Verbalization of Sensory Experience and Data Analysis: Building Statistical Models. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2025;(7):9–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/lrqpay>
3. Lyapina L.E. [On the Historical Poetics of Sensory Characteristics]. *Cherepovets State University Bulletin*. 2016;(3):52–53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/waiwon>
4. Paradis C., Eeg-Olofsson M. Describing Sensory Experience: The Genre of Wine Reviews. *Metaphor and Symbol*. 2013;28(1):22–40. <https://doi.org/10.1080/10926488.2013.742838>
5. Shen Y., Gadir O. How to Interpret the Music of Caressing: Target and Source Assignment in Synaesthetic Genitive Constructions. *Journal of Pragmatics*. 2009;41(2):357–371. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.08.002>
6. Merzlaya A.V. Neural Machine Translation and Conveying Cold Perception (Based on Finnish-Russian Translations of Meteorological Texts). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2025;25(2):73–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V421>
7. Merzlaya A.V. Linguosensory Peculiarities of Finnish Adjectives with the Semantics of “Cold Sensation” and Their Representation in Translation. *Herald of Tver State University. Ser.: Filology*. 2023;(4):230–236. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/znpolr>

8. Merzlaya A.V. Colours of Cold: Colour Signifiers of Cold in Meteorological and Literary Discourses. *Herald of Tver State University. Ser.: Filology*. 2025;(2):245–251. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ufapqf>
9. Bulyubash A.Yu. Situation of Tactile Perception and Its Linguistic Representation in Poetic Speech of I. Bunin. *Kazan Pedagogical Journal*. 2015;(5–2):439–444. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://kpedj.ru/volumes/2015-5-112-2/> (accessed 12.02.2026).
10. Kryukova L.B., Dvizova A.V. [Semantic Model of Tactile Perception and Its Implementation in Pasternak's Poetry]. *Tomsk State University Journal*. 2011;(352):22–26. (In Russ.) <https://elibrary.ru/onqfhj>
11. Bryleva R.F. [Perceptual Concepts and Ways of Their Objectification in the French Language]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;(22):17–20. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ntnqan>
12. Kuzmina A.A. [Representations of Cold in the Folklore Picture of World of Yakuts]. *Nauchnyi dialog*. 2020;(4):189–202. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kykgmk>

Информация об авторах:

Кондратьева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426067, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-503X>, SPIN-код: 5206-9109, nataljakondratjeva@yandex.ru

Титова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (426067, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5883-1876>, SPIN-код: 3586-6980, ovtitova@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. В. Кондратьева – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

О. В. Титова – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.02.2026; одобрена после рецензирования 07.04.2026; принята к публикации 14.04.2026.

Information about the authors:

Natalia V. Kondratieva, Dr.Sci. (Philol.), Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (34 T. Baramzina St., Izhevsk 426067, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3632-503X>, SPIN-code: 5206-9109, nataljakondratjeva@yandex.ru

Olga V. Titova, Cand.Sci. (Philol.), Senior Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (34 T. Baramzina St., Izhevsk 426067, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5883-1876>, SPIN-code: 3586-6980, ovtitova@rambler.ru

Authors' contribution:

N. V. Kondratieva – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

O. V. Titova – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 23.02.2026; revised 07.04.2026; accepted 14.04.2026.

КОГНИТИВНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА COGNITIVE AND CORPUS LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.159-169>
<https://elibrary.ru/oautyc>

УДК / UDC 811.511.152:811.111

Оригинальная статья / Original article

Свойства глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке в аспекте типологической модели А. Виберга

Н. М. Мосина , Г. М. Комиссаров

МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

<https://ror.org/0262qgk29>
✉ natamish@rambler.ru

Аннотация

Введение. Глаголы зрительного восприятия занимают особое место в лексической системе любого языка: они отражают способ осмысления человеком окружающего мира через визуальный канал восприятия. Изучение таких глаголов позволяет не только выявить специфику языковой картины мира, но и проследить закономерности развития лексико-семантических групп в рамках конкретного языка. Цель исследования – выявить и систематизировать семантические характеристики глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке в рамках концепции А. Виберга. Актуальность работы обусловлена отсутствием системного семантико-типологического анализа данной лексической группы на материале эрзянского языка, что позволяет не только описать лексико-семантическое поле глаголов зрительной перцепции, но и проверить универсальность разработанной модели, а также ключевую роль данных глаголов в формировании языковой картины мира, поскольку зрение является доминирующим каналом информации для человека.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают глаголы зрительного восприятия в эрзянском языке, выявленные методом сплошной выборки из эрзя-мордовских лексикографических источников и национальных корпусов. В работе применялись как общенаучные, так и специальные лингвистические методы структурно-семантического, компонентного, контекстуального и сравнительного анализа с целью проанализировать семантические свойства глаголов перцептивной модальности на основе типологической модели А. Виберга.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье проанализированы семантические характеристики глаголов эрзянского языка, формирующих лексико-семантическое поле зрительной модальности: составлен корпус глаголов зрительной перцепции в эрзянском языке с использованием данных словарей и национальных корпусов; приведена классификация глаголов согласно семантическим типам модели: выявлены субъектно- и объектно-ориентированные лексемы, определен тип фокуса для каждой группы глагольных единиц в исследуемом языке. Для достижения поставленной цели в работе применялась трехчастная классификация глаголов зрительного восприятия, определялись фундаментальные семантические роли, выявлялись корреляции между типом фокуса и лексико-семантическими свойствами данных глаголов в эрзянском языке.

Заключение. Проведенное исследование впервые системно верифицировало трехчастную типологическую модель А. Виберга на материале эрзянского языка. Результаты подтверждают универсальность противопоставления субъектно- и объектно-ориентированного фокуса, а также контролируемого и неконтролируемого восприятия на лексико-семантическом уровне. В эрзянском языке, как и в большинстве других языков мира, глаголы зрительной модальности четко распределяются по двум основным типам фокуса с дальнейшей дифференциацией внутри каждой группы. Работа вносит вклад в типологию перцептивной лексики и открывает перспективы для сравнительно-сопоставительных исследований как финно-угорских, так и индоевропейских языков.

© Мосина Н. М., Комиссаров Г. М., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: перцептивные глаголы, зрительное восприятие, семантика, лексико-семантическое поле, эрзянский язык

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мосина Н.М., Комиссаров Г.М. Свойства глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке в аспекте типологической модели А. Виберга. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):159–169. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.159-169>

The Properties of Visual Perception Verbs in the Erzya Language in the Aspect of A. Viberg's Typological Model

N. M. Mosina ✉, G. M. Komissarov

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation, <https://ror.org/0262qgk29>

✉ natamish@rambler.ru

Abstract

Introduction. Verbs of visual perception occupy a special place in the lexical system of any language, as they reflect the way people conceptualize the surrounding world through the visual channel of perception. The study of such verbs makes it possible not only to identify the specific features of a language's worldview but also to trace the patterns of development of lexical-semantic groups within a particular language. The aim of this study is to identify and systematize the semantic characteristics of verbs of visual perception in the Erzya language within the framework of A. Viberg's model. The relevance of the research stems from the lack of a systematic semantic and typological analysis of this lexical group in Erzya. Such an analysis makes it possible not only to describe the lexical-semantic field of visual perception verbs but also to test the universality of the proposed model. Furthermore, these verbs play a crucial role in shaping a language's worldview, as vision is the dominant channel through which humans acquire information about the world around them.

Materials and Methods. This study focuses on verbs of visual perception in the Erzya language, identified through exhaustive sampling from Erzya lexicographic sources and national corpora. The research combines general scientific methods with specialized linguistic approaches, including structural-semantic, componential, contextual, and comparative analyses, to analyze the semantic properties of perception verbs within the framework of A. Viberg's typological model.

Results and Discussion. The article analyzes the semantic characteristics of Erzya verbs that constitute the lexico-semantic field of visual modality. A corpus of visual perception verbs in the Erzya language was compiled using data from dictionaries and national corpora. The verbs were classified according to the semantic types of the proposed model, and subject-oriented and object-oriented lexemes were identified. In addition, the focus type of each group of verbal units in the language under study was determined. To achieve these objectives, the study employed a three-part classification of visual perception verbs, identified their fundamental semantic roles, and examined the correlations between focus type and the lexical-semantic properties of these verbs in the Erzya language.

Conclusion. This study provides the first systematic verification of A. Viberg's three-part typological model based on data from the Erzya language. The results confirm the cross-linguistic validity of the distinction between subject-oriented and object-oriented focus, as well as between controlled and uncontrolled perception at the lexico-semantic level. As in the majority of the world's languages, visual perception verbs in Erzya are clearly divided into the two main focus types, with further semantic differentiation within each group. The findings contribute to the typology of perceptual lexicon and offer promising directions for future comparative studies of both Finno-Ugric and Indo-European languages.

Keywords: verbs of perception, visual perception, semantics, lexico-semantic field, the Erzya language

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Mosina N.M., Komissarov G.M. The Properties of Visual Perception Verbs in the Erzya Language in the Aspect of A. Viberg's Typological Model. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):159–169. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.159-169>

Введение

Восприятие и мышление выступают важными составляющими человеческой деятельности. Они образуют неразрывную связь как на психологическом, так и на языковом уровне. Освоение мира человеком осуществляется через деятельность,

коммуникацию, воображение, напрямую связанные с восприятием, что позволяет удовлетворять актуальные потребности. Восприятие тесно сопряжено с ментальной активностью, дающей возможность не только дифференцировать предметы и явления внешнего мира, но и конструировать их образы, осмысливать воспринятое, выявлять его характеристики.

Восприятие человеком мира и окружающей среды как наиболее значимых форм его жизнедеятельности закономерно привлекает внимание ученых в области психологии, философии, языкознания, литературоведения и других наук. При этом исследователи подчеркивают избирательный характер перцептивного процесса¹. Восприятие – одна из важнейших функций высшей нервной деятельности, активирующая следующую, не менее значимую – мышление²; это форма чувственного отражения действительности в сознании, способность обнаруживать, принимать, различать и усваивать явления внешнего мира, формируя их образы [1]. Перцептивный процесс обладает субъективной природой: человек, хотя и не может влиять на ход воспринимаемых событий, извлекает из них то, что желает видеть, слышать, осязать; обработка и интерпретация получаемой информации осуществляются индивидуально.

Важнейшей сферой языка, в которой вербализуются и интерпретируются основные механизмы и результаты перцептивного процесса, является глагольная лексика. Исходя из семантической классификации, глагольная лексика подразделяется на два класса: 1) предикатные глаголы: каузативные, модальные, аспектуальные, темпоральные, таксисные, фазисные; 2) модусные: речи, мысли, памяти, знания, эмоций, ощущения, представления, перцепции, оценочные [1]. Глаголы чувственного восприятия относятся ко второй группе. Они представляют собой специфические структуры, несущие разнообразную информацию об объектах реальной действительности, при этом они не только обозначают предметы реальности, но и передают сведения о психоэмоциональном состоянии субъекта и его эмоциональном отношении к предмету речи.

Глаголы перцепции заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не способна полностью обеспечить номинацию всех познанных человеком сторон действительности. В зависимости от ведущей роли сенсорной системы в перцептивном акте различают зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные и вкусовые восприятия. Поскольку перцепция у человека сопряжена с мышлением, а осознанное восприятие предмета или явления предполагает его мысленное название, обобщение в слове, в зависимости от типа сенсорной системы выделяют глаголы зрительного и слухового восприятия, глаголы осязания, обоняния и вкуса [2; 3].

Цель исследования – провести комплексный анализ лексико-семантического поля глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке, а именно выявить и систематизировать их характеристики на основе трехчастной модели (Activity, Experience, Phenomenon-Based), разработанной А. Вибергом, определить корреляции между типом фокуса (субъектно-ориентированные глаголы восприятия vs объектно-ориентированные глаголы восприятия) и лексико-семантическими свойствами данных глаголов в эрзянском языке. Под лексико-семантическим полем вслед за С. А. Моисеевой понимается «упорядоченное множество языковых единиц одной части речи с общим значением, группирующихся вокруг ядерной семы» [1].

Актуальность работы обусловлена необходимостью апробации на новом материале концепции А. Виберга, постулирующей, что глаголы зрительного восприятия занимают особое положение в лексических системах языков мира. Хотя его модель многократно

¹ Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта. В: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. Сост. В.А. Звегинцева. М.: Радуга; 1983. С. 35–74; Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. Пер. с англ. В.В. Лучкова. М.: Прогресс; 1981. 232 с.; Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры; 2004. 556 с.

² Глинка Е.В. Система глаголов восприятия, мышления и говорения (на материале исторических словарей русского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Орел; 2003. 22 с.

тестировалась на материале индоевропейских и других крупных языков, данные финно-угорских, в частности эрзянского, практически не затрагивались. Исследование позволит проверить универсальность положений типологии А. Виберга на эрзянском языковом материале с применением передовых корпусных методов.

Впервые глаголы зрительного восприятия эрзянского языка становятся объектом системного анализа в рамках трехчастной модели А. Виберга. Несмотря на то, что в мордовском языкознании имеются работы, посвященные семантике эрзянских глаголов восприятия³ [4], многие аспекты остаются неизученными.

Обзор литературы

Изучение характера и особенностей семантики глаголов восприятия можно отнести к числу одних из самых сложных задач, решаемых в рамках современной филологии. Наряду с основным процессом восприятия, группы сенсорных глаголов классифицируются на основе значения «способность субъекта воспринимать», которое возможно противопоставить по шкале нецеленаправленности/целенаправленности процесса⁴. Методологической основой исследования является концепция типологического исследования глаголов восприятия, представленная шведским лингвистом А. Вибергом, разработавшим классификацию и применившим ее к нескольким языкам. Монография А. Виберга *The Verbs of Perception: A Typological Study* заложила фундамент современного типологического подхода к изучению глаголов восприятия⁵. Как отмечается в литературе, «все последующие работы, посвященные этим глаголам и выполненные на материале различных языков, в той или иной степени основаны на тех положениях, которые сформулировал А. Виберг» [9].

В разработанной исследователем трехчастной модели выделяются следующие ключевые компоненты: 1) активное контролируемое действие; 2) пассивное непреднамеренное восприятие/состояние; 3) Явление/Объект. Указанные компоненты обеспечивают классификацию глаголов восприятия по семантическим типам на основе фундаментальных семантических ролей – Экспериенцера и Явления/Объекта [5].

В основе модели лежит базовая оппозиция двух участников перцептивной ситуации: Экспериенцера (воспринимающего субъекта) и Явления/Объекта (воспринимаемого объекта/стимула). Экспериенцер – одушевленный участник, не обязательно контролирующий процесс восприятия, а лишь переживающий перцептивный опыт; он занимает промежуточное положение между агенсом и пациенсом, что порождает значимые синтаксико-семантические эффекты. Явление/Объект – конкретный или абстрактный стимул, чьи перцептивные свойства (видимость, слышимость и др.) обуславливают его способность в определенных конструкциях выступать в роли подлежащего. Данная дихотомия последовательно отражается в синтаксисе: подлежащее может функционировать не только как наблюдатель (Экспериенцер), но и как наблюдаемое (Явление); многие глаголы восприятия допускают чередование между этими двумя вариантами.

На основе распределения семантических ролей А. Виберг делит все глаголы восприятия по типу фокуса на два больших класса: субъектно-ориентированные глаголы восприятия (Experienter-Based) и объектно-ориентированные (Phenomenon-Based). Первые ставят в фокус воспринимающего субъекта: «кто и как воспринимает». В этой группе

³ Мосина Н.М. Семантика глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке (на материале языкового корпуса MokshEr). В: Бубриховские чтения: задокументированное народное слово: мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Петрозаводск; 2020. С. 147–150.

⁴ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР; 1956. 512 с.

⁵ Viberg Å. Verbs of Perception. In: Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.) *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*. Berlin; Boston: De Gruyter; 2001. Vol. 2. P. 1294–1309.

Экспериенцер занимает позицию подлежащего. В рамках субъектно-ориентированных глаголов восприятия А. Виберг проводит дополнительное разграничение по базовым семантическим характеристикам, выделяя следующие типы: 1) действие – глаголы, обозначающие намеренное, целенаправленное, контролируемое действие. Это активный, контролируемый процесс, в котором Экспериенцер выступает как Агенса, сознательно направляющий свое внимание на объект восприятия. Как отмечается в литературе, «среди глаголов, которые воспринимают наблюдателя как подлежащее, еще одним важным различием является различие между активностью и опытом» [5]; 2) восприятие/состояние – глаголы, обозначающие непреднамеренное, пассивное восприятие. Экспериенцер не контролирует процесс восприятия, а скорее «подвергается» воздействию стимула.

Объектно-ориентированные глаголы восприятия смещают фокус на свойства Явления/Объекта, которое воспринимается. Согласно типологии А. Виберга, объектно-ориентированные глаголы делятся на три типа: 1) перцептивные глаголы-связки (*sensory copulas*) – глаголы, которые приписывают субъекту свойство, воспринимаемое через определенную сенсорную модальность: англ. *Ann looks happy (to me)* ‘Анна выглядит счастливой (на мой взгляд)’. В английском языке такие глаголы представлены во всех сенсорных модальностях и часто связаны с субъектно-ориентированными глаголами восприятия через особые конструкции или морфологическую деривацию; 2) глаголы перцептивной возможности или воспринимаемости (*perceptibility verbs*) указывают на то, что некоторое Явление/Объект может быть воспринято. Как отмечает Т. Хуумо, глаголы этого типа являются основным классом объектно-ориентированных глаголов восприятия в финском языке: *Se näky kartoissa* ‘Это видно на картах’ [6]; 3) так называемые сенсорные глаголы (*sensory verbs*), или глаголы, описывающие чувственные ощущения, которые исходят непосредственно от источника, объекта восприятия – глаголы, ориентированные на Явление/Объект и выражающие: восприятие признака, исходящего от самого явления/объекта; фокус на явлении/объекте, который является подлежащим; характеристику самого воспринимаемого явления/объекта с описанием его вида, звука, вкуса и др.

В статье мы также опирались на труды зарубежных и отечественных ученых, посвященные изучению как общих вопросов категории восприятия и мышления⁶, так и проблем классификации и семантической характеристики глаголов восприятия на материале одного языка⁷ [7; 8]. Также привлекался языковой материал индоевропейских (английского и французского), финно-угорских (эрзя-мордовского и финского) и тюркских языков⁸ [4; 9; 10].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили глагольные лексемы, обладающие семантикой зрительного восприятия в современном эрзянском языке, выявленные методом сплошной выборки из эрзянских лексикографических источников – Эрзянь-рузонь валкс⁹, Русско-эрзянский словарь¹⁰. Языковые примеры на эрзянском языке отбирались

⁶ Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк.; 1981. 184 с.; Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля). В: Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука; 1993. С. 22–29.

⁷ Архипова Ю.Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия (на материале художественных текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.; 2000. 22 с.; Huomo T. ‘I Can See the Church to my House’: Directionality in Expressions of Visual Perception in Finnish. In: Language, Culture, and Mind. Stanford: CSLI Publications; 2004. P. 271–280.

⁸ Буданцева Н.А. Глагольная таксономическая модель концепта зрительное восприятие (на материале английского и французского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов; 2014. 18 с.; Гарипова И.Д. Словообразовательная детерминация глаголов зрительного восприятия (на материале русского и татарского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань; 2013. 22 с.

⁹ Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь. М.; 1993. 830 с.

¹⁰ Русско-эрзянский словарь. Саранск: Тип. «Красный Октябрь»; 2012. 623 с.

путем сплошной выборки из лингвистического корпуса MokshEr¹¹, содержащего тексты различной тематики и функционального стиля. Далее отобранный материал подвергся компонентному анализу, позволившему стратифицировать полевую структуру на основе семантических признаков лексических единиц, а также контекстуальному анализу на материале текстов корпуса. Помимо специальных лингвистических методов применялись общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Построение лексико-семантического поля глаголов зрения осуществлялось при помощи метода моделирования.

В работе для анализа многозначности и различных семантических оттенков исследуемой группы глаголов в качестве основного выступил описательный метод, также использовались приемы сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования был составлен корпус глаголов с семантикой зрительного восприятия в эрзянском языке. Они обладают богатым словообразовательным потенциалом, позволяющим передавать тонкие семантические оттенки: многократность, начинательность, возвратность, возможность/потенциальность и др. На основе модели А. Виберга нами была построена классификация глаголов с учетом семантических ролей участников перцептивной ситуации и типа фокуса для каждой группы глагольных единиц в исследуемом языке.

1. Первую группу составили субъектно-ориентированные глаголы восприятия, которые дополнительно подразделяются на глаголы активного и пассивного восприятия.

1.1 Глаголы активного восприятия, обозначающие намеренное, целенаправленное, контролируемое действие субъекта, представлены в эрзянском языке следующими ядерными лексемами и их производными: *ваномс* ‘смотреть, направлять взгляд’, ‘осматривать’, ‘следить’ (*ванкиномс/ванокиномс* ‘многокр. посматривать (по сторонам), осматривать, рассматривать’); *варитамс* ‘посмотреть, взглянуть, устремить взор’, ‘присмотреть’, ‘обратить внимание’ (*варитавомс* ‘возм., возв. взглянуть, оглянуться’, *варитазевемс* ‘начинат. неожиданно посмотреть’, ‘оглянуться’, *варитнемс* ‘многокр. посматривать, оглядывать’); *ванномс* ‘рассматривать, изучать, наблюдать, созерцать’.

Аштян вальма вакссо, ванан нусманя ульцянтень. «Стою у окна, смотрю на унылую улицу».

«Паро, – мерсь ансяк тона, – ванкиносынек энялдомат промкссо...» «Хорошо, – сказал только тот, – рассмотрим просьбы на собрании...»

Оля питистэ варитась Маринань лангс. «Оля пристально посмотрела на Марину».

Варитавинь Прончатовонь лангс, ды неия прикладонтень педявтось чаманзо. «Я взглянул на Прончатова и увидел его лицо, приставленное к прикладу».

«Те косто?» – варитазевинь Блажновтнень ёнов. «“Это откуда?” – оглянулся я в сторону Блажновых».

Доронин кармась ловномо стихензэ одс – гайтевстэ, састо, строчкатнень ускозь усксь, эрвадонть мейле варитнесь «глухоенть» ёнов, мейле, окоиники, сизесь, ахолдась кедьсэнзэ: «А! Ялатеке а мари», – ды прядызе ловноманзо. «Доронин стал перечитывать стихи заново – громко, медленно, строки тянул, после каждой поглядывал в сторону “глухо-го”, потом, наконец, устал, махнул рукой: “А! Все равно не слышит”, – и закончил чтение».

Вейке кедьгесь сехте пек тусь Кечаень мельс, ды сон кувать ванность эйсэнзэ. «Один из сосудов больше всего понравился Кечаю, и он долго рассматривал его».

1.2 Во вторую подгруппу субъектно-ориентированного восприятия вошли глаголы, обозначающие непреднамеренное, пассивное восприятие. Экспериментер не контролирует процесс восприятия, а скорее подвергается воздействию стимула, он

¹¹ MokshEr (Moksha, Erzya electronic corpus, version 3). Turku; 2010.

является испытывающим лицом, воспринимающим информацию. Глаголы данной группы характеризуются тем, что восприятие понимается как непроизвольное состояние или событие, которое случается с субъектом, а не совершается им. Глаголы часто носят статичный характер, их семантика – это пассивная регистрация стимула: объект, воздействуя на органы чувств, вызывает у субъекта состояние видения и др. В эрзянском языке были выявлены лексемы: *неемс* ‘видеть, увидеть’ (*некинемс/неекинемс* ‘многокр. видеть’); *явомс* ‘различить, отличить’; *тешкстамс* ‘заметить’ (*тешкстнемс* ‘многокр. замечать, отмечать’); *редямс* ‘увидеть, заметить, различить’.

Киньгак мон вальманть алдо а неян. «Никого я под окном не вижу».

Ушодовиль якишамо шикась, пекставкишынек кудова ды телень улыцянтъ некинынек чуродояк чуросто. «Начиналась холодная пора, закрывались мы по домам и зимнюю улицу видели все реже».

Коське чувтонть вакссто мон рединь вишка умарьчувтыне. «Возле сухого дерева я заметил маленькую яблоньку».

Теке марто одс teşкстаса: кода сонзэ весе поэзиянтъкак, тезэнь пурназь стихтень яви домкачись ды оймень талномась. «Но при этом вновь подчеркиваю: как и всю его поэзию, собранные здесь стихи отличает глубина и душевное волнение».

Критикесь эскелькс мельга эскелькс ютась эрзянь (ды мокишоньгак) литературатнень эрямо пингест ланга, teşкстынзе саявксэсткак, асатыкэсткак. «Критик шаг за шагом проходил по истории мордовских литератур, замечая и их достоинства, и недостатки».

Товолксонь эрзянь ламо велетне умок уш рузьясть, ялатеке кадовсть алкуксонь эрзят, конат якить ёмазь калмазыртнень мельга, teşкстнить аштема таркаст, стаятнить мик чапинеть – тоначисэ эрицятненень кудынетъ. «Многие другие эрзянские села уже давно обрусели, но остались настоящие эрзяне, которые ухаживают за исчезнувшими кладбищами, отмечают их местонахождение, строят даже зарубки – избушки для захоронников».

2. Объектно-ориентированные глаголы восприятия формируют три подгруппы: 1) перцептивные глаголы-связки; 2) глаголы перцептивной возможности или восприимчивости; 3) сенсорные глаголы.

2.1 Первая группа включает перцептивные глаголы-связки, являющиеся интранзитивными, с семантикой «описание впечатления, созданного чувственным восприятием». Грамматическим подлежащим в таких конструкциях выступает Явление/Объект, воспринимаемое субъектом (или Экспериенцером), который обычно не упоминается явно. Использование перцептивного глагола-связки часто подразумевает, что говорящий делает вывод о состоянии объекта на основе его внешнего вида. Экспериенцер, видящий объект, не всегда может быть представлен в предложении, поскольку основное внимание уделяется самому объекту.

В эрзянском языке в качестве таких глаголов могут выступать: *невтемс* ‘выглядеть, казаться’ (*невтевемс* ‘возвр. казаться, показываться’); *неявомс* ‘виднеться, казаться’ (*неявкшиномс* ‘виднеться, казаться’).

Куш тосонь [Япониянь] тейтерь-аватне мазыйть ды свал невтить одсто... «Хоть тамошние (Японские) женщины красивые и всегда выглядят молодо...»

Сынь, келя, неветевить симицякс-таргицякс, берянь темень теицякс. «Они якобы казались пьяницами и курильщиками, злоупотребляющими служебным положением».

Алкуккак, сизезь неяват. «Действительно, выглядишь уставшим».

Куш сэръс апокике, ве ёндо натой моцтемекс неявкшынль – ялатеке истямо ваяжодия костояк а муят. «Хоть и небольшой ростом, со стороны даже обессилевшим он казался – все равно такого работника нигде не найдешь».

2.2 Вторую подгруппу составили глаголы перцептивной возможности или восприимчивости. Они имеют потенциальную смысловую составляющую и относятся к тому, что можно воспринимать органами чувств. Согласно мнению Т. Хуумо, в финском языке глаголы перцептивной восприимчивости часто морфологически связаны с субъектно-ориентированными глаголами и являются базовыми. Данное явление прослеживается и в эрзянском языке: с точки зрения словообразования данные лексемы содержат возвратный суффикс *-в*, который образует интранзитивные глаголы из транзитивных глаголов активного восприятия. С функциональной точки зрения глаголы перцептивной возможности отличаются от канонических пассивных глаголов тем, что не допускают явного субъекта (или Экспериенцера). Такие глаголы подразумевают обобщенного Экспериенцера и описывают то, что может наблюдать любой, кто потенциально присутствует в обсуждаемой ситуации. Как показывает анализ, в эрзянском языке глаголы перцептивной возможности являются одними из многочисленных, к ним можно отнести: *вановомс* ‘виднеться, наблюдаться’; *редявомс* ‘виднеться, замечаться’; *невтевемс* ‘показаться, проявиться’; *неевкшинемс* ‘виднеться, показываться’; *неявомс* ‘виднеться, казаться’ (производные *неезевемс* ‘появиться, показаться’, *неявкшиномс* ‘виднеться, появляться’).

Мелезэ ялатеке кодаяк а ванови. «Желание все равно никак не наблюдается».

Зярс мезеяк талакавтыця а редяви. «Пока ничего тревожного не замечается».

Эрва ломанесь неветеви ловныцянтень те шикас асодавикс ёндо. «Каждый человек показывается читателю с неизвестной до сих пор стороны».

Сестэ тесэ неевкшинесть апокике сталмонь усксема венчть, лейганть алов пансть чочкт. «Тогда здесь можно было увидеть (букв. ‘виднелись’) небольшие грузовые суда, гнавшие вниз по реке бревна».

Ансяк вить кеднезэ мейсэ-бути томбазель ды чаминесэнзэ неявсь а покш раздевкс. «Но правая рука была чем-то повреждена, и на щеке виднелся небольшой порез».

Самаранть пелев поревть янокс: велькссэнзэ васня неезеви ютыця поездэнт качамнезэ, мейле маряви гайтезэ, мейле лиси икелеть сонськак. «В сторону Самары извилистой тропой: над ней сначала показывается дымок проходящего поезда, потом раздаётся звук, а потом перед тобой появляется он сам».

Мертяно, сы коське шика, зярдэ пельть а неявкшныть эли, ве-кавто ведьбайгеня невердезь, тукинхыть лияв, сестэ энялдыть пиземечирькентень. «Допустим, наступит засуха, когда облака не появляются или, рассыпав одну-две капли, уходят в другую сторону, тогда просят радуго».

2.3 Третью подгруппу объектно-ориентированных глаголов составили сенсорные глаголы, описывающие чувственные ощущения, которые исходят непосредственно от самого объекта восприятия. В отличие от предыдущих двух групп, эти глаголы не являются связками и не говорят о потенциальной возможности восприятия. Они прямо называют производимый объектом сенсорный «выход» – специфический свет, звук, запах и др. Данные глаголы позволяют говорящему очень точно и образно передать визуальное качество объекта, не фокусируясь на действии наблюдателя. Исследователи отмечают, что они обычно не связаны формально с каноническими глаголами восприятия, такими как, например, англ. *see* ‘видеть’, *hear* ‘слышать’.

В эрзянском языке они образуют обширный и разнообразный лексический пласт, например: *валдомомс* ‘освещаться’, *вандолдомс* ‘светиться, сверкать, блестеть, сиять’, *кувтолдомс* ‘блестеть, сверкать’, *линемс* ‘мерцать, мигать’, *цивтёрдомс* ‘мерцать, мигать’, *цильдёрдомс* ‘блестеть’, *ципельдемс* ‘рябить, мерцать’, *цитнемс* ‘блестеть, сверкать’ и др.

Пазавасть жо яла валдомсь ды валдомсь. «Икона же продолжала светиться и светиться».

Неть лапужа кирькстнэнь юткова стакинозельть ды вандолдсть сиясто валозь мацейнеть. «Между этими плоскими кругами были нашиты и блестели отлитые из серебра гусята».

Перьканзо кувтолдсть пиземечирькень тюст. «Вокруг него переливались цвета радуги».

Кунсолость истя мелень путозь, кияк эзь козкстаяк, ансяк церькова вальмань суликатне састо дренькаесть ды пазаватнень икеле палыця штатолтнэ липнесть. «Слушали так внимательно, что никто даже не кашлял, но стекла окон церкви тихо дребезжали, и горящие свечи перед иконами мерцали».

Чись манеель, ды секс ловонть лангс а варшавилитькак: весемесь цивтёрдсь ды ёртнесь сяткинеть. «День был ясный, и потому на снег и не взглянешь: все мерцало и бросало искры».

Менельсэ ципельдсть валдо тештть, пильге ало чикордсь лов, од ломантнень седеест токность вейкетсть. «В небе мерцали яркие звезды, под ногами скрипел снег, сердца молодых людей трогали ровно».

Ведесь цитнесь, цильдёрдсь, ансяк валдось эзь пачкоде бассейнань домка потмаксонтень, секскак стака ульнесь чарькодемс, кодамо сэрезэ. «Вода сверкала, блестела, но свет не достигал глубокого дна бассейна, поэтому трудно было понять, какая у него высота».

Таким образом, в результате анализа тематической группы глаголов активного и пассивного зрительного восприятия в эрзянском языке было выявлено 32 глагольные лексемы. Учитывая основную классификацию по семантическим ролям и типу фокуса, мы выявили 13 субъектно-ориентированных и 19 объектно-ориентированных глаголов. Наиболее многочисленными во второй группе являются сенсорные глаголы – 9 лексем, что подчеркивает развитую систему описания визуальных качеств объекта в эрзянском языке. Глаголы перцептивной возможности (восприимчивости) занимают второе место по численности среди объектно-ориентированных и представлены 6 единицами. Примененный в исследовании количественный метод позволил также выделить из общего числа глаголов зрительного восприятия 15 ядерных и 17 производных лексем.

Заключение

Проведенное исследование глаголов зрительного восприятия в эрзянском языке в рамках типологической модели А. Виберга позволяет сделать ряд выводов теоретического и практического характера.

Выявлено, что в эрзянском языке, как и в других языках мира, глаголы зрительной модальности четко распределяются по двум основным типам фокуса – субъектно-ориентированному и объектно-ориентированному – с дальнейшей дифференциацией внутри каждой группы.

Установлено, что в эрзянском языке субъектно-ориентированные глаголы представлены двумя подтипами: глаголы активного, целенаправленного действия (*ваномс, варшамс, ванномс* и их дериваты с многократным, начинательным и возвратным значениями) и глаголы пассивного, непреднамеренного восприятия (*неемс, редямс, тешкстамс, явомс*). Это разграничение, соответствующее типологическим параметрам А. Виберга, подтверждает, что эрзянский язык различает контролируемое и неконтролируемое зрительное восприятие на лексико-семантическом уровне.

Отмечено, что наиболее многочисленной и продуктивной группой в эрзянском языке являются глаголы перцептивной возможности или восприимчивости (*вановомс, редявомс, невтевомс, неевкинемс, неявомс* и др.), которые регулярно образуются

с помощью возвратного суффикса *-в-* от транзитивных глаголов активного восприятия. Перцептивные глаголы-связки (*невтемс, неявомс, невтевемс*) и сенсорные глаголы, описывающие визуальные качества объекта (*валдомомс, вандолдомс, кувтолдомс, липнемс, цивтёрдомс* и др.), также широко представлены в эрзянском языке и образуют обширный и разнообразный лексический пласт.

Полученные результаты вносят вклад в развитие теории семантического поля, лексикологии и когнитивной семантики, а также восполняют существующий пробел в описании мордовских языков. Перспективы дальнейшего исследования видятся в сравнительно-сопоставительном анализе глаголов зрительной перцепции эрзянского и других финно-угорских и индоевропейских языков, а также в расширении анализа на другие сенсорные модальности (слуховую, тактильную, обонятельную и вкусовую).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: моногр. Белгород: Изд-во Белгородского государственного национального исследовательского ун-та; 2005. 248 с. <https://elibrary.ru/xwssvh>
2. Мосина Н.М., Паксюткина Ю.С. Семантика глаголов слухового восприятия в эрзянском и финском языках. *Финно-угорский мир*. 2020;12(1):12–19. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.01.012-019>
3. Мосина Н.М., Паксюткина Ю.С. Сравнительный анализ глаголов слуховой перцепции в эрзянском и финском языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020;13(4):163–167. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.33>
4. Мосина Н.М., Казаева Н.В. Семантика глаголов зрительного восприятия в эрзя-мордовском и финском языках. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2021;15(1):23–33. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-1-23-33>
5. Viberg Å. Phenomenon-Based Perception Verbs in Swedish from a Typological and Contrastive Perspective. *Syntaxe & Sémantique*. 2019;20(1):17–48. <https://doi.org/10.3917/ss.020.0017>
6. Huomo T. Is Perception a Directional Relationship? On Directionality and Its Motivation in Finnish Expressions of Sensory Perception. *Linguistics*. 2010;48(1):49–97. <https://doi.org/10.1515/LING.2010.002>
7. Huomo T. Näkökulmia suomen kielen aistihavaintoverbeihin. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 2006;52:69–86. URL: https://www.researchgate.net/publication/282652454_Nakokulmia_suomen_kielen_aistihavaintoverbeihin_httpwwwemakeeleseltseesaESA_52_pdfHuumopdf (дата обращения: 20.02.2026).
8. Huomo T. Kognition kieli: Miten suomen kieli käsitteistää aistihavainnon? *Sananjalka*. 2005;47(1):7–41. <https://doi.org/10.30673/sja.86654>
9. Амирова Н.С. К проблеме моделирования ситуации зрительного восприятия в работах турецких ученых (в аспекте теории А. Виберга). *Социосфера*. 2020;(4):18–22. <https://elibrary.ru/jjiije>
10. Каксин А.Д., Чертыкова М.Д. Когнитивная основа семантической классификации глаголов восприятия в разноструктурных языках. *Культура народов Причерноморья*. 2009;(1):331–334.

REFERENCES

1. Moiseeva S.A. [Semantic Field of Perception Verbs in Western Romance Languages: Monograph]. Belgorod; 2005. 248 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xwssvh>
2. Mosina N.M., Paksyutkina Yu.S. Semantics of Verbs of Auditory Perception in the Erzia and Finnish Languages. *Finno-Ugric World*. 2020;12(1):12–19. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.01.012-019>
3. Mosina N.M., Paksyutkina Yu.S. Comparative Analysis of Auditory Perception Verbs in the Erzia and Finnish Languages. *Philology. Theory & Practice*. 2020;13(4):163–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.33>
4. Mosina N.M., Kazaeva N.V. Semantics of Visual Perception Verbs in the Erzya-Mordvin and Finnish Languages. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2021;15(1):23–33. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2021-15-1-23-33>
5. Viberg Å. Phenomenon-Based Perception Verbs in Swedish from a Typological and Contrastive Perspective. *Syntaxe & Sémantique*. 2019;20(1):17–48. <https://doi.org/10.3917/ss.020.0017>

6. Huumo T. Is Perception a Directional Relationship? On Directionality and Its Motivation in Finnish Expressions of Sensory Perception. *Linguistics*. 2010;48(1):49–97. <https://doi.org/10.1515/LING.2010.002>
7. Huumo T. Näkökulmia suomen kielen aistihavaintoverbeihin. *Emakeele Seltsi aastaraamat*. 2006;52:69–86. (In Finn.) Available at: https://www.researchgate.net/publication/282652454_Nakokulmia_suomen_kielen_aistihavaintoverbeihin_httpwwwemakeeleseltseesaESA_52_pdfHuumopdf (accessed 20.02.2026).
8. Huumo T. Kognition kieli: Miten suomen kieli käsitteistää aistihavainnon? *Sananjalka*. 2005;47(1):7–41. (In Finn.) <https://doi.org/10.30673/sja.86654>
9. Amirova N.S. On the Problem of Modeling the Situation of Visual Perception in the Works of Turkish Scientists (in the Aspect of the Theory of A. Viberg). *Sociosphere*. 2020;(4):18–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/jjiije>
10. Kaksin A.D., Chertykova M.D. [The Cognitive Basis of the Semantic Classification of Verbs of Perception in Different Structural Languages]. *Kul'tura narodov Prichernomoria*. 2009;(1):331–334. (In Russ.)

Информация об авторах:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, SPIN-код: 2575-6811, natamish@rambler.ru

Комиссаров Григорий Михайлович, аспирант кафедры английского языка для профессиональной коммуникации МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6077-2455>, grkom13@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

Н. М. Мосина – формулирование идеи исследования, целей и задач; разработка методологии исследования; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык.

Г. М. Комиссаров – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 08.02.2026; одобрена после рецензирования 03.04.2026; принята к публикации 10.04.2026.

Information about the authors:

Natalya M. Mosina, Dr.Sci. (Philol.), Professor of the Department of English Language for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, SPIN-code: 2575-6811, natamish@rambler.ru

Grigoriy M. Komissarov, Postgraduate Student of the Department of the English Language for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-6077-2455>, grkom13@gmail.com

Authors' contribution:

N. M. Mosina – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; development of methodology; conducting a research and investigation process, specifically performing the data; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation).

G. M. Komissarov – conducting a research and investigation process, specifically performing the data; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation).

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 08.02.2026; revised 03.04.2026; accepted 10.04.2026.

КОГНИТИВНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА COGNITIVE AND CORPUS LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.170-182>

<https://elibrary.ru/jvwfmv>

УДК / UDC 81'373:621.013:811.511.111:811.161.1

Оригинальная статья / Original article

Разметка финско-русского корпуса фразеологизмов на примере идиом со значением «умереть»

Н. В. Белкина , Д. Ю. Шарешик

*Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
<https://ror.org/01e5ckr65>*

 bel_nat@mail.ru

Аннотация

Введение. Сравнительный языковой анализ картины мира определенных этносов помогает понять различия национальных культур и то, как они дополняют друг друга. Размеченный по определенным критериям финско-русский корпус фразеологических единиц дает возможность выявить общие и национальные черты восприятия окружающего мира. Создание и лингвистическая разметка специализированного двуязычного корпуса фразеологизмов является проблемой, решив которую, возможно получить эффективный инструмент для сопоставительного анализа и машинного перевода. Цель исследования – определение критериев разметки корпуса финско-русских фразеологизмов и апробация ее на тематической группе со значением «умереть».

Материалы и методы. Материалом послужили финские и русские фразеологические единицы тематической группы «умереть», отобранные методом сплошной выборки из финских и русских словарей фразеологизмов, сленга и разговорной речи. Необходимость данного исследования обусловлена отсутствием цифровых параллельных фразеологических корпусов финского и русского языков и, соответственно, критериев разметки подобного корпуса. Пилотный корпус, насчитывающий в настоящее время 123 финских и 136 русских фразеологических единиц, предназначен для сопоставительного лингвокультурологического анализа и прикладных задач машинного перевода. В основе методологии лежит сопоставительный подход, учитывающий тематико-семантические, стилистические и этимологические параметры фразеологизмов.

Результаты исследования и их обсуждение. Предложена детализированная схема разметки, включающая семантическую классификацию, стилистические пометы и указание на происхождение. В процессе разметки фразеологических единиц со значением «умереть» применяется комплекс критериев: семанτικο-тематический (с опорой на универсальную семантическую метафору); семантический (с учетом коннотативных компонентов значения); стилистический; критерий языковой пары; этимологический. Дополнительно при разметке учитываются наличие дериватов и синонимов, а также особенности грамматического оформления фразеологических единиц, что необходимо для последующей генерации корректных контекстов.

Заключение. Разработанный корпус представляет ценность для выявления универсальных и культурно-обусловленных черт в восприятии концепта смерти в финской и русской лингвокультурах, а также может послужить основой для дальнейших исследований в области фразеологии и межязыковой коммуникации. Создание и разметка корпуса по предлагаемым критериям не требуют специальных знаний в области программирования и доступны при использовании открытого программного обеспечения. Подобный корпус является шагом к созданию компьютерной модели языковой картины мира, которую можно использовать для работы с большим количеством данных и обучения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: фразеология, лингвокультурология, параллельный корпус, семантическая разметка, финский язык, русский язык, концепт «смерть»

© Белкина Н. В., Шарешик Д. Ю., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белкина Н.В., Шарешик Д.Ю. Разметка финско-русского корпуса фразеологизмов на примере идиом со значением «умереть». *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):170–182. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.170-182>

Making the Finnish-Russian Corpus of Phraseological Units: A Case Study of Idioms Meaning “to Die”

N. V. Belkina ✉, D. Yu. Shareshik

Herzen State Pedagogical University of Russia,

St. Petersburg, Russian Federation, <https://ror.org/01e5ckr65>

✉ bel_nat@mail.ru

Abstract

Introduction. A comparative linguistic analysis of the worldview of particular ethnic groups makes it possible to understand the differences between national cultures and the ways in which they complement one another. A Finnish-Russian corpus of phraseological units annotated according to specific criteria provides an opportunity to identify both universal and culture-specific features in the perception of the surrounding world. The creation and linguistic annotation of a specialized bilingual corpus of phraseological expressions constitutes a challenge; however, once resolved, it may yield an effective tool for comparative analysis and machine translation. The aim of the study is to determine the criteria for annotating a corpus of Finnish-Russian phraseological units and to test this annotation framework on a thematic group with the meaning “to die”.

Materials and Methods. The material for the study comprised Finnish and Russian phraseological units belonging to the thematic group “to die”, selected through continuous sampling from Finnish and Russian dictionaries of phraseology, slang, and colloquial speech. The relevance of this research stems from the absence of digital parallel phraseological corpora for the Finnish and Russian languages and, consequently, from the lack of annotation criteria for such a corpus. The pilot corpus, which currently includes 123 Finnish and 136 Russian phraseological units, is intended for comparative linguocultural analysis and for applied machine translation tasks. The methodology is based on a comparative approach that takes into account the thematic-semantic, stylistic, and etymological parameters of phraseological units.

Results and Discussion. A detailed tagging scheme is proposed, including semantic classification, stylistic labels, and indications of origin. In the process of tagging phraseological units meaning “to die,” a set of criteria is employed: a semantic-thematic criterion based on universal semantic metaphor; a semantic criterion taking into account connotative components of meaning; a stylistic criterion; a language pair criterion; and an etymological criterion. In addition to semantic, etymological, and stylistic parameters, the tagging process also considers the presence of derivatives and synonyms, as well as the grammatical features of phraseological units, which is necessary for the subsequent generation of contextually appropriate examples.

Conclusion. The developed corpus is valuable for identifying both universal and culture-specific features in the perception of the concept of death within Finnish and Russian linguistic cultures, and it also provides a foundation for further research in the fields of phraseology and cross-linguistic communication. The creation and tagging of the corpus according to the proposed criteria do not require specialized programming knowledge and can be carried out using open-source software. Such a corpus constitutes a step toward the development of a computational model of the linguistic worldview, which can be employed for processing large-scale data and training artificial intelligence systems.

Keywords: phraseology, linguocultural studies, parallel corpus, semantic annotation, Finnish language, Russian language, concept of death

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Belkina N.V., Shareshik D.Yu. Making the Finnish-Russian Corpus of Phraseological Units: A Case Study of Idioms Meaning “to Die”. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):170–182. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.170-182>

Введение

Фразеологизмы представляют собой особый пласт системы языка, отражающий его культурные и исторические особенности. Исследование вопроса о национально-культурной специфике фразеологизмов является традиционным в лингвистике. Этой темой занимались такие ученые, как А. Вежбицкая, В. Н. Телия, В. А. Маслова,

Д. О. Добровольский и др. Так, В. Н. Телия отмечает, что «для идиом характерна образная мотивированность, которая напрямую связана с мировидением народа-носителя языка, идиомы в принципе обладают культурно-национальной коннотацией»¹. Фразеологизм представляет собой уникальную лексическую единицу языка, значение которой не выводится из ее составляющих и позволяет метафорично выразить отношение к происходящему. Кроме того, «фразеология есть фрагмент языковой картины мира, а ее единицы всегда обращены на субъект, то есть они возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение»². Язык, отражая видение мира, является своего рода ключом к познанию менталитета конкретного народа [1]. Соответственно, сравнительный языковой анализ картины мира того или иного этноса помогает понять различия национальных культур и то, как они дополняют друг друга [2]. Исследователи подчеркивают: культурные коды, содержащиеся во фразеологизмах, могут быть трудны для понимания носителем другого языка, что предопределяет необходимость их детального изучения.

Исследователь Д. О. Добровольский утверждает, что абсолютные межъязыковые эквиваленты фразеологизмов (далее – ФЕ) и метафорических единиц встречаются относительно редко, это обусловлено преимущественно различиями в технике номинации, а не их культурной уникальностью. Также предлагается два подхода к определению национально-культурной специфики фразеологизмов: сопоставительный и интроспективный. В сравнительных исследованиях выделяют полные эквиваленты (единицы, возводимые к одному источнику, тождественные по значению), эквивалентные (максимально совпадающие по значению) и безэквивалентные (не имеют фразеологического аналога в другом языке) [3].

В то же время Н. Ф. Крюкова делает акцент на фразеологической эквивалентности в когнитивно-герменевтическом аспекте: в его основе лежит «не сопоставление лексических единиц, а анализ метафор, их формирующих» [4]. Н. Н. Почуева отмечает, что ФЕ с разной образной составляющей отражают как универсальность законов мышления, так и национальную специфику видения мира разными народами [5].

В данном исследовании мы придерживаемся сопоставительного подхода и обращаемся к семантике, поскольку лексическое и грамматическое наполнение у ФЕ разных языков различно по определению. Специфика образного осмысления действительности в разных языках становится очевидной при сопоставлении фразеологизмов, относящихся к одной тематической группе, также возможно «установить как универсальные, так и культурно-специфичные особенности представления окружающей действительности» при «описании идентичных ситуаций в разных языках» [6, с. 140]. В настоящее время имеется небольшое количество финских фразеологических словарей и не существует двуязычного цифрового финско-русского фразеологического ресурса, что и создает необходимость его создания.

Цель исследования – разработка критериев разметки корпуса финско-русских фразеологизмов и ее апробация на тематической группе фразеологизмов со значением «умереть».

Обращение к данной тематической группе связано с тем, что явление смерти – неизменно интересующий человека факт, который во все времена привлекал внимание исследователей из разных сфер науки. Хотя концепт «смерть» универсален, у каждого народа собственный взгляд на данное явление, своеобразие которого раскрывается в ходе лингвокультурологического анализа фразеологических единиц [2].

¹ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: моногр. М.: Школа «Языки русской культуры»; 1996. С. 214–215. <https://elibrary.ru/sumhvj>

² Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия; 2004. 202 с.

Обзор литературы

Проблема исследования стоит на стыке корпусной лингвистики, фразеологии, метафоры и семасиологии. Именно корпусная лингвистика характеризуется наличием специальной разметки по метаданным и делает прикладные лингвистические исследования проще и эффективнее. Рассмотрим основные понятия исследования подробнее. Т. МакЭнери и В. Брезина сформулировали фундаментальные принципы корпусной лингвистики и аннотирования корпусов. Они утверждают, что «корпусная лингвистика в форме аннотирования корпусов – это область, где становятся ясными онтологические предпосылки лингвистики» [7].

Британский лингвист Дж. Лич подчеркивал, что разметка – это «вспомогательный инструмент, а не истина в последней инстанции»³. Он же сформулировал основополагающие принципы разметки корпусов: возможность легкого отделения разметки от текста; полезность разным исследователям; четкое описание правил разметки.

В то время как Д. Синклер акцентировал внимание на репрезентативности и гомогенности разметки на всех уровнях [8], Т. МакЭнери выделял такие преимущества качественной разметки, как удобство эксплуатации и многофункциональность, т. е. возможность ее использования для задач, не предусмотренных при создании [9].

Несмотря на значительный объем существующих научных трудов в области финской и русской фразеологии, сравнительный семантический анализ ФЕ все еще остается неразработанным аспектом. Инструментом для подобного семантического исследования может послужить параллельный корпус, позволяющий «перевод на другой язык рассматривать как свидетельство значения анализируемой единицы языка оригинала» [10, с. 22–23]. Однако поиск ФЕ в текстовом параллельном корпусе сопряжен с большой долей ручного труда, поскольку компьютер может искать отдельные слова, но не всегда распознает устойчивые сочетания как единое целое, и различия в языковых картинах мира действительно обуславливают несовпадения в образности фразеологизмов и приводят к межязыковым несоответствиям [11].

Преодоление подобных трудностей мы видим в создании специальной разметки, предполагающей использование универсальных метафор, опирающихся на схожесть когнитивных механизмов даже для неродственных языков, а именно русского и финского.

Смерть в толковых словарях русского и финского языков рассматривается как физиологический процесс прекращения жизнедеятельности живого существа или конец жизни⁴. В работах по русской и английской фразеологии представлены различные классификации метафор, выражающих понятие «умереть». Здесь и далее мы дополним классификации, составленные для русских и английских ФЕ, финскими примерами из словарей⁵. Так, Е. Середя делит фразеологизмы на три группы: 1. факт смерти без уточнения обстоятельств: рус. – *окончить дни свои*, фин. – *siirtyä ajasta ikuisuuteen* ‘перейти из времени в вечность’; 2. насильственная смерть: рус. – *пасть в бою*, фин. – *saada surmansa* ‘погибнуть’; 3. ненасильственная смерть: рус. – *умереть на своем рабочем месте*, фин. – *kuolla saappaat jalassa* ‘умереть в сапогах’⁶.

Л. М. Пантелеева и С. В. Хоробрых рассматривают смерть как путь в загробное пространство, имеющий три основных этапа: уход из дома, путь к месту захоронения, отправление на «тот свет» [12].

³ Garside R., Leech G., McEnery T. (eds.) *Corpus Annotation: Linguistic Information from Computer Text Corpora*. London; New York: Longman; 1997. 281 p.

⁴ Suomisanakirja «kuoleminen» artikkeli [Электронный ресурс]. URL: <https://www.suomisanakirja.fi/kuoleminen> (дата обращения: 17.10.2025).

⁵ Kielitoimiston sanakirja [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/kuolla> (дата обращения: 17.09.2025); *Urbaani sanakirja* [Электронный ресурс]. URL: <https://urbanisanakirja.com/search/?q=kuolla> (дата обращения: 16.09.2025).

⁶ Середя Е. Представление концепта «Death» в английской фразеологической картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.; 2016. 22 с.

С другой стороны, Р. М. Бикмухаметова выделяет в ФЕ изучаемой нами тематической группы следующие метафорические образы: 1. сон (рус. – *заснуть вечным сном*, фин. – *nukkuu pois* ‘уснуть’); 2. конец существования (рус. – *окончить дни свои*, фин. – *viellä viimeinen sivu* ‘перелистнуть последнюю страницу’); 3. живое существо (рус. – *старуха с косой*, фин. – *Tuonenakka* – хозяйка царства мертвых), душа человека (рус. – *испустить дух*, фин. – *lakata hengittämästä* ‘прекратить дышать’); 4. дорога (рус. – *отправляться к праотцам*, фин. – *lähteä manan majoille* ‘отправиться в хижины царства мертвых’); 5. место захоронения (рус. – *ложиться в гроб*, фин. – *tennä matojen valtakuntaan* ‘пойти в царство червей’); 6. прекращение нормального функционирования жизненно важных частей тела (рус. – *протянуть ноги*, фин. – *lähteä jalat edellä* ‘уйти вперед ногами’) [2, с. 349].

Исследователь О. С. Орлова предлагает следующие метафоры: 1. переход из одного пространства в другое, путь, путешествие (рус. – *отойти в мир иной*, фин. – *lähteä viimeiselle matkalle*); 2. воссоединение с близкими и создателем (рус. – *уйти на свидание с апостолом Петром*, фин. – *käydy taivaan porteilla* ‘подойти к небесным вратам’); 3. телесные знаки (рус. – *заснуть непробудным сном*, фин. – *nukkuu ikuiseseen uneen* ‘уснуть вечным сном’). Некоторые метафоры имеют дисфемистичную окраску (рус. – *двинуть кони*, фин. – *heittää lusikka nurkkaan* ‘бросить ложку в угол’) [13, с. 68].

На основе данных классификаций мы предлагаем следующие основные критерии разметки ФЕ: 1. семантика (для рассматриваемой тематической группы это метафоры: приход к богу, вечный покой, физиологический конец, окончание пути, переход в локус, дисфемизмы); 2. принадлежность к определенному стилю; 3. этимология.

Материалы и методы

Методика исследования предполагает последовательное выполнение следующих задач:

- 1) отбор массива ФЕ финского и русского языка определенной тематической группы;
- 2) определение принадлежности ФЕ к определенной семантической метафоре;
- 3) определение их коннотации с помощью контекстов из национальных корпусов языков (Национальный корпус русского языка (НКРЯ), Finnish Web Corpus (fiTenTen));
- 4) определение стилистической принадлежности и происхождения ФЕ;
- 5) сопоставление ФЕ финского и русского языков для определения языковой пары;
- 6) создание корпуса с помощью имеющегося открытого программного инструментария;
- 7) аннотирование корпуса в соответствии с определенными критериями разметки;
- 8) создание комментариев к элементам корпуса;
- 9) апробация корпуса экспертами и внесение возможных правок.

Для создания выборки использовались специализированные словари фразеологизмов, сленга и разговорной речи, тематические форумы и социальные сети⁷. С целью обеспечения однородности корпуса при отборе ФЕ мы придерживались тематического критерия (основное значение «умереть», включая эвфемизмы и дисфеминизмы) и критерия языковой пары: единица должна иметь установленный переводческий эквивалент в другом языке или быть сопоставимой по смыслу, стилю и коннотации.

Выборка составила 136 русских и 123 финских фразеологизма (таблица).

⁷ Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия; 1968. 543 с.; Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс; 1998. 704 с.; Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-Пресс; 2015. 416 с.; Jarva V., Nurmi T. Oikeeta suomee. Suomen puhekielen sanakirja. Helsinki: Gummerus; 2006. 511 s.; Kari E. Naulan Kantaan: Nykysuomen idiomisanakirja. Helsinki: Otava; 1993. 232 s.; Kielitoimiston sanakirja [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/kuolla> (дата обращения: 17.09.2025); Muikko-Werner P. Suurella sydämellä ihan sikana. Suomen kielen kuvailu fraasisanakirja. Helsinki: Gummerus; 2008. 467 s.; Suomisanakirja «kuoleminen» artikkeli [Электронный ресурс]. URL: <https://www.suomisanakirja.fi/kuoleminen> (дата обращения: 17.10.2025); Urbaani sanakirja [Электронный ресурс]. URL: <https://urbanisanakirja.com/search/?q=kuolla> (дата обращения: 16.09.2025).

Таблица 1. Структура выборки финских и русских фразеологизмов
Table 1. Structure of the sample of Finnish and Russian phraseological units

Количество ФЕ / Number of Phraseological Units	Всего / Total	Стиль / Style			Происхождение / Origin		Семантика / Semantics					
		книжный	нейтральный	разговорный	исходный	заимствованный	окончание пути	приход к богу	вечный покой	физиологический конец	переход в локус	дисфемизмы
Русские ФЕ / Russian Phraseological Units	136	43	38	71	112	24	17	5	7	57	51	58
Финские ФЕ / Finnish Phraseological Units	123	14	36	66	95	28	29	3	8	37	46	49

Источник: таблица составлена авторами.
Source: Table is compiled by the authors.

Видно, что на уровне стилистики в обоих языках преобладает разговорный стиль (хотя в русском языке книжные идиомы встречаются гораздо чаще). Большинство фразеологизмов со значением «умереть» являются незаимствованными. На семантическом уровне в русском языке преобладают дисфемизмы, единицы со значением «физиологический конец» и «переход в локус». В финском языке дисфемизмы также преобладают, однако «переход в локус» встречается чаще, чем «физиологический конец». Стоит отметить и большее по сравнению с русским языком количество идиом со значением «окончание пути».

Результаты исследования и их обсуждение

Создание специализированных лингвистических корпусов – важный инструмент в современной филологии, переводоведении, лексикографии и компьютерной лингвистике. Принципы составления двуязычных корпусов и описание словарной статьи как формализованного текста даны Д. О. Добровольским, который подчеркивает, что словарная статья «должна неукоснительно следовать особым правилам, предполагающим деление сообщаемой информации на отдельные блоки, каждый из которых содержит сведения определенного типа». Это позволяет «выявить значимые связи как между отдельными его частями, так и внутри конкретных словарных статей». Помимо этого, исследователь предлагает «обращение к различным пластам семантики этой единицы [ФЕ] с учетом ее многозначности, ее прагматическим и стилистическим характеристикам, ограничениям на возможность ее употребления в дискурсе, указание на... потенциал ее варьирования» [14, с. 126–127].

Двуязычный корпус фразеологизмов, сфокусированный на конкретной тематической группе (например, на категории «смерть»), представляет особую ценность для контрастивного анализа, изучения культурных коннотаций и разработки систем автоматического перевода устойчивых выражений. Процесс создания и разметки такого корпуса включает несколько взаимосвязанных этапов.

Первоначальным и фундаментальным этапом является сбор данных. Источники формирования корпуса должны быть репрезентативными и авторитетными, чтобы обеспечить надежность и достоверность включаемых единиц.

Однородность корпуса может быть обеспечена благодаря четко сформулированным параметрам:

1) тематический параметр: включаются только фразеологизмы (идиомы, устойчивые сравнения, фразеосхемы), основным значением которых является обозначение смерти, умирания или состояния после смерти, включая эвфемизмы и дисфемизмы. В данной группе многообразие эвфемизмов и дисфемизмов отражает сложное отношение общества к теме смерти, где переплетаются страх, уважение и протест;

2) параметр устойчивости: отбираются лексически устойчивые сочетания, обладающие признаками воспроизводимости, а не свободно создаваемые в речи;

3) параметр идиоматичности: единицы с переносным значением, не выводимым полностью из суммы значений компонентов (например, фин. *heittää lusikka nurkkaan* – букв. ‘бросить ложку в угол’ или рус. *дать дуба*);

4) параметр частотности и употребительности: включаются фразеологизмы, зафиксированные в словарях или подтвержденные корпусными данными как активно используемые (хотя редкие и архаичные единицы также могут представлять интерес для исторического или диалектологического анализа);

5) параметр языковой пары: для включения в двуязычный корпус фразеологизм должен иметь либо установленный переводческий эквивалент в другом языке (например, фин. *antaa viimeinen hengenveto*, рус. *испустить последний вздох*), либо быть сопоставимым по смыслу, стилю и коннотации (например, фин. *Viedä viimeinen siivu* ‘унести последний кусок’, рус. *перевернуть последнюю страницу*).

Далее следует определение структуры корпуса. Эффективное хранение и поиск информации требуют продуманного формата, наиболее гибким решением является использование реляционной базы данных (например, SQLite, MySQL, PostgreSQL) или структурированных файлов (в формате XML, JSON). Табличные форматы (Excel, CSV) удобны для первоначального сбора и просмотра, но менее эффективны для сложных запросов и связей. Обращение к формату базы данных связано с тем, что это позволяет легко добавлять новые поля разметки, осуществлять сложный поиск по множеству параметров и управлять большими объемами данных.

Каждая словарная статья корпуса содержит следующие обязательные поля:

– уникальный идентификатор. Цифровой или буквенно-цифровой код для однозначной ссылки на запись (например, KLM_FI_001, KLM_RU_045);

– фразеологизм. Точная запись фразеологизма на финском или русском языке (*heittää veivinsä* или *отбросить коньки*, причем для одного фразеологизма может быть несколько эквивалентов с разными стилистическими оттенками);

– буквальный перевод. Дословный перевод компонентов на другой язык, необходимый для понимания внутренней формы (*heittää veivinsä* ‘бросить свои мослы’);

– семантическая помета. Классификация на основе предоставленной разметки: приход к богу, вечный покой, физиологический конец (ненасильственная смерть), физиологический конец (насильственная смерть), окончание жизненного пути, переход в другой локус, дисфемистичная окраска;

- стилистическая помета. Маркировка стилистического регистра (нейтральный, книжный/высокий, разговорный/сниженный, грубый/вульгарный, жаргонный/сленговый);
- помета происхождения. Указание на источник фразеологизма (исконное/заимствованное);

- контекст (опционально). Примеры реального употребления фразеологизма с указанием источника (художественный текст, СМИ, устная речь);

- комментарий. Поле для дополнительных лингвистических или культурологических заметок (калька / полный эквивалент, диалектная единица, жаргон/сленг, литературная, библеизм/мифологизм, синонимические ряды, региональные варианты).

Хотя фразеологизм является устойчивым целым, разметка может учитывать:

- вариативность формы – наличие синонимичных компонентов (рус. *отбросить коньки/копыта/лапти*, фин. *heittää veivinsä/hokkarinsa/femmat*). Варианты должны быть зафиксированы в одной записи с пометой «вариант» или как отдельные, но связанные записи;

- морфологию – особенности грамматического оформления (управление, фиксированный падеж / форма глагола). Это важно для генерации правильных контекстов в будущем;

- синтаксическую функцию: может ли фразеологизм выступать в роли сказуемого, вводной конструкции и др. (чаще всего фразеологизмы со значением «умереть» – предикативные);

- тип дискурса (бытовой разговор, художественная литература, пресса, интернет-форум), в котором преимущественно употребляется фразеологизм. Это уточняет стилистическую помету;

- коннотации (ирония, грубость, почтительность, фамильярность), а также возможная профессиональная принадлежность, что напрямую связано со стилистической и семантической разметкой (дисфемизм/эвфемизм);

- сочетаемость с лексемами или грамматическими конструкциями (например, «внезапно дал дуба», «мирно отдал Богу душу»). Эта информация будет фиксироваться в поле «Контекст» или «Комментарий».

На следующем этапе происходила разметка корпуса – процесс добавления лингвистической информации (аннотаций, метаданных) к собранным фразеологизмам, превращающий простую коллекцию в структурированный исследовательский инструмент.

Методы разметки требуют выбора адекватных инструментов и проработки процедуры. Нами использованы следующие инструменты и программы:

- системы управления базами данных (СУБД) для хранения и первичной разметки (заполнения полей, первоначальной структуризации корпуса) (например, Excel);

- специализированное программное обеспечение для аннотирования: программы, предоставляющие удобный интерфейс для лингвиста-аннотатора (например, UAM CorpusTool, AntPConc для создания собственно параллельного корпуса). Подобные инструменты позволяют эффективно назначать теги, связывать контексты, вести историю изменений;

- скрипты для автоматизации. Простые скрипты на Python (с использованием библиотек Pandas для данных, регулярных выражений для поиска паттернов) помогают в предварительной обработке данных, поиске дубликатов, генерации уникальных ID, массовом присвоении некоторых очевидных помет (например, всем фразеологизмам, содержащим слово *taivas* ‘небо’ или *jumala* ‘бог’, автоматически добавить помету «приход к богу» или «переход в другой локус»). В соответствии с данными целями был разработан скрипт на Python, позволяющий добавлять новые фразеологизмы в параллельный корпус;

- онлайн-платформы для совместной работы: системы типа Google Sheets, Google Documents или специализированные корпусные менеджеры, поддерживающие одновременную работу и контроль версий.

При осуществлении разметки возник ряд сложностей. Так, на этапе подготовки данных потребовалась очистка, включающая удаление дубликатов, приведение к единому регистру, нормализацию орфографии, особенно для разговорных форм.

На этапе лексикографической разметки, т. е. заполнения обязательных полей (каноническая форма, буквальный перевод, значение), мы столкнулись с неоднозначностью интерпретации внутренней формы фразеологизма и точной передачи его значения на другом языке, особенно для уникальных культурно-специфичных образов. Например, в русском языке: *перейти в Могилевскую губернию*; *лечь (уснуть/выпить/поговорить) с Ильичом*; *войти в Политбюро*. В финском языке: *jättää kamppeenasa kirpparille* ‘оставить пожитки для секонд-хенда’; *kasvattaa varpaiden välistä päivänkakkaroina* ‘выращивать ромашки между пальцев ног’; *ottaa kyltti alas* ‘снять табличку’.

На этапе семантической разметки, а именно присвоения фразеологизмам семантических помет на основе разработанной классификации, сложность состояла в разграничении критериев. Например, *купить билет в один конец* – это «окончание пути» или «переход в локус»? В таких случаях обращались к контексту или экспертному решению.

Субъективность разметки прослеживается и на этапе определения стилистического регистра. Разграничение «разговорного» и «сниженного» или «жаргонного» и «вульгарного» требует опоры на словарные пометы, корпусную частотность и экспертные знания. Фразеологизмы из интернет-сленга (urbaanisanakirja.com) особенно сложны для однозначной стилистической классификации.

Указание источника фразеологизма требует не всегда доступных этимологических исследований. Разграничение «калек» и «полных эквивалентов», а также диалектные формы требуют подтверждения источниками или носителями.

На этапе верификации и контроля качества для решения проблемных случаев и неоднозначных толкований потребовалась перекрестная проверка разметки разными аннотаторами, выявление и исправление ошибок и несоответствий, благодаря чему был снят ряд сложностей.

При экспорте и публикации корпуса в формате, удобном для конечного пользователя, используется просмотр корпуса через AntPConc, в перспективе предполагается создание веб-интерфейса для поиска.

Приведем несколько примеров размеченных данных из корпуса.

1. Фразеологизм (RU): *отойти в лоно Авраама/Авраамово*:

– букв. перевод (FI): *mennä Aabrahamin helmaan*;

– значение (RU): умереть, отойти в загробный мир (по библейскому представлению);

– значение (FI): *kuolla, päästä tuonelaan*;

– семантическая помета: приход к богу / переход в другой локус;

– стилистическая помета: книжный, высокий (архаичный, библейский);

– помета происхождения: библеизм;

– контекст (RU): «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово»

(источник: Евангелие от Луки, 16:22);

– контекст (FI): «*Kerjäläinen kuoli, ja enkelit kantoivat hänet Aabrahamin helmaan*»

(перевод);

– комментарий: Архаичный и религиозный оттенок. В современной речи используется редко, преимущественно в стилизованных или ироничных контекстах. Единица *mennä* ‘идти’ в составе фразеологизма часто заменяется другими глаголами *siirtyä* ‘переходить’, *päästä* ‘попадать’.

2. Фразеологизм (FI): *siirtyä suuren keskusviraston palvelukseen*:

– букв. перевод (RU): перейти на службу в большое центральное ведомство;

– значение (FI): *kuolla*;

– значение (RU): умереть;

– семантическая помета: дисфемистичная окраска (ироничная) / переход в другой локус (бюрократический «загробный мир»);

- стилистическая помета: разговорный, ироничный, сленговый;
- помета происхождения: жаргон/сленг (образное переосмысление госслужбы);
- контекст (FI): «Eilen sai kuulla, että sedästä on tullut virkamies – siirtyi suuren keskusviraston palvelukseen»;
- контекст (RU): «Вчера узнал, что дядя стал чиновником – перешел на службу в большое центральное ведомство» (прямой перевод, передающий иронию);
- комментарий: Типичный пример современного ироничного финского сленга. Шутливое выражение, отсылающее к неизбежной даже в загробной жизни бюрократии.

Примеры размеченных данных на русском и финском языках представлены на рисунках 1, 2.

Таким образом, создание разметки корпуса по предлагаемым нами критериям не требует специальных знаний в области программирования и доступно при использовании открытого программного обеспечения, однако верификация данных требует перекрестной экспертной оценки для пересмотра спорных случаев, в частности при соотношении ФЕ с универсальной семантической метафорой или при выявлении источника происхождения ФЕ.

Заключение

Создание и разметка двуязычного корпуса фразеологизмов на тему смерти – комплексная задача, требующая тщательного планирования, использования разнообразных лингвистических источников, разработки детальной системы классификации и аннотирования, а также применения адекватных технологических решений. Найденные фразеологизмы демонстрируют богатство финской и русской фразеологии в рассматриваемой сфере, отражая культурные особенности восприятия смерти через эвфемизмы, дисфемизмы, метафоры пути, перехода, вечного покоя и ироничные образы.

Подобный корпус является эффективным инструментом для сопоставительного анализа финской и русской фразеологии. На выборке ФЕ со значением «умереть» предлагаются критерии разметки, позволяющие изучать культурные коннотации,

Отдать богу душу

Буквальный перевод: Antaa sielunsa jumalalle

Семантика: приход к богу

Стилистика: книжный, высокий

Комментарий: Религиозный эвфемизм. Христианское заимствование.

Происхождение: **Заемствованное; религиозное**

Р и с. 1. Пример размеченных данных на русском языке
F i g. 1. Example of labeled data in Russian

Elämän liekki sammui

Буквальный перевод: Пламя жизни погасло

Семантика: окончание пути

Стилистика: книжный, нейтральный

Комментарий: Поэтичная, эвфемистичная метафора.

Происхождение: **Исконное; метафора**

Р и с. 2. Пример размеченных данных на финском языке
F i g. 2. Example of labeled data in Finnish

Источник: <https://github.com/denisshreshik/ru-fi-phrases-corpus/releases/tag/ru-fi-corp-death>.

Source: <https://github.com/denisshreshik/ru-fi-phrases-corpus/releases/tag/ru-fi-corp-death>.

стилистические особенности и проблемы переводческой эквивалентности. Кроме основных указанных критериев семантики, этимологии и стилистики, разметка может учитывать: наличие дериватов, синонимов (рус. – *отбросить коньки/копыта/лапти*, фин. – *heittää veivinsä/hokkarinsa/femmat*), особенности грамматического оформления (управление, фиксированный падеж / форма глагола) для генерации правильных контекстов в будущем [15]. Эта информация фиксируется в поле «Комментарий».

Размеченный корпус становится мощным инструментом для сравнительного анализа, выявления переводческих эквивалентов, изучения культурных коннотаций и стилистических регистров, а также основой для практических приложений в лексикографии и машинном переводе. Учет таких аспектов, как источник происхождения (калька, диалект, сленг) и детальная семантико-стилистическая разметка, значительно повышает научную и практическую ценность проекта создаваемого корпуса. Тем не менее процесс разметки неизбежно сопряжен с трудностями интерпретации и требует высокой квалификации аннотаторов и четких критериев для обеспечения консистентности данных.

Авторами создан и описан экспериментальный финско-русский корпус фразеологизмов тематической группы «умереть». Отличием предлагаемых нами критериев разметки корпуса от уже существующих является учет общих для обоих языков семантических метафор. Для тематической группы «умереть» это: окончание пути, приход к богу, вечный покой, физиологический конец, переход в локус, дисфемизмы.

Основным принципом аннотирования двуязычного корпуса является принцип универсальности для всех тематических групп ФЕ, а также принцип деления на информационные блоки. Исходя из этого, определены основные критерии разметки такого корпуса: семантико-тематический критерий, учитывающий универсальную семантическую метафору; семантический критерий, учитывающий коннотации; стилистический критерий; критерий языковой пары (наличие установленного переводческого эквивалента в другом языке либо возможность отождествления по смыслу, стилю и коннотации); этимологический критерий.

Подобный корпус является одним из шагов к созданию компьютерной модели языковой картины мира, которую можно использовать для работы с большими данными и обучения искусственного интеллекта. В перспективе планируется расширение корпуса для тематической группы ФЕ со значением «неудача» и разработка на его основе веб-интерфейса для исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкина Н.В., Лалым А.С., Осьмак Н.А. К вопросу о пространственных отношениях в финском языке. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2024;16(2):16–27. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2024-2-16-27>
2. Бикмухаметова Р.М. Языковые образы концепта «смерть» в картине мира разноструктурных языков (на материале русского и башкирского языков). *Современные проблемы науки и образования*. 2014;(1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12022> (дата обращения: 17.10.2025).
3. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии. *Вопросы языкознания*. 1997;(6):37–58. <https://elibrary.ru/pyiohb>
4. Крюкова Н.Ф., Александрова Е.В., Исакова Е.М. Фразеологическая эквивалентность в когнитивно-герменевтическом аспекте. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2023;(3):150–158. <https://elibrary.ru/fyiaws>
5. Почуева Н.Н. Понятие эквивалентности во фразеологии (на материале русского и английского языков). *Научные исследования*. 2019;(2):19–21. <https://elibrary.ru/yuraem>
6. Юсупова С.М. Сопоставительный анализ идиом о труде (на материале английского, немецкого, русского и чеченского языков). *Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2011;(2):140–146. <https://elibrary.ru/nxpdjb>

7. McEnery T., Brezina V. *Fundamental Principles of Corpus Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2022. 313 p.
8. Sinclair J. (ed.) *How to Use Corpora in Language Teaching*. Amsterdam: John Benjamins Publishing; 2004. 307 p.
9. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 294 p.
10. Добровольский Д.О., Зализняк А.А. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов. *Вопросы языкознания*. 2021;(6):22–39. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.6.22-39>
11. Каримова С.Г. Особенности перевода адъективных фразеологических единиц с использованием потенциала корпусной лингвистики (на материале английского и русского языков). *Казанская наука*. 2023;(9):214–216. <https://elibrary.ru/uuwikq>
12. Пантелеева Л.М., Хоробрых С.В. Пространственные смыслы концепта «смерть» в пермской фразеологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018;(10–2):330–337. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.24>
13. Орлова О.С. Темы рождения и смерти в русских и английских фразеологизмах: метафора пути. *Вопросы психолингвистики*. 2020;(1):64–74. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-41-1-64-74>
14. Добровольский Д.О. Двухязычный корпусный фразеологический словарь: организация текста словарной статьи. *Критика и семиотика*. 2024;(2):124–146. <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2024-2-124-146>
15. Белкина Н.В., Лалым А.С., Осьмак Н.А. Валентностная структура глаголов движения в финском языке (на примере идиоматических выражений с глаголом *mennä*). *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2025;19(1):6–17. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-6-17>

REFERENCES

1. Belkina N.V., Lalym A.S., Osmak N.A. On Spatial Relationships in the Finnish Language. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2024;16(2):16–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2024-2-16-27>
2. Bikmukhametova R.M. The Language Images of the Concept Death in the World View of Languages of Different Structure (on the Material of the Russian and Bashkir Languages). *Modern Problems of Science and Education*. 2014;(1). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12022> (accessed 17.10.2025).
3. Dobrovolsky D.O. [National and Cultural Specificity in Phraseology]. *Voprosy jazykoznanija*. 1997;(6):37–58. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pyiohb>
4. Kryukova N.F., Aleksandrova E.V., Isakova E.M. [Idiomatic Equivalence in Terms of Cognitive and Hermeneutic Analysis]. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2023;(3):150–158. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fyiaws>
5. Pochueva N.N. [The Concept of Equivalence in Phraseology (Based on the Russian and English Languages)]. *Nauchnye issledovanija*. 2019;(2):19–21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yuraem>
6. Yusupova S.M. [Comparative Analysis of Idioms about Work (Based on English, German, Russian, and Chechen Languages)]. *Moscow University Bulletin. Ser. 19: Linguistics and Intercultural Communication*. 2011;(2):140–146. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nxpd bj>
7. McEnery T., Brezina V. *Fundamental Principles of Corpus Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2022. 313 p.
8. Sinclair J. (ed.) *How to Use Corpora in Language Teaching*. Amsterdam: John Benjamins Publishing; 2004. 307 p.
9. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 294 p.
10. Dobrovolskiy D.O., Zalizniak A.A. On a Special Type of Necessity Modality: The German Verb *Sollen* Viewed from Parallel Corpora. *Voprosy Jazykoznanija*. 2021;(6):22–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.6.22-39>
11. Karimova S.G. [Features of the Translation of Adjectival Phraseological Units Using the Potential of Corpus Linguistics (Based on the Material of English and Russian Languages)]. *Kazan Science*. 2023;(9):214–216. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uuwikq>
12. Panteleeva L.M., Khorobrykh S.V. Spatial Meanings of the Concept “Death” in Perm Phraseology. *Philology. Theory & Practice*. 2018;(10–2):330–337. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.24>

13. Orlova O.S. The Topics of Birth and Death in Russian and English Phraseological UNITS. The Metaphor of Way. *Journal of Psycholinguistics*. 2020;(1):64–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-41-1-64-74>
14. Dobvol'skij D.O. Bilingual Corpus-Based Dictionary of Idioms: Organization of the Dictionary Entry Text. *Critique and Semiotics*. 2024;(2):124–146. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2024-2-124-146>
15. Belkina N.V., Lalyum A.S., Osmak N.A. Valence Structure of Verbs of Motion in Finnish (Using the Example of Idiomatic Expressions with the Verb Mennä). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(1):6–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-6-17>

Информация об авторах:

Белкина Наталия Вениаминовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры языков Северной Европы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1080-1458>, SPIN-код: 9094-6553, bel_nat@mail.ru

Шарешик Денис Юрьевич, магистрант Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1641-5681>, SPIN-код: 5207-3621, shareshik.denis@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. В. Белкина – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: написание черновика рукописи, включая его перевод на иностранный язык; контроль, лидерство и наставничество в процессе планирования и проведения исследования; разработка методологии исследования.

Д. Ю. Шарешик – осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных; проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.11.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 13.01.2026.

Information about the authors:

Natalia V. Belkina, Cand.Sci. (Ped.), Associate Professor of the Department of Languages of Northern Europe, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1080-1458>, SPIN-code: 9094-6553, bel_nat@mail.ru

Denis Yu. Shareshik, Master's Student of the Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moyka Embankment, St. Petersburg 191186, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1641-5681>, SPIN-code: 5207-3621, shareshik.denis@yandex.ru

Authors' contribution:

N. V. Belkina – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work, specifically writing the initial draft (including substantive translation); oversight and leadership responsibility for the research activity planning and execution, including mentorship external to the core team.

D. Yu. Shareshik – conducting a research and investigation process, specifically performing the data; verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 13.11.2025; revised 02.12.2025; accepted 13.01.2026.

КОГНИТИВНАЯ И КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА COGNITIVE AND CORPUS LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.183-199>
<https://elibrary.ru/sgviwp>

УДК / UDC 159.942:811.511.131

Оригинальная статья / Original article

Роль образной схемы «контейнер» в вербализации концепта «сюлэм» ‘сердце’ в удмуртском языке

М. В. Романова

*Сегадский университет,**г. Сегад, Венгрия, <https://ror.org/01pnej532>**marinalintu@gmail.com*

Аннотация

Введение. В современной лингвистике особый интерес представляет изучение образных схем как когнитивных механизмов концептуализации. Несмотря на существующие исследования концепта «сюлэм» ‘сердце’, метафорические реализации образной схемы «контейнер» в его структуре до настоящего времени не были предметом специального анализа. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения образных схем как одного из механизмов концептуализации в удмуртском языке. Цель исследования – выявление и системный анализ метафорических реализаций схемы «контейнера» в структуре концепта «сюлэм» ‘сердце’.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают метафорические выражения с леммой сюлэм ‘сердце’ из Национального корпуса удмуртского языка, собранные методом целенаправленной выборки и проанализированные с применением когнитивно-лингвистического анализа. Дополнительные данные были получены из двуязычных словарей, монографии и фольклорного сборника.

Результаты исследования и их обсуждение. Образная схема «контейнер», реализуемая через концепт «сюлэм» ‘сердце’, играет ключевую роль в концептуализации эмоций в удмуртском языке. Сердце осмысливается как замкнутое пространство, способное вмещать эмоции и внутренние переживания. Анализируется метафора «сердце – это контейнер для эмоций», где эмоции концептуализируются как вещества, жидкости, субстанции, живые существа, свет. Особое внимание в исследовании уделено роли пространственных падежей и послелогов в формировании метафорической структуры, а также схеме «полный/пустой». Кроме того, сердце метафорически предстает в образах дома, сундука или гнезда.

Заключение. Впервые на материале удмуртского языка проведен системный анализ образной схемы «контейнер» в рамках когнитивной лингвистики. Полученные результаты показывают, что метафора «сердце – это контейнер» в удмуртском языке объединяет универсальные механизмы метафоризации и культурно-специфические особенности мировосприятия. Изучение образных схем и когнитивных метафор представляет собой важный инструмент для доступа к человеческому сознанию, а также способствует пониманию особенностей восприятия мира представителями различных культур. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего изучения концептуализации эмоций и механизмов их языковой репрезентации в удмуртском и других финно-угорских языках.

Ключевые слова: удмуртский язык, когнитивная лингвистика, образная схема, когнитивная метафора, схема «контейнер», концептуализация, эмоции

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Романова М.В. Роль образной схемы «контейнер» в вербализации концепта «сюлэм» ‘сердце’ в удмуртском языке. *Финно-угорский мир.* 2026;18(2):183–199. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.183-199>

© Романова М. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The Role of the Image Schema “Container” in the Verbalization of the Concept “Šulem” ‘Heart’ in Udmurt

M. V. Romanova

University of Szeged,
Szeged, Hungary, <https://ror.org/01pnej532>
marinalintu@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the “container” image schema and its role in the metaphorical conceptualization of emotions through the concept *šulem* ‘heart’ in the Udmurt language. The study relevance lies in the fact that the cognitive analysis of image schemas and cognitive metaphors in this language has not yet been investigated. The aim of this study is to identify and systematically analyze the metaphorical realizations of the container schema within the structure of the concept *šulem* ‘heart’ in the Udmurt language.

Materials and Methods: The object of the study consists of metaphorical expressions with the lemma *šulem* ‘heart’ from the National Corpus of the Udmurt Language, collected through targeted sampling and analyzed using cognitive-linguistic methods. Additional data were obtained from bilingual dictionaries, a monograph, and a folklore collection.

Results and Discussion. The image schema “container”, realized through the concept *šulem* ‘Heart’, plays a central role in the conceptualization of emotions in the Udmurt language. In the Udmurt linguistic cognition the heart is understood as an enclosed space capable of containing emotions and inner experiences. The metaphor “The heart is a container for emotions” is analyzed, where emotions are conceptualized as substances, fluids, materials, or living beings, or light. Particular attention is given to the role of spatial case markers and postpositions in formation of metaphorical structure, as well as to the schemas of “full/empty”. The heart as a container may be represented in the form of a house, chest, or nest.

Conclusion. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, a systematic analysis of the “container” image schema has been carried out based on Udmurt language data within the framework of cognitive linguistics. The results show that the metaphor “Heart as a container” in the Udmurt language combines universal mechanisms of metaphorization with culture-specific aspects of worldview. The study of image schemas and cognitive metaphors serves as an important means of accessing human cognition and contributes to understanding how different cultures perceive and interpret the world.

Keywords: Udmurt language, cognitive linguistics, image schema, cognitive metaphor, container, conceptualization, emotions

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Romanova M.V. The Role of the Image Schema “Container” in the Verbalization of the Concept “Šulem” ‘Heart’ in Udmurt. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):183–199. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.183-199>

Введение

Образные схемы (image schema)¹ занимают важное место в когнитивной лингвистике, поскольку отражают фундаментальные структуры человеческого опыта и помогают описывать способы его организации. Одной из наиболее универсальных является схема «контейнер», в рамках которой сердце осмысливается как внутреннее пространство, служащее локусом эмоциональных переживаний и чувств.

Лексема *šulem* ‘сердце’ в удмуртском языке уже становилась объектом лингвистических исследований² [1–3], однако существующие работы посвящены преимущественно характеристике и анализу фразеологических единиц. При этом когнитивные механизмы, лежащие в основе метафорической структуры данной лексемы, остаются недостаточно описанными. В частности, остается неясным, каким образом через

¹ Термин «image schema» в русскоязычной научной литературе также используется как ‘образ-схема’.

² Лесникова Г.Н. Удмурт кылтэчетъёс: люканья ужьюртос. Ижкар, Будапешт; 2003. 130 с.; Егоров А.В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск; 2010. 305 с.

концепт «сюлэм» ‘сердце’ репрезентируется эмоциональная сфера человека и какую роль в этом процессе играет образная схема «контейнер». Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется отсутствием комплексных когнитивных описаний образных схем и когнитивных метафор в удмуртском языке.

Теоретической основой исследования является когнитивная теория метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном³. В соответствии с ней привычная система понятий, с помощью которой человек осмысливает и организует повседневную реальность, по своей сути метафорична.

Цель исследования – изучение образной схемы «контейнер» и концепта «сюлэм» в удмуртском языке, а также выявление и анализ когнитивных метафор, основанных на этой схеме.

Обзор литературы

Концепция образных схем была разработана в рамках когнитивной лингвистики М. Джонсоном⁴ и Дж. Лакоффом⁵ [4] и получила свое развитие в работах Б. Хампе [5], Дж. Грейди [6], Л. Талми [7], А. Циенки [8], Р. Гиббса [9], Т. Клауснера и У. Крофта [10], З. Кёвечеша [11] и др. В их исследованиях образные схемы рассматриваются как доконцептуальные структуры, формирующиеся на основе повторяющихся телесных взаимодействий и сенсомоторного опыта человека. К наиболее распространенным перцептивным образным схемам относят: «контейнер», «часть – целое», «связь – отношение», «центр – периферия», «источник – путь – цель», а также схемы, основанные на кинестетическом опыте: «чувство и сила», «мораль и сила» и др. [11, с. 51–56]. В различных языках образные схемы могут выражаться через предлоги, послелого, глаголы, падежи, морфемы или метафоры частей тела [12].

Особое место занимает образная схема «контейнер», формирующаяся на основе телесного опыта: с раннего возраста человек воспринимает свое тело как замкнутое пространство, отделенное кожей от окружающей среды, с четкой ориентацией «внутри – снаружи»⁶ [11, с. 52]. Этот базовый сенсомоторный опыт служит основой для концептуализации эмоций в различных языках. Тело и внутренние органы осмысливаются как вместилища, в которых локализуются чувства и эмоциональные состояния. Н. Энфилд и А. Вежбицкая считают такую модель универсальной, несмотря на то, что способы телесной локализации эмоций в теле (сердце, желудок, печень, грудь, горло и др.) и лексические средства их выражения могут существенно различаться в разных языках и культурах [13]. Наиболее типичной частью тела, связанной с концептуализацией эмоций, выступает сердце, что отражено в базовой когнитивной метафоре «локус эмоции – это часть тела»⁷.

Как отмечает Дж. Лакофф, образные схемы лежат в основе формирования когнитивных метафор⁸ – устойчивых соответствий между двумя когнитивными сферами: конкретной (источником) и абстрактной (целью)⁹ [14]. Эти метафоры рассматриваются не как стилистический прием, а как базовый механизм мышления и восприятия мира. В частности, схема «контейнер» образует онтологический тип когнитивной метафоры, при помощи которой абстрактные понятия – эмоции, мысли, психическое

³ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, London: The University of Chicago Press; 1980. 242 p.

⁴ Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, London: The University of Chicago Press; 1987. 272 p.

⁵ Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, London: University of Chicago Press; 1987. 614 p.

⁶ Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, London: The University of Chicago Press; 1980. P. 134.

⁷ Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. *Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'*. Leiden: Brill; 2023. P. 6.

⁸ Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, London: University of Chicago Press; 1987. P. 275.

⁹ Баранов Л.Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя. В: Лакофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: УРСС; 2004. С. 10.

состояние, межличностные отношения, опыт и течение времени – осмысляются через конкретные и осязаемые категории¹⁰. Так, например, метафорическое выражение «в глубине души» основано на онтологической метафоре «душа – это контейнер», где область цели «душа» концептуализируется через область источника «контейнер». В рамках этой метафоры эмоции и переживания репрезентируются как внутреннее содержимое, скрытое внутри замкнутого пространства.

Так, метафора «сердце – это контейнер» лежит в основе метафорических выражений, в которых сердце «содержит» или «хранит» эмоции и чувства. Эмоции при этом репрезентируются в качестве содержимого этого контейнера: они могут накапливаться, переполнять его, вытекать наружу или, напротив, заполнять его изнутри, а также распределяться по внутренним отделениям. Эти процессы находят отражение в различных культурных моделях и метафорических выражениях [15, с. 355]. Исследователи Ю. Баранине Коци, К. Шипёц описывают распространенный в различных языках вариант метафоры «сердце – это контейнер, наполненный жидкостью», в котором сердце представлено сосудом, а эмоции – жидкостью внутри. Эта жидкость может быть холодной или теплой, кипящей, способной выливаться наружу – характеристики могут меняться и зависят от конкретной культуры¹¹.

Когнитивный анализ метафорических и метонимических моделей, связанных с концептом «сюлэм», представлен в работе Р. Кубич¹². Исследователь рассматривает сердце как ключевой локус эмоций в удмуртском языке (когнитивная метафора «Locus of emotion is heart»), который служит средством репрезентации таких эмоциональных состояний, как страдание, симпатия/любовь, страх, радость/счастье, гнев, неприязнь, облегчение, желание и апатия. В рамках схемы контейнера автор выделяет метафоры «эмоции – это субстанция внутри человека» («Emotions are substance inside a person») и «эмоции – это живой организм» («Emotion is a living organism»). Наряду с сердцем, локусом эмоций в удмуртском языке может выступать *kõt* ‘живот, желудок’, однако его участие менее продуктивно¹³. Таким образом, системный анализ образной схемы «контейнер» в структуре исследуемого концепта до сих пор не проводился, это определяет актуальность настоящего исследования.

Материалы и методы

Материалом для исследования служат данные из корпусов удмуртского языка¹⁴, объединяющего корпус современного литературного удмуртского языка, соцсетей и корпус диалектной речи¹⁵. К исследованию привлекались первые два корпуса. Первый содержит тексты современной прессы (до января 2018 г.), второй – посты и комментарии удмуртоязычных пользователей соцсети ВКонтакте (до февраля 2018 г.). Кроме материалов Национального корпуса удмуртского языка, содержащего более 12 млн словоупотреблений, были использованы удмуртско-венгерский словарь¹⁶, русско-удмуртские словари¹⁷, монография [3], сборник

¹⁰ Kövecses Z. A Metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe. Budapest: Typotex; 2005. P. 50; Kothencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruktív és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 43–44.

¹¹ Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'. Leiden: Brill; 2023. P. 14.

¹² Kubitsch R. The Role of 'Heart' in the Conceptualization of Emotions in Udmurt. In: Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'. Leiden: Brill; 2023. P. 174–198.

¹³ Там же. P. 192–193.

¹⁴ Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁵ Arkhangelskiy T. Corpora of Social Media in Minority Uralic Languages. In: Proceedings of the Fifth International Workshop on Computational Linguistics for Uralic Languages. Tartu; 2019. P. 125–140.

¹⁶ Kozmács I. Udmurt–magyar szótár. Szombathely: Savaria University Press; 2002. 532 p.

¹⁷ Русско-удмуртский словарь. Под ред. А. Буголина. Ижевск: Удмуртгосиздат; 1942. 408 с.; Большой удмуртско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=129449> (дата обращения: 18.11.2025).

удмуртских песен¹⁸ и устные сообщения лектора удмуртского языка Сегедского университета Е. О. Сунцовой. В корпусах был проведен целенаправленный поиск по лемме *сюлэм* ‘сердце’, в результате которого было обработано и проанализировано более 2 000 примеров как метафорического, так и неметафорического употребления этой леммы. Идентификация метафорических употреблений и их последующий анализ осуществлялись в рамках когнитивно-лингвистического подхода. Из выборки были исключены повторяющиеся метафорические выражения. На основе полученного материала была создана собственная база данных, позволившая выявить основные образные схемы и метафоры, связанные с концептом «сюлэм» ‘сердце’ в удмуртском языке, в частности – реализацию схемы «контейнер».

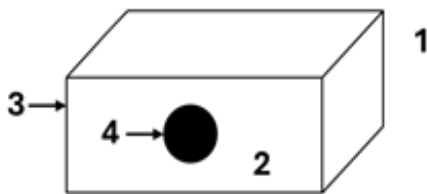
Результаты исследования и их обсуждение

Схема «контейнер» представляет собой объект, схожий с резервуаром, содержащий внутреннюю полость, внешнюю сторону, границы¹⁹ и содержимое; обладающий шириной, длиной и глубиной в трехмерном пространстве²⁰ (рис. 1).

С точки зрения Клауснера, структура концептуальной области «контейнер» включает три основных аспекта: контейнер как объект (Container object), его содержимое (Content) и его замкнутость (Containment) [16, с. 190]. Объект-контейнер актуализирует параметры барьерности, поверхности и закрытости. В свою очередь аспект содержимого лежит в основе концептов «пустой» и «полный». Таким образом, концепты, характеризующие относительно объекта-контейнера или его содержимого, описывают его материальные характеристики и, следовательно, связаны с доменом «материи» (matter). Замкнутость контейнера предполагает наличие пространственных характеристик, т. е. местоположения «внутри/снаружи», направления «внутри/наружу» и степени открытости контейнера «открыто/закрыто». Они соотносятся с концептуальной областью «пространство» (space) и основаны на восприятии трехмерных координатных отношений.

Реализация образной схемы «контейнер» и основанной на ней когнитивной метафоры «сердце – это контейнер для эмоций» в удмуртском языке представлена следующими типами структур:

- А. аффиксы внутреннеместных пространственных падежей;
- Б. локативные послелогии;

Р и с. 1. Схема «контейнер» (3D).

Fig. 1. The “container” image schema (3D)

Примечание: 1 – внешняя часть; 2 – внутренняя часть; 3 – граница/пограничная линия; 4 – содержимое контейнера.

Note: 1 – exterior; 2 – interior; 3 – boundary (boundary line); 4 – contents of the container.

Источник: адаптировано из Kothencz G. Képi sémák és határozóragok. P. 40.

Source: Adapted from Kothencz G. Képi sémák és határozóragok. P. 40.

¹⁸ Сапожников Л.Д. Сокровища удмуртского фольклора: песни, танцы и игры шошминских удмуртов. Т. 1. Казань: Заман; 2019. 752 с.

¹⁹ Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago, London: University of Chicago Press; 1987. P. 272.

²⁰ Kothencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruktív és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 40.

- В. названия частей, указывающих на структуру контейнера;
 Г. лексемы, выражающие состояние наполненности и опустошенности;
 Д. предметы, обладающие формой контейнера.
 Рассмотрим каждый из случаев более подробно.

А. Аффиксы внутреннеместных пространственных падежей.

Образная схема «контейнер» предполагает представление пространства в виде ограниченной области с четко выраженными границами, куда может происходить движение, внутри которой может происходить пребывание и из которой возможно удаление. Такая схема включает три основные фазы:

- 1) фаза приближения (движение к контейнеру);
- 2) фаза нахождения внутри;
- 3) фаза удаления (движение из контейнера наружу).

Соответственно, каждая падежная форма акцентирует одну из фаз: иллатив – вход в контейнер, инессив – положение внутри, а элатив – удаление и выход из контейнера²¹. В удмуртском языке схема «контейнер» реализуется при помощи аффиксов трех пространственных падежей: инессива, иллатива и элатива, которые выражают пространственные отношения «внутри – внутри – изнутри» соответственно. Данные по удмуртскому языку позволяют включить в эту модель и пролатив, который может выражать движение сквозь внутреннее пространство ориентира, выполняя функцию переходной фазы [17] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Локализация IN в удмуртском языке
 T a b l e 1. Lokalization of IN in the Udmurt language

Локализация / Localization	Название падежа / Name of Case	Семантика модели / Semantic Model	Падежные маркеры ²² / Case Markers
IN	Местный (инессив) / Inessive	нахождение внутри ориентира / location inside the landmark	-ын, -н, -а / -я-, -ø, -лан
	Входный (иллатив) / Illative	движение внутрь ориентира / movement into the landmark	-е / -э, -ы, -а / -я-, -ø, -ла
	Исходный (элатив) / Elative	движение изнутри ориентира наружу / movement out of the landmark	-ысь, -сь, -ысьты-, -лась
	Переходный (пролатив) / Prolative	движение внутри ориентира / movement within the landmark	-етй / этй, -тй

Источник: составлено по [10; 17].
 Source: Compiled by [10; 17].

1. Инессив.

Использование форм инессива в удмуртском языке указывает на статическое состояние и используется для обозначения пространства, внутри которого находится другой предмет или происходит действие (локализация IN) [17]. Так, в метафорических выражениях с лексемой *сюлэм* инессив играет ключевую роль в актуализации образной схемы «контейнер»: эмоции концептуализируются как находящиеся внутри сердца, которое представляется замкнутым пространством:

(1) *Нунал-кык вузыса улйсько но, сюлмын капчигес луэ, шокаме но выльысь усьтиське* (Удмурт дунне, 07.03.2007) ‘я успокаиваюсь, прихожу в себя’²³ (букв. «Вот уже день-два я живу, воя/крича, на сердце (IN) становится легче, и мое дыхание снова раскрывается»);

²¹ Kothencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruksió és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41–42.

²² В таблице приведены суффиксы простого склонения. В приведенных примерах падежные суффиксы часто употребляются в сочетании с посессивными суффиксами.

²³ Во всех примерах приведен буквальный перевод; переносное значение метафорического выражения указывается отдельно только в тех случаях, когда оно не ясно из перевода и требует отдельного пояснения

(2) *Я, чок ини, сьлмад эн возь* (Ваньмон дыр, 26.09.2013) ‘не расстраивайся, не обижайся’ (букв. «Хватит же, не держи это в сердце (IN)»);
 (3) *Сьлэмаз пычей/кей порья* [3]. ‘кому-л. грустно, тревожно, тоскливо’ (букв. «В его сердце (IN) ползет [точит] короед/моль»).

В примере (1) образная схема «контейнер» реализуется через метафору эмоционального облегчения как освобождения от внутреннего напряжения, результатом чего становится ощущение легкости и спокойствия. В случаях же, когда содержимое контейнера «тяжелое», оно представлено негативными эмоциями, а именно тревогой или подавленностью (ср. *сьлэмын секыт* ‘в подавленном настроении, испытывая тревогу’ (букв. ‘на сердце (IN) тяжело’), однако в этих примерах тип метафорического содержания (предмет, жидкость, живое существо и др.) определить трудно из-за неочевидности образа. В примере (2) печаль концептуализируется как предмет, находящийся в контейнере, а в (3) активируется другой тип схемы: сердце выступает как контейнер, подвергающийся воздействию изнутри – разрушению («сердце – это контейнер, подвергающийся воздействию изнутри»). Подобная метафора существует и в русском языке. Например, в выражении «на душе кошки скребут» (‘кому-л. очень грустно, тоскливо, тревожно’), где контейнер представляется как подвергающийся воздействию снаружи.

Сердце как контейнер может содержать в себе разные эмоции и психические состояния, большинство из которых положительные. Об этом свидетельствует их активное использование в речевых актах пожеланий и поздравлений, в которых они вербализируются напрямую, через такие лексемы, как *надежда, любовь, радость* и др. (примеры (4), (5)). Характерным является то, что в удмуртском языке эти эмоции и чувства описываются как объекты, «живущие» в сердце, что указывает на метафору «эмоции – это живой организм». В примере (6) «любовь» и «уважение» концептуализируются как источники света, что отражает универсальную ориентационную метафору «хорошее – это свет / плохое – это тьма» («Good is light / Bad is dark») ²⁴, т. е. позитивные чувства – светлые, негативные – темные или черные. Подобная метафора в удмуртском языке проявляется также в других выражениях: *пиштэ шумпотонэн* ‘светится от счастья’ (букв. ‘счастьем’), *кизили кадь ворекъяськод* ‘ты сияешь как звезда’, *чилясь* ‘блестящий, сверкающий’ (о веселом, радостном ребенке), где положительное эмоциональное состояние ассоциируется с сиянием и светом:

(4) *Мед улоз жечезлы осконэд сьлэмад* (club115519020)

(букв. «Пусть в твоём сердце (IN) живет надежда в хорошее»);

(5) *Сьлэмад мед улозы яратон но шумпотон* (F_396)

(букв. «Пусть в твоём сердце (IN) живут любовь и радость...»);

(6) *Мед пиштоз яратон но гажан сьлэмад* (club115519020)

(букв. «Пусть в твоём сердце (IN) светятся любовь и уважение»).

Однако в сердце локализуются и негативные эмоции, такие как злость (7), страдание (8), гнев (9) и горе/печаль (10), глубоко укореняясь или оставаясь скрытыми и подавленными:

(7) *Эн возь сьлэмад йыркурдэ* (club45646091)

(букв. «Не держи в своём сердце (IN) злость»);

(8) *Со куректонзэ сьлэмаз ватйз* ²⁵.

(букв. «Он(а) спрятал(а) своё страдание в сердце (IN)»);

(9) *Сьлэмын возпотон омырске* ²⁶.

(букв. «В сердце (IN) черпается гнев»);

²⁴ Kövecses Z. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. P. 44.

²⁵ Русско-удмуртский словарь. Под ред. А. Бутолина. Ижевск: Удмуртгосиздат; 1942. С. 146.

²⁶ Kozmács I. *Udmurt–magyar szótár*. Szombathely: Savaria University Press; 2002. P. 318.

(10) *Адямислэн сюлэмъёсазы вормонтэм кайгу каръяськиз* (Osmes 2015.03.19) (букв. «В сердцах (IN) людей поселилось непреодолимое горе/печаль»).

В приведенных примерах активируются различные типы метафорического содержания контейнера. Так, «злость» (7) и «страдание» (8) концептуализируются как отдельные предметы, которые можно «хранить» или «прятать» в сердце. В примере (9) «гнев» осмысляется как жидкость, которую можно «черпать» из сердца, что отражает метафору «эмоция – это жидкость в контейнере». В примере (10) печаль предстает в качестве живого существа, которое может «поселиться» в сердце.

Таким образом, в удмуртских метафорических выражениях, где *сюлэм* используется в форме инессива, эмоции представлены как находящиеся внутри контейнера и концептуализируются по-разному. Так,

эмоции –

→ это предмет в контейнере (примеры (2), (7), (8));

→ это жидкость в контейнере (пример (9));

→ это живой организм в контейнере (примеры (3), (4), (5), (10));

→ это свет (пример (6));

→ легкие (пример (1)) или [тяжелые].

2. Иллатив.

Схема «контейнер» также выражается с помощью аффиксов иллатива, одной из основных функций которого в удмуртском языке является обозначение движения во внутреннее пространство [7]. В метафорической модели «сердце – это контейнер» иллатив указывает на прохождение от внешней части через границу вглубь контейнера, актуализируя структуру с четко разграниченными внешним и внутренним уровнями²⁷. В анализируемых примерах движение внутрь сердца отражает актуализацию эмоций и переживаний, которые «входят» в человека и оказывают на него глубокое воздействие:

(11) *Сюлмам ик пыриз* (Удмурт дунне, 26.09.2008)

‘мне понравилось / мне пришлось по сердцу’

(букв. «В мое сердце (ILL) зашло»);

(12) *Син эмъясь-а тон, терапевт-а – сюлмад басьтоно* (Удмурт дунне, 30.11.2012)

‘пропустить через себя, проявить сопереживание’

(букв. «Хоть ты офтальмолог, хоть терапевт – нужно взять в сердце (ILL)»);

(13) *Сюлмам шуныт вöй кисьтöзы кадъ, городмес эшишо но золгес яратыны куски* (Удмурт дунне, 11.06.2010)

‘я очень рад/счастлив’

(букв. «В мое сердце (ILL) словно теплое масло налили, еще сильнее начал(а) любить наш город»).

К примеру (11) близки по значению метафорические выражения *сюлме лякиське* (букв. ‘к сердцу (ILL) клеится’), *сюлме няняське* (букв. ‘к сердцу (ILL) клеится, мажется’), *сюлме бинялтöське* (букв. ‘к сердцу (ILL) заматывается’). В указанных выражениях сердце метафорически осмысляется как контейнер, имеющий магнитные свойства («сердце – это магнит»): оно притягивает эмоционально значимые объекты.

Выражения с отрицательным значением, обозначающие неприятие/отсутствие симпатии, представлены следующими конструкциями: *сюлме уг лякиськы* (букв. ‘к сердцу (ILL) не клеится’), *сюлме уг няняськы* (букв. ‘к сердцу (ILL) не клеится, не мажется’), *сюлме уг бинялтöськы* (букв. ‘к сердцу (ILL) не заматывается’) [1, с. 78].

²⁷ Kothenz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruáció és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41.

Особый интерес представляет метафора «радость/счастье – это жидкость в контейнере» (13), где положительные эмоции описываются через образ теплого (топленого) масла, проникающего в сердце. В своем исследовании Кубич также подчеркивает, что выражения, связанные с растопленным жиром, характерны исключительно для выражения состояния счастья в удмуртском языке²⁸. Это может быть обусловлено особым ритуальным статусом масла в традиционной удмуртской культуре, где оно символизирует изобилие, благополучие и счастье [1, с. 78].

Таким образом, в приведенных примерах эмоции концептуализируются следующим образом:

(11) → симпатия – это живой организм;

(12) → эмпатия – это предмет;

(13) → радость/счастье – это жидкость.

Ряд примеров демонстрирует метафору «сердце – это впитывающий контейнер» (14), в рамках которой эмоции концептуализируются как жидкости, а сердце – как губка, способная их впитывать. Наиболее частотным в реализации данной метафоры является позитивное чувство – *яратон* ‘любовь’ (15), однако в роли «впитываемого содержимого» нередко выступают и негативные эмоции, такие как *мӧзмыт* ‘грусть’ и *куректон* ‘печаль’ (16). Корпусные данные также свидетельствуют о том, что к данной метафоре относятся и *данъяськон* ‘гордость’ и *оскон* ‘надежда’:

(14) *Учкысал но учкысал... сюлмам золгес мед пычалозы шуыса...* (muketulon.tumblr.com, 2014)

‘чтобы запомнилось/впечаталось’

(букв. «Смотрела бы и смотрела...чтобы в мое сердце (ILL) впиталось...»);

(15) *Яратон-дяратон мед мур сюлмады пычалоз, кызы удмурт кыл пыча егит финн тодосчиолэн сюлмазы!* (udmurt_faculty) (букв. «Пусть любовь глубоко впитается в ваше сердце (ILL), как удмуртский язык впитывается в сердца молодых финских ученых!»);

(16) *Та кырзанэз кылзыса сюлэме көня ке мӧзмыт но пыча — мыньпотон но, куректон но одйг дыре.* (itfuf) (букв. «Когда я слушаю эту песню, в мое сердце (ILL) одновременно впитываются и грусть, и улыбка, и печаль»).

Данные Национального корпуса удмуртского языка показывают, что глагол *пычаны* ‘впитывать’ широко употребляется не только в контексте эмоций, локализованных в сердце, но и в конструкциях, где сердце выступает вместилищем абстрактных понятий: силы, песни, способности, слова и др. Такая высокая продуктивность метафоры «сердце – это впитывающий контейнер» в языковой картине мира удмуртов, вероятно, связана с проживанием на речных территориях и важностью воды (на это частично указывают и культурные метафоры реки в удмуртском песенном фольклоре [18]).

3. Элатив.

Формы элатива в рамках схемы «контейнер» выражают прекращение положения внутри и обозначают движение, направленное за пределы контейнера²⁹, из сердца наружу:

(17) *Дуно адымизэс зечкыласа сюлмысь потэм шуныт кылъёссэс веразы* (Ошмес, 09.10.2014)

(букв. «Поздравляя своего дорогого человека, [из сердца (EL) вышедшие] теплые слова сказали»);

(18) *Талы вань сюлмысь шумпотй* (Удмурт дунне, 12.01.2010)

‘я очень/искренне этому обрадовался’

(букв. «Я этому от всего сердца (EL) обрадовался»).

²⁸ Kubitsch R. The Role of ‘Heart’ in the Conceptualization of Emotions in Udmurt. In: Baranyiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The ‘Heart’. Leiden: Brill; 2023. P. 188.

²⁹ Kothencz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruktio és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41.

Наше исследование также показывает, что форма элатива в выражении *вань сюлмысь* «от всего сердца (EL)» указывает на проявление всей внутренней силы и эмоциональной энергии, соотносясь с метафорой «сердце – это целостный контейнер». Метафора отражает холистическую концепцию человека, в которой все личностные черты и психические способности сосредоточены в сердце³⁰.

В некоторых языках наблюдается парное сочетание *сердце – душа* (ср. рус. *душой и сердцем*; венг. *szívvel-lélekkel* ‘искренне, от всей души’ (букв. ‘с сердцем-душой’)), выражающее глубину чувств и силу намерений. В удмуртском языке аналогичное значение имеет сочетание *лулысь-сюлмысь* ‘от всего сердца’ (букв. ‘из души-сердца (EL)’):

(19) *Учкисьёсмес шумпоттон бордын ваньмы лулысь-сюлмысь тыршиськомы* (Удмурт дунне, 23.03.2012)

‘мы работаем искренне, с полной самоотдачей, с энтузиазмом’ (букв. «Чтобы порадовать зрителей, стараемся от всего сердца и души (EL)»).

Кроме этого, «контейнер» может концептуализироваться и через формы иллатива и элатива в рамках образной схемы «источник – путь – цель». Аффиксы этих падежей позволяют репрезентировать «контейнер» либо как цель движения (иллатив), либо как его источник (элатив)³¹. В примерах (11)–(16) сердце выступает в роли цели направленного движения, и, соответственно, в структуре «источник – путь – цель» на первый план выходит компонент «цель», а в примерах (17)–(19) высвечивается «источник», поскольку эмоции концептуализируются как исходящие из сердца.

4. Пролатив.

Пролатив, в отличие от иллатива и элатива, не маркирует начало или завершение траектории; одно из его значений в удмуртском языке связано с процессом прохождения сквозь/через внутреннее пространство и преимущественно выражается при помощи конструкций с послелогом [17]. Это делает использование пролатива потенциально релевантным для репрезентации промежуточной фазы движения внутри контейнера-сердца. Для обозначения движения сквозь контейнер-сердце в удмуртском языке используются послелог *пыр, пыртй* ‘сквозь, через’, *пушкытй* ‘сквозь, через внутреннее пространство’.

Б. Локальные послелог.

В удмуртском языке, как и в большинстве уральских языков, в сочетании с именными частями речи активно используются послелог, обозначающие пространственные отношения³². Среди них к образной схеме «сердце-контейнер» можно отнести удмуртские послелог *пуш (пушк-)* ‘внутренность, пространство внутри’ (*пушкын* IN, *пушкы* ILL, *пушкысь* EL, *пушкытй* PROL) и *пыр, пыртй* (PROL) ‘через, сквозь’:

(20) *Сюлэм пушкын маке бугыртйське* (udmort (group, 1000-10000 members)) ‘кто-л. встревожен, обеспокоен’

(букв. «Внутри сердца (IN) что-то бурлит/клокочет»);

(21) *Сюлэм пыртйз поттыса лыдзиз* (устное сообщение Е. О. Сунцовой) ‘кто-л. читал с воодушевлением’

(букв. «Через свое сердце (PROL), вытащив, читал»).

В следующем примере сердце представлено как «контейнер, способный фильтровать» внутреннее содержание. Деепричастие *сйсьяса* ‘фильтруя’ добавляет к пространственной схеме «путь» дополнительное значение переработки или трансформации:

³⁰ Barányiné Kóczy J. More Than Emotions: Cultural Conceptualizations of Szív ‘Heart’ in Hungarian. In: Barányiné Kóczy J., Sipőcz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The ‘Heart’. Leiden: Brill; 2023. P. 100–101.

³¹ Kothenz G.S. Képi sémák és határozóragok. In: Konstruktio és jelentés. Tanulmányok a magyar nyelv funkcionális kognitív leírására. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem; 2012. P. 41.

³² Грамматика современного удмуртского языка (ГСУЯ): фонетика и морфология. Отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во; 1962. С. 319–320.

(22) *Красильниковлы секыт йӧтэ, лэся, сое сюлэм пьртӱз сӱсьяса поттыны* (Удмурт дунне, 08.07.2008)

‘пропускает через себя’

(букв. «Красильникову, возможно, трудно это сквозь сердце (PROL), фильтруя, вытащить»).

В. Названия частей, указывающих на структуру контейнера.

В удмуртском языке структура концепта «контейнер» отражается через лексемы, обозначающие его внутренние части. В анализируемых примерах выявляются следующие составляющие контейнера: *пыдэс* ‘дно’ (23), *пуитрос* ‘содержание’ (24), *шор* ‘середина’ (25), *борд* ‘стена, забор’ (26), *сэрегъёс* ‘углы’ (27) и др.:

(23) *Сюлэм пьдэстэ бугыртэ.* (<https://vk.com/washkala>)

‘кто-л. обеспокоен, встревожен’

(букв. «Ворошит дно сердца»);

(24) *Солэн сюлэм пуитросэз мынамеэзлы матын.* (Удмурт дунне, 15.02.2013)

‘его внутренний мир мне близок’

(букв. «Внутренность (содержание) его сердца мне близка»);

(25) [куплет из песни завятских удмуртов]

Тӧдыы Камедлэн вуосыз ай кай,

Кожисен коже шуккиськоз ай кай.

Аязд пуктыса вордэм нункаед

Сюлэм шоръёсад шуккиськоз ай кай.

‘Белой Камы волны айкай,

Из омута в омут расплещутся айкай.

На колени усаживая возвращенное дитя,

В середине сердца аукнется айкай³³.

(26) *И ваньзэ туж матэ басьтӱсько, лэся, сюлэм бордам* (vuflower.blogspot.ru, 2014)

‘я принимаю все близко к сердцу’

(букв. «Я все очень близко беру, оказывается, к стенам сердца»);

(27) *Кылбур пыр автор чемысь пуш шӧдонъессэ, сюлэм сэрегъёсаз ватэм малнаньессэ усътэ* (Удмурт дунне, 03.03.2017)

(букв. «Поэт в стихотворении часто раскрывает внутренние чувства и мысли, спрятанные в сердце [в углах сердца]»).

В примере (28) реализуется концептуализация сердца как поврежденного контейнера, что отражает метафору «сердце – это хрупкий контейнер». Трещина в нем метафорически выражает эмоциональную боль или глубокое душевное переживание. Наряду с этим, в примере (29) внутренние состояния представлены как расположенные глубоко внутри сердца, что указывает на их устойчивый характер:

(28) *Нош кышноезлэн сюлмаз маиз ке но тэрс! кариз* (Удмурт дунне, 09.06.2009)

‘кто-л. испытывает душевную боль’

(букв. «А у его жены в сердце что-то треснуло»);

(29) *Возьдаськон, кепыран сям сюлмазы мур пычаз* (Байгурезь (Новый путь))

(букв. «Стыдливость, стеснительность в их сердцах глубоко впитались»).

Д. Лексемы, выражающие состояние наполненности и опустошенности.

В удмуртском языке лексемы, связанные с концептом наполненности и опустошенности (*тыр* ‘полный’, *тырмыны* ‘наполниться’, *пачылмыны* ‘наполниться/переполниться’, *буш* ‘пустой’) формируют образную схему «контейнер», в которой сердце концептуализируется как сосуд, вмещающий эмоции или опустошающийся при их отсутствии.

Выражение *сюлэм тыре/тырме* (букв. ‘сердце наполняется’) описывает эмоциональное состояние, возникающее под воздействием сильных чувств. Это состояние может быть результатом как положительных, так и отрицательных эмоций и часто вызывает интенсивное внутреннее напряжение. Метафорическое выражение *сюлэм тыре* основано на метафорах «сердце – это контейнер», а «эмоции – это содержимое

³³ Сапожников Л.Д. Сокровища удмуртского фольклора: песни, танцы и игры шошминских удмуртов. Т. 1. Казань: Заман; 2019. С. 354.

контейнера», однако в большинстве случаев тип содержимого не выражен явно. В примере (30) наполнение контейнера связано с позитивными эмоциями – радостью, любовью и гордостью:

(30) *Сюлмы берло тыре вал, куке ог-огзэс поддеживат каро вал, котькытын весь чошен ветло вал* (shundikar2014)

(букв. «Мое сердце наполнялось, когда они поддерживали друг друга, везде ходили вместе»).

Некоторые метафорические выражения, используемые для обозначения негативных эмоций, особенно гнева или злости, отражают метафору «сердце – это контейнер, наполненный жидкостью»:

(31) *Сюлмам вир тыре* [1]

(букв. «В моем сердце кровь наполняется»).

В большинстве языков гнев концептуализируется как горячая жидкость, накапливающаяся под давлением внутри сосуда, что отражает универсальную когнитивную метафору «гнев – это горячая жидкость в контейнере»³⁴, ср. рус. *он вскипел*, англ. *make someone's blood boil* (букв. ‘заставить чью-либо кровь вскипеть’), венг. *szétrobbant a feje a dühítől* (букв. ‘его/ее голова взорвалась от гнева’), удм. *мон пуштит* (букв. ‘я взорвался’) и др. Однако в примере (31) температурный аспект не обозначается явно. Основа метафоры «гнев – это жидкость в контейнере» в том, что гнев внутри сосуда-сердца постепенно накапливается до тех пор, пока внутренний объем не достигнет предела. Тогда эмоции вырываются наружу в форме эмоционального проявления.

Негативные и позитивные эмоции, заполняющие сердце-контейнер, также могут быть выражены эксплицитно, т. е. напрямую. Это отражается в следующих примерах, где чувства гордости (32), радости (33), счастья (34), уважения (35), печали (36) вербализуются через образ наполнения сердца:

(32) *Сюлэм данъяськонэн тырме* (Удмурт дунне, 03.11.2010)

(букв. «Сердце наполняется гордостью»);

(33) *Удмурт шаермы, тон понна сюлэм шумпотонэн тырме* (zechbur)

(букв. «Наша Удмуртия, за тебя сердце наполняется радостью»);

(34) *Сюлэм шудэн тырме* (F_58)

(букв. «Сердце наполняется счастьем»);

(35) *Мария Павловналы мур гажанэн тыриз сюлэмы* (Иднакар, 05.08.2014)

(букв. «Сердце наполнилось глубоким уважением к Марии Павловне»);

(36) *Сюлэм тыр секыт куректон мылкыдэн* (Азылане (Хезмэт), 04.08.2014)

(букв. «Сердце наполнено тяжелой печалью»).

Эмоции, находясь внутри контейнера, могут достигать высокой степени интенсивности и становиться неконтролируемыми. В таком случае используется глагол *пачылмыны* (наполниться/переполниться), обозначающий состояние переполненности контейнера. В корпусных данных чаще всего представлена концептуализация радости (37) и счастья (38) как эмоций, переполняющих сердце-контейнер:

(37) *Солэн сюлмыз бадзым шумпотонэн пачылмиз*³⁵.

(букв. «Его сердце переполнилось большой радостью»);

(38) *Шудбурен мед пачылмоз сюлмыд* (Азылане (Хезмэт) 02.17.2014)

(букв. «Пусть твое сердце наполнится счастьем»).

Эти метафорические выражения основаны на универсальной когнитивной метафоре «счастье/радость – это жидкость в контейнере»³⁶, в рамках которой счастье концептуализируется как чрезвычайно интенсивное эмоциональное состояние, трудно поддающееся контролю. Интенсивность в этой метафоре выражается объемом

³⁴ Kövecses Z. A Metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe. Budapest: Typotex; 2005. P. 169–178

³⁵ Kozmács I. Udmurt-magyar szótár. Szombathely: Savaria University Press; 2002. P. 332.

³⁶ Kövecses Z. A Metafora. Gyakorlati bevezetés a kognitív metaforaelméletbe. Budapest: Typotex; 2005. P. 167–169.

жидкости и представлением, что человек не в состоянии удерживать это чувство внутри, поэтому оно может переполняться и, как следствие, переливаться, вытекать наружу или разрывать сосуд.

Существует и противоположная ситуация, когда человек эмоционально опустошен. В таких случаях метафора «сердце – это контейнер» в удмуртском языке сохраняется, однако контейнер представлен пустым/опустевшим:

(39) *Сюлэм ик буи кылиз* (club3458679)

(букв. «Сердце осталось пустым»).

Е. Предметы, обладающие формой контейнера.

В различных языках сердце концептуализируется как контейнер, принимающий, например, образ дома. Это связано с тем, что сердце может восприниматься как пространство с «комнатами», «дверями», «окнами» и другими элементами. Метафора «сердце – это дом» представлена в венгерском и китайском языках³⁷, а также в русском (ср. *найти ключ к сердцу, открыть свое сердце, впустить в свое сердце, достучаться до сердца* и др.). Примеры из удмуртского языка также демонстрируют данную метафору: сердце может иметь «дверь» и открываться, что указывает на готовность человека поделиться своими чувствами (40) или быть открытым для нового опыта (41):

(40) *Нош сюлэмзэ усьтыны песянайлы нокинлы* (Удмурт дунне, 25.01.2011)

(букв. «Некому бабушке открыть свое сердце»).

(41) *Со ини дась нош но нош дышетскыны, ас сюлэмезлы вьль ёс усьтыны* (kualaluly.ru) (букв. «Он снова готов учиться, открыть новую дверь своему сердцу»).

К тому же в удмуртском языке сердце может концептуализироваться как сундук – закрытый и скрытый от постороннего взгляда контейнер, в котором хранятся чувства, переживания и воспоминания:

(42) *Нош книгаям нокыче пöясъконъёстэк усьтй сюлэм шыкысме* (Удмурт дунне, 21.08.2009)

(букв. «В своей книге без всякой лжи я открыл сундук своего сердца»).

Также примеры из корпуса удмуртского языка демонстрируют метафору «сердце – это гнездо», в рамках которой любые эмоции осмысливаются как живые сущности, поселяющиеся в сердце, как в гнезде. Таким образом, например, любовь (43) или гнев (44) реализуются в метафоре «эмоции – это живой организм»:

(43) *Сюлэмад нырысетй яратон ку карьяськиз?* (shushynati.ru) (букв. «Когда в твоём сердце поселилась [загнездилась] первая любовь?»);

(44) *Сьöлыко вожпотон карьяськиз сюлэмад* (club52234618) (букв. «В твоём сердце поселился [загнезвился] грешный гнев»).

Заключение

Схема «контейнер» является одной из ключевых при концептуализации эмоций и чувств через концепт «сердце» в удмуртском языке. Метафора «сердце – это контейнер» реализуется с помощью форм пространственных падежей, послелогов и лексических средств, отражающих форму, внутреннее пространство, границы контейнера и др. (табл. 2).

В таблице 3 представлена когнитивная метафора «сердце – это контейнер для эмоций», в которой эмоции концептуализируются как жидкость, вещества, субстанции, предметы, живые организмы и свет.

Представленный анализ образной схемы «контейнер» в структуре концепта «сюлэм» ‘сердце’ охватывает лишь часть метафорических реализаций и требует дальнейшей систематизации. Изучение когнитивных метафор и образных схем является важным

³⁷ Baranyiné Kóczy J., Sipócz K. Embodiment in Cross-Linguistic Studies: The 'Heart'. Leiden: Brill; 2023. P. 13–14.

Т а б л и ц а 2. Типы контейнеров в концептуализации сердца в удмуртском языке
 T a b l e 2. Types of containers in the conceptualization of the heart in the Udmurt language

Когнитивная метафора / Cognitive Metaphor	Свойства контейнера / Container Properties	Описание / Description
СЕРДЦЕ – это контейнер, подвергающийся воздействию / The heart is a container subject to external influence	уязвимый / vulnerable	восприимчив к внешнему воздействию, может быть поврежден / susceptible to external impact and capable of being damaged
Сердце – это тяжелый/ легкий контейнер / The heart is a heavy/ light container	тяжелый/легкий / heavy/light	эмоции внутри контейнера осмысляются как имеющие физический вес: тяжелое содержимое связано с негативными переживаниями, легкое – с положительными / emotions within the container are conceptualized as possessing physical weight: heavy contents are linked to negative emotional experiences, while light contents are linked to positive experiences
Сердце – это впитывающий контейнер / The heart is an absorbing container	проницаемый, пористый / permeable, porous	впитывает, поглощает, накапливает эмоции; «эмоции – это жидкость» / Absorbs, takes in, and accumulates emotions; based on the metaphor «Emotions are a liquid»
Сердце – это контейнер, способный фильтровать / The heart is a container capable of filtering	проницаемый, с функцией фильтрации / permeable, possessing a filtering function	эмоции проходят сквозь сердце, изменяясь / emotions pass through the heart and are transformed in the process
Сердце – это целостный контейнер / The heart is a whole container	цельный, неделимый / whole, indivisible	отражает целостную личность, из которой исходят искренние чувства / reflects a holistic personality from which sincere feelings flow
Сердце – это хрупкий контейнер / The heart is a fragile container	хрупкий, ломкий, с тонкими границами / fragile, brittle, with thin boundaries	легко повредить, разбить под действием сильных эмоций / can be easily damaged or broken under the influence of strong emotions
Сердце – это магнит / The heart is a magnet	притягивающий/отталкивающий, липкий / attractive/repulsive, sticky	притягивает/отталкивает эмоции / attracts / repels emotions
Сердце – это дом / The heart is a house	защищенный, открытый/закрытый, с дверью / protected, open/closed; with a door	открыт/закрыт для новых эмоций и опыта / open/closed to new emotions and experiences
Сердце – это сундук / The heart is a chest	открытый/закрытый / open/closed	хранит что-то ценное / preserves something valuable
Сердце – это гнездо / The heart is a nest	открытый/закрытый / open/closed	эмоции «поселяются» в сердце / emotions “live” in the heart

Источник: таблицы 2, 3 составлены автором.

Source: Tables 2, 3 are compiled by the author.

инструментом для понимания человеческого мышления, а в более широком смысле позволяет выявить особенности мировосприятия представителей разных культур.

Перспективным представляется дальнейшее изучение образной схемы «контейнер» в структуре концепта «сюлэм» 'сердце' на материале более ранних источников удмуртского языка с целью выявления устойчивых и изменяющихся способов вербализации эмоционального опыта в разные периоды.

Таблица 3. Когнитивная метафора «сердце – это контейнер для эмоций» в удмуртском языке

Table 3. The cognitive metaphor “Heart is a container for emotions” in the Udmurt language

Когнитивная метафора / Cognitive metaphor	Описание / Description
Сердце – это контейнер для эмоций / The heart is a container of emotions	Сердце какместилище эмоций / The heart as a container of emotions
Эмоции – это жидкость / Emotions are liquid	Эмоции как жидкость, способная накапливаться и переполнять контейнер-сердце / Emotions are conceptualized as a liquid that can accumulate in and overflow the heart-container
Любовь / Love	Любовь / Love
Счастье / Happiness	Счастье / Happiness
Радость / Joy	Радость / Joy
Эмоции – это субстанция/вещества/предметы / Emotions are substances/objects	Эмоции находятся внутри контейнера-сердца, входят или выходят из него и способны накапливаться / Emotions are located within the heart-container, enter and leave it, and are capable of accumulating
Эмпатия / Empathy	Грусть / Sadness
Радость / Joy	Волнение / Excitement
Гордость / Proud	Тревога / Anxiety
Счастье / Happiness	Печаль / Sorrow
Уважение / Respect	Злость / Anger
Воодушевление / Enthusiasm	Страдание / Suffering
Эмоции – это живой организм / Emotions are living organisms	Эмоции как сущности «живут» внутри контейнера-сердца / Emotions are conceptualized as entities that “live” inside the heart-container
Надежда / Hope	Гнев / Anger
Любовь / Love	Печаль / Sorrow
Радость / Joy	
Уважение / Respect	
Симпатия / Liking	
Позитивные эмоции – это свет / Positive emotions are light	Позитивные эмоции, локализованные в сердце, осмысляются как свет / Positive emotions localized in the heart are understood as light
Любовь / Love	
Уважение / Respect	
Позитивные эмоции легкие, негативные – тяжелые / Positive emotions are light, negative emotions are heavy	Негативные эмоции осмысляются как внутренняя тяжесть или напряжение, а позитивные приводят к ощущению освобождения и внутренней легкости / Negative emotions are understood as internal heaviness or tension, while positive emotions lead to a feeling of liberation and internal lightness
Облегчение / Relief	Тревога / Anxiety
Спокойствие / Calmness	Беспокойство / Worry

Особый интерес представляет исследование других метафорических моделей сердца, а также взаимодействия образной схемы «контейнер» с другими образными схемами, участвующими в концептуализации эмоций, чувств и внутренних состояний человека в удмуртском языке.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

IN – инессив, ILL – иллатив, EL – элатив, PROL – пролатив.

ABBREVIATIONS

IN – Inessive, ILL – Illative, EL – Elative, PROL – Prolative.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панина Т.И., Ульянова М.А. Устойчивые словосочетания с соматизмом «сердце» в английском и удмуртском языках. *Гуманитарные и социальные науки*. 2024;102(1):74–79. URL: <http://hses-online.ru/2024/01/12.pdf> (дата обращения: 11.11.2025).

2. Душенкова Т.Р. Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира: моногр. Ижевск: Шелест; 2020. 244 с.
3. Душенкова Т.Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины мира: моногр. Ижевск: Шелест; 2020. 321 с.
4. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is Abstract Reason Based on Image-Schemas? *Cognitive Linguistics*. 1990;1(1):39–74. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39>
5. Hampe B. Image Schemas in Cognitive Linguistics: Introduction. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 1–14. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.0.1>
6. Grady J.E. Image Schema and Perception: Refining a Defenition. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 35–56. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.35>
7. Talmy L. The Fundamental System of Spatial Schemas in Language. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 199–234. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.3.199>
8. Cienki A. Mimetic Schemas and Image Schemas in Cognitive Linguistics and Gesture Studies. *Review of Cognitive Linguistics*. 2013;11(2):417–432. <https://doi.org/10.1075/rcl.11.2.13cie>
9. Gibbs R. Embodied Experience and Linguistic Meaning. *Brain and Language*. 2003;84(1):1–15. [https://doi.org/10.1016/S0093-934X\(02\)00517-5](https://doi.org/10.1016/S0093-934X(02)00517-5)
10. Clausner T., Croft W. Domains and Image Schemas. *Cognitive Linguistics*. 1999;10(1):1–31. <https://doi.org/10.1515/cogl.1999.001>
11. Kövecses Z. Testesültség (embodiment) a nyelvben és gondolkodásban – kognitív nyelvészeti megközelítés. *Replika*. 2021;(121–122):49–61. <https://doi.org/10.32564/121-122.4>
12. Dodge E., Lakoff G. Image Schemas: From Linguistic Analysis to Neural Grounding. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 57–92. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.57>
13. Enfield N.J., Wierzbicka A. The Body in Description of Emotion. *Pragmatics and Cognition*. 2002;10(1–2):1–25. <https://doi.org/10.1075/pc.10.1-2.02enf>
14. Kövecses Z., Benczes R. Kognitív nyelvészet. Budapest: Akadémiai Kiadó; 2016. P. 80. <https://doi.org/10.1556/9789630597340>
15. Niemeier S. To Be in Control: Kind-Hearted and Cool-Headed. The Head-Heart Dichotomy in English. In: Sharifian F., Dirven R., Yu N., Niemeier S. Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 2008. P. 355. <https://doi.org/10.1515/9783110199109.4.349>
16. Clausner T.C. Commonsense Knowledge and Conceptual Structure in Container Metaphors. In: Proceedings of the Sixteenth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 1994. P. 190. <https://doi.org/10.4324/9781315789354-33>
17. Кондратьева Н.В. Выражение пространственных отношений в современном удмуртском языке. *Урало-алтайские исследования*. 2010;(1):5–16. URL: https://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2010_02.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
18. Романова М.В. Культурные метафоры в песнях завятских удмуртов. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2025;(2):30–41. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-2-30-41>

REFERENCES

1. Panina T.I., Ulyanova M.A. Collocations with the Somatism “Heart” in the English and Udmurt Languages. *The Humanities and Social sciences*. 2024;102(1):74–79. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://hses-online.ru/2024/01/12.pdf> (accessed 11.11.2025).
2. Dushenkova T.R. [Key Concepts of the Udmurt Language Picture of the World: Monograph]. Izhevsk: Shelest; 2020. 244 p. (In Russ.)
3. Dushenkova T.R. [Emotsiosfera of the Udmurt Language Picture of the World: Monograph]. Izhevsk: Shelest; 2020. 321 p. (In Russ.)
4. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is Abstract Reason Based on Image-Schemas? *Cognitive Linguistics*. 1990;1(1):39–74. 1990;1(1):39–74. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.39>

5. Hampe B. Image Schemas in Cognitive Linguistics: Introduction. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 1–14. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.0.1>
6. Grady J.E. Image Schema and Perception: Refining a Definition. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 35–56. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.35>
7. Talmy L. The Fundamental System of Spatial Schemas in Language. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 199–234. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.3.199>
8. Cienki A. Mimetic Schemas and Image Schemas in Cognitive Linguistics and Gesture Studies. *Review of Cognitive Linguistics*. 2013;11(2):417–432. <https://doi.org/10.1075/rcl.11.2.13cie>
9. Gibbs R. Embodied Experience and Linguistic Meaning. *Brain and Language*. 2003;84(1):1–15. [https://doi.org/10.1016/S0093-934X\(02\)00517-5](https://doi.org/10.1016/S0093-934X(02)00517-5)
10. Clausner T., Croft W. Domains and Image Schemas. *Cognitive Linguistics*. 1999;10(1):1–31. <https://doi.org/10.1515/cogl.1999.001>
11. Kövecses Z. Testesültség (embodiment) a nyelvben és gondolkodásban – kognitív nyelvészeti megközelítés. *Replika*. 2021;(121–122):49–61. (In Hung.) <https://doi.org/10.32564/121-122.4>
12. Dodge E., Lakoff G. Image Schemas: From Linguistic Analysis to Neural Grounding. In: Hampe B., Grady J.E. From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter Publ.; 2005. P. 57–92. <https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.57>
13. Enfield N.J., Wierzbicka A. The Body in Description of Emotion. *Pragmatics and Cognition*. 2002;10(1–2):1–25. <https://doi.org/10.1075/pc.10.1-2.02enf>
14. Kövecses Z., Benczes R. Kognitív nyelvészet. Budapest: Akadémiai Kiadó; 2016. P. 80. <https://doi.org/10.1556/9789630597340>
15. Niemeier S. To Be in Control: Kind-Hearted and Cool-Headed. The Head-Heart Dichotomy in English. In: Sharifian F., Dirven R., Yu N., Niemeier S. Culture, Body, and Language: Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 2008. P. 355. <https://doi.org/10.1515/9783110199109.4.349>
16. Clausner T.C. Commonsense Knowledge and Conceptual Structure in Container Metaphors. In: Proceedings of the Sixteenth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates; 1994. P. 190. <https://doi.org/10.4324/9781315789354-33>
17. Kondratyeva N.V. Expressing Spatial Relations in Modern Udmurt. *Ural-Altaiic Studies*. 2010;(1):5–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2010_02.pdf (accessed 25.11.2025)
18. Romanova M.V. Cultural Metaphors in the Folk Songs of the Trans-Vyatka Udmurts. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025;(2):30–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-2-30-41>

Информация об авторе:

Романова Марина Валерьевна, аспирант кафедры финно-угорской филологии Сегедского университета (6722, Венгрия, г. Сегед, ул. Эдетэм, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4734-6103>, SPIN-код: 4224-9323, marinalintu@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.12.2025; одобрена после рецензирования 09.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

Information about the author:

Marina V. Romanova, PhD Student of the Department of Finno-Ugrian Philology, University of Szeged (2 Egyetem St., Szeged 6722, Hungary), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-4734-6103>, SPIN-code: 4224-9323, marinalintu@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.12.2025; revised 09.01.2026; accepted 29.01.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ REGIONAL HISTORY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.200-215><https://elibrary.ru/oswsrr>

УДК / UDC 94:355.404.51(480)

Оригинальная статья / Original article

«Контрабандисты» или «крестьяне-собратья»: социальная репрезентация карельских коробейников на территории Великого княжества Финляндского

И. С. Нестерова

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,*<https://ror.org/0176aa147>ines@petrsu.ru

Аннотация

Введение. Разносная торговля (коробейничество) в российско-финляндском приграничье существовала веками. Карельские крестьяне находили в этом виде промысла дополнительный источник дохода, население Финляндии – удобство, связанное с организацией торговой деятельности. Значение промысла для населения, живущего по обе стороны границы, подтверждается тем, что торговые операции не прекращались даже в период войн. Приграничное население жило по собственным законам, распоряжения властей, носившие ограничительный и запретительный характер, не оказывали какого-либо значительного влияния на традиции ведения промысла. Наибольшее значение коробейническая торговля как вид отхожего промысла имела для жителей Ухтинской и Вокнаволоцкой волостей Кемского уезда Архангельской губернии, населенных преимущественно карельским населением. Хронологические рамки работы охватывают вторую половину XIX – начало XX в. К настоящему времени в отечественной историографии не имеется комплексной работы, посвященной роли карельских торговцев на территории Великого княжества Финляндского. Цель исследования – определение социальной роли карельских коробейников и выявлении особенностей восприятия их деятельности властями и местным населением Финляндии.

Материалы и методы. Исследование базируется на зарубежных архивных документах, ранее не задействованных в научных работах, а также на материалах периодической печати. Незданные источники включают материалы фонда Канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, хранящиеся в Национальном архиве Финляндии (г. Хельсинки). Документы содержат переписку генерал-губернатора с Министерством внутренних дел, Императорским финляндским Сенатом и другими губернаторами. В официальных бумагах зачастую встречается термин «русские торговцы», который, вероятно, использовался для обозначения принадлежности карельских крестьян к Российской империи. Среди опубликованных материалов выделяются статьи «Финляндской газеты», выходившей в Гельсингфорсе с 1900 по 1917 г. В процессе исследования применялись как общенаучные методы (анализ, обобщение, систематизация), так и специальные исторические подходы (историко-генетический, историко-сравнительный), что позволило выявить общие тенденции восприятия карельских коробейников в финляндском обществе.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате исследования выявлены тенденции отношения финляндского общества к карельским торговцам. Финляндские власти (в том числе ленсманьяны – полицейские чины в сельских местностях) сохраняли резко негативное отношение к карельским коробейникам. Изначально сельские торговцы Финляндии поддерживали коробейническую торговлю: разносчики были главным источником поставок для их лавок, однако со временем, по мере расширения собственной торговли и развития промышленности, владельцы магазинов стали видеть в бродячих торговцах конкурентов. Отношение большинства сельского населения к карельским торговцам оставалось стабильно благожелательным: вековая торговля способствовала прочным связям между крестьянами и коробейниками. На рубеже веков наблюдался кратковременный всплеск ограничений:

© Нестерова И. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

на сельских сходах принимали положения, запрещавшие торговлю с разносчиками, предоставление им пищи и ночлега, а безземельным торпарям под угрозой лишения торпы запрещалось даже разговаривать с коробейниками. Эта ситуация была связана с политическими мерами по ограничению автономии Финляндии и слухами о переделе земли, введении русского языка, законов, школы и церкви. При этом в притеснениях участвовала лишь незначительная часть общества.

Заключение. Несмотря на гонения, преследования торговцев, развернувшиеся в крае на рубеже XIX–XX вв., коробейничество как традиционный промысел беломорских карелов не потеряло своего значения, а в период Первой мировой войны и вовсе широко распространилось. В конце 1880-х гг. отмечалось некоторое снижение активности карельских коробейников в Великом княжестве Финляндском, что было связано с развитием промышленности в крае и расширением торговой сети. Однако торговцы сумели достаточно быстро найти выход из сложившегося положения, занявшись закупкой товаров в магазинах и лавках сельских торговцев и разнося товар по деревням. Некоторые наиболее удачливые карельские торговцы смогли осесть в Финляндии и основать здесь собственные торговые заведения. Настоящее исследование способствует расширению и углублению теоретических знаний в истории вопроса в результате привлечения ранее не используемых в научном обороте архивных материалов.

Ключевые слова: коробейники, ленсманы, финское сельское население, разносная торговля

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нестерова И.С. «Контрабандисты» или «крестьяне-собратья»: социальная репрезентация карельских коробейников на территории Великого княжества Финляндского. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):200–215. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.200-215>

“Contrabandists” or “Peasants-Brethren”: Karelian Peddlers in the Grand Duchy of Finland

I. S. Nesterova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
<https://ror.org/0176aa147>
ines@petrsu.ru*

Abstract

Introduction. Peddling in the Russian-Finnish borderlands has existed for centuries. Karelian peasants found an additional source of income in this type of trade, while the Finnish population appreciated the convenience associated with organizing trade activities. The importance of trade for the population on both sides of the border is evident from the fact that trade operations continued even during periods of war. The border population lived according to their own laws, and the restrictions and prohibitions imposed by the authorities did not significantly impact their trade traditions. The most important form of itinerant trade was carried out by the residents of the Uhtinskaya and Voknavolotskaya volosts of the Kem district of the Arkhangelsk province, which were predominantly inhabited by Karelian people. The chronological scope of this study covers the second half of the 19th century and the early 20th century. To date, there has been no comprehensive study in Russian historiography on the role of Karelian traders in the Grand Duchy of Finland. The purpose of this study is to determine the social role of Karelian traders and to identify the specific ways in which their activities were perceived by the Finnish authorities and local population.

Materials and Methods. The research is based on foreign archival documents that were not previously involved in scientific work, as well as periodical press materials. Unpublished sources include materials from the Foundation of the Office of the Governor-General of the Grand Duchy of Finland, stored in the National Archives of Finland (Helsinki). The documents contain correspondence between the Governor-General and the Ministry of the Interior, the Imperial Finnish Senate and other governors. The term “Russian merchants” is often found in official papers, which was probably used to denote the affiliation of Karelian peasants to the Russian Empire. Among the published materials, the articles of the Finnish Newspaper, which was published in Helsingfors from 1900 to 1917, stand out. The study used both general scientific methods (analysis, generalization, and systematization) and specific historical approaches (historical-genetic and historical-comparative), which allowed for the identification of general trends in the perception of Karelian peddlers in Finnish society.

Results and Discussion. As a result of the study, the attitude of Finnish society towards Karelian traders was revealed. The Finnish authorities (including the lansman, a police officer in rural areas) maintained a strongly negative attitude towards Karelian peddlers. Initially, Finnish rural merchants supported the peddler trade, as peddlers were the primary source of supply for their shops. However, as their own trade expanded and industry developed, shopkeepers began to view peddlers as competitors. The attitude of the majority of the rural population towards the Karelian traders remained consistently benevolent: centuries-old trade had contributed to strong ties between the peasants and the peddlers. At the turn of the century, there was a brief

surge of restrictions: village assemblies adopted regulations prohibiting trade with peddlers, providing them with food and lodging, and landless peasants were forbidden to even speak with peddlers, under the threat of losing their land. This situation was related to political measures to limit Finland's autonomy and rumors about the redistribution of land, the introduction of the Russian language, laws, schools, and churches. However, only a small portion of society participated in the oppression.

Conclusion. Despite the persecution and harassment of merchants that took place in the region at the turn of the 19th and 20th centuries, the traditional trade of the White Sea Karelians, known as korobeynichestvo, did not lose its significance, and during the First World War, it became widespread. In the late 1880s, there was a slight decline in the activity of Karelian korobeyniki in the Grand Duchy of Finland, which was attributed to the development of industry in the region and the expansion of the trade network. However, the merchants were able to quickly find a way out of the situation by purchasing goods from the shops and stalls of the rural merchants and distributing them to the villages. Some of the more successful Karelian merchants were able to settle in Finland and establish their own trading establishments. This research contributes to the expansion and deepening of theoretical knowledge about the history of the issue by utilizing previously unused archival materials.

Keywords: peddlers, landowners, Finnish rural population, itinerant trade

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Nesterova I.S. "Contrabandists" or "Peasants-Brethren": Karelian Peddlers in the Grand Duchy of Finland. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):200–215. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.200-215>

Введение

Разносная торговля на территории Великого княжества Финляндского служила основным традиционным промыслом приграничного населения Беломорской Карелии. Широкий рынок сбыта мелочных товаров коробейники нашли в лице финского сельского населения, для которого этот вид торговли был весьма привлекательным. Необходимый в быту товар доставлялся прямо на дом, исключая необходимость поездок в города, зачастую предлагался в обмен на другие предметы торговли (прежде всего пушнину), а иногда продавался в кредит. Несмотря на то что разносная торговля на территории Финляндии была законодательно запрещена, карельские коробейники ежегодно отправлялись на промысел, являвшийся для них основным, а иногда и единственным источником дохода. Кроме того, коробейническая торговля выполняла своего рода логистическую функцию, позволяя связывать между собой удаленные, географически изолированные районы Российской империи с более крупными торговыми местами. Отношение властей к карельским коробейникам отражало общую политику в сфере торговли, оказавшую влияние, например, на формирование и эволюцию торгового законодательства. Изучение заявленной темы способствует сохранению памяти о традициях, быте и социальных практиках прошлых лет. Цель исследования – анализ восприятия карельских торговцев финскими властями и местным населением, выявление причин двойственного отношения к ним.

Обзор литературы

Специальных исследований, посвященных изучению темы восприятия карельских коробейников как социальной группы представителями финляндского общества, нет ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

В качестве основных исследований, посвященных истории разносной торговли на территории Великого княжества Финляндского в целом, следует отметить ряд исследований отечественных авторов¹. Работы Г. А. Нефедовой посвящены характеристике хозяйственного уклада и экономического положения карельской деревни в пореформенные десятилетия, особенностью которых была взаимосвязь сельского

¹ Лайдинен А.П. Социально-экономические реформы 50–70-х годов XIX века в Финляндии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние; 1982. 110 с.; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия; 1983. 288 с.; Дубровская Е.Ю. Социально-экономическое положение карельских уездов в конце XIX – начале XX в. Петрозаводск: КФ АН СССР; 1989. 24 с.

хозяйства и промысловой деятельности населения². По наблюдениям Н. А. Кораблева, возникновение и развитие разносного промысла на территории Финляндии было обусловлено относительной неразвитостью торговой сети в Великом княжестве³ [1]. Важную роль в установлении контактов приграничного населения играла языковая и этнокультурная близость северных карелов и финнов.

Коробейничество стало одним из исследовательских аспектов приграничного сотрудничества карельского и финского населения в работах Д. В. Базегского⁴. Из новейших исследований, посвященных изучению состояния пограничной и таможенной охраны границы с Финляндией в пределах Архангельской и Олонецкой губерний, развитию контрабандного промысла в приграничье, выделяется монография К. М. Агамирзоева⁵.

В финской историографии Е. Пихкала и Т. Мауранен занимались изучением официальной статистики о количестве торговцев-разносчиков в Финляндии⁶. М. Наакка-Корхонен, автор монографии о торговцах-разносчиках, наряду с анализом промысловой деятельности жителей Беломорской Карелии изучал организацию торговой деятельности карельских коробейников, правила и традиции ведения торговли, пути и маршруты передвижения торговцев, рассматривая при этом вопрос о взаимоотношении последних с сельским населением Финляндии⁷. Вопросы о маршрутах передвижения коробейников, ассортименте предлагаемых к продаже товаров и правилах ведения торговли стали предметом исследования Х. Хейнянена⁸. Из новейших зарубежных изданий, посвященных истории развития коробейнической торговли на территории Финляндии, выделяется также монография П. Невалайнена [2]. Кроме того, отдельно стоит выделить работы [3], касающиеся изучения социальной и экономической истории стран Северной Европы, ставшие результатом широкого междисциплинарного исследования темы мелочной торговли. Целый ряд статей, опубликованных в серийном издании «*Karjalan heimo*» в 1990–2020-х гг. [4–6], отражает судьбы карельских коробейников, занимавшихся на территории соседней Финляндии разносной, а затем и стационарной торговлей⁹ [7; 8].

² Нефедова Г.А. Важнейшие промыслы карельских крестьян в пореформенный период (1862–1905 гг.). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 1957;6(1):74–87; Нефедова Г.А. Краткая характеристика сельского хозяйства и расслоения карельской деревни во второй половине XIX века. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 1957;7(1):27–40; Нефедова Г.А. Торговля Карелии после отмены крепостного права в России. *Ученые записки Карельского педагогического института*. 1960;9:27–33.

³ Кораблев Н.А. К истории развития неземледельческого отхода в Карелии в пореформенный период. В: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводский гос. ун-т, 1988. С. 61–68; Кораблев Н.А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX века. В: Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 2000. С. 51–60.

⁴ Базегский Д.В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX – начале XX в. В: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводский гос. ун-т, 1993. С. 43–51; Базегский Д.В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск; 1998. 173 с.

⁵ Агамирзоев К.М. Обнаженная граница. Очерки о борьбе с контрабандой в Карелии в XVII – начале XX веков: исторический очерк. Костомукша: Костомукша-Медиа; 2021. 79 с.

⁶ Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki; 1970. 261 s.; Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa puiteet autonomian ajan jälkipuoliskolla. B: Historiallinen arkisto. 65. Loviisa; 1971. S. 5–85; Mauranen T. Kauppa ja liikenne. B: Suomen taloushistoria. I. Helsinki; 1980. S. 436–450; Mauranen T. Porvarista kauppiaksi: kauppiaan yhteiskunnallinen jälkipuoliskolla. B: Historiallinen arkisto. Helsinki; 1981. S. 185–212.

⁷ Nakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; 1988. 294 s.

⁸ Heinänen H. Kainuun laukkukauppa autonomian ajan lopulla. B: Rihma-aineksia. Kajaani; 1999. S. 13–18; Heinänen H. Laukkukauppa Kainuun rajaseutukunnissa 1880–1918. B: Rohkea, reima ja horjumaton. Scripta Historica XXVII. Oulu; 1998. S. 173–186.

⁹ Hämynen T. Rajako railona aukeaa? *Karjalan heimo*. 1997;(5–6):69–71; Kauhanen J. Kestinkiläisiä kauppiamiehiä. *Karjalan heimo*. 1997;(9–10):153–156; Ranta R. Vienan kauppayhteydet Suomeen. *Karjalan heimo*. 1994;(5–6):90–92; Ranta R. SV. Neljä vuosikymmentä laukkukauppiaina Keski-Suomessa. *Karjalan heimo*. 1990;(3–4):41–42; Heinänen H. Vienalaista kaupankäyntiä Pohjois-Suomessa autonomian ajan lopulla. *Karjalan heimo*. 2002;(5–6):71–73; Vuoristo S. Vienan ja Aunuksen miehiä kauppiaina Keski-Suomessa. *Karjalan heimo*. 1990;(3–4):36–40.

Отдельно следует упомянуть исследование В. Расила, посвященное изучению торпарского вопроса, в контексте которого автором затрагиваются проблемы взаимоотношений местного финского населения с карельскими коробейниками¹⁰. Враждебное отношение к карельским торговцам в начале XX столетия было связано с распространением слухов о предстоящем переделе земли и введении русских законов в крае. Исследователь А. П. Лайдинен, соглашаясь с позицией В. Расила, подчеркивает, что карельские коробейники утешали своих гостеприимных хозяев, предоставлявших им приют и ночлег, слухами о скором превращении их в самостоятельных хозяев, владельцев собственных земель¹¹.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе зарубежных архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, а также материалах периодической печати. Неопубликованные источники представлены делами фонда Канцелярии генерал-губернатора Великого княжества Финляндского (Kenraalikuvernöörinkanslia – ККК), хранящимися в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto – КА). Корпус источников представляет собой переписку генерал-губернатора Финляндии с Министерством внутренних дел, Императорским финляндским Сенатом, губернаторами Финляндии. Опубликованные материалы периодической печати представлены статьями «Финляндской газеты», издававшейся в период с 1900 по 1917 г. в Гельсингфорсе. Главная задача русскоязычного печатного органа заключалась в том, чтобы способствовать сближению финского и русского народов. История развития коробейничества подавалась в публикациях газеты как веками существовавший промысел, жизнеспособность которого обеспечивалась в том числе доброжелательным отношением сельского населения к карельским торговцам.

В ходе изучения темы исследования использовались общенаучные (анализ, обобщение, систематизация), специальные исторические методы. Так, применение историко-системного метода направлено на изучение механизмов коробейнической торговли, выявление особенностей и специфики промысла для населения карельских волостей; использование историко-генетического метода позволило проследить трансформацию отношения представителей финляндского общества к карельским коробейникам; историко-сравнительный метод нацелен на выявление формирования причин и закономерностей двойственного отношения к карельским коробейникам со стороны властей и крестьянского населения Финляндии.

Результаты исследования и их обсуждение

Во второй половине XIX – начале XX в. Беломорская Карелия представляла собой глухой, изолированный край, лишенный дорожного сообщения. Земледелие никогда не служило здесь основой экономического благосостояния: по причине сурового климата оно было развито крайне слабо и имело скорее второстепенное значение, являясь своего рода подспорьем отхожим промыслам. Одна морозная ночь накануне жатвы урожая могла лишить земледельца всех его трудов, поэтому зачастую, во избежание потери посадок от заморозков, хлеб с корня снимали недозрелым и оставляли доходить в снопах, развешанных колосьями вниз¹². Неурожаи бывали настолько сильны, что лишали карел даже семян, потраченных на посев.

¹⁰ Rasila V. Suomen torparikysymys vuoteen 1909. Historiallisia tutkimuksia. LIX. Kajaani; 1961. 493 s.

¹¹ Лайдинен А.П. Торпарский вопрос в Финляндии во второй половине XIX века. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН; 1992. 204 с.

¹² Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк. *Древняя и новая Россия*. 1880;(16):297–298; Статистический обзор Архангельской губернии за 1905 год. В: Памятная книжка Архангельской губернии на 1907 г. Архангельск; 1907. Паг. 3. С. 7.

Господствовавшая в российских селениях система землепользования, предполагавшая периодические (через 10-15 лет) переделы земли, также служила причиной слабого развития дел в сельском хозяйстве. По большей части отношение карельских крестьян основывалось на представлении «кто же захочет вкладывать свои силы и средства в землю, если не знаешь, в чье распоряжение она вдруг попадет»¹³. Для обеспечения своего существования крестьяне были вынуждены искать источники дополнительного заработка на стороне.

Распространение получила трехпольная система земледелия: после пара сеяли ячмень (жито), а затем рожь. Посев ярового хлеба производили с 25 апреля до 15 мая, озимого – с начала июля до 15 августа. Из овощей выращивали брюкву, лук, репу и в незначительном количестве картофель. Неплохой поддержкой для карельских семей служили дары леса: ягоды (брусника, клюква, вороника, черника, морошка) и грибы (волнухи и грузди)¹⁴. Средним преобладающим показателем урожая по волостям и обществам Кемского уезда для яровых хлебов был сам-3; для озимых – сам-4. В урожайные годы своего хлеба жителям Беломорской Карелии хватало на 3–4 месяца, а зачастую – лишь на 1,5–2,5 месяца в году. В остальное время хлеб вынуждены были приобретать по весьма дорогой цене – от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 20 коп. за пуд, при этом перевозка его из Кеми в зимнее время обходилась от 35 до 70 коп. за пуд¹⁵.

Хлебопашество для архангельских карелов являлось возможным лишь в силу применения подсечной (нивной) системы земледелия. Ниву использовали только единожды, на второй год хлеб на ней не родился; на старые подсечные места возвращались через 15, 20, 30 лет. Особой инструкцией, изданной 15 октября 1869 г.¹⁶, закладка подсек запрещалась. Древесина к этому моменту стала важным источником экспорта. В особом положении оказались лишь крестьяне Кемского уезда, которым ввиду малоземелья разрешались расчистки под постоянную пашню и сенокос в размере 15 десятин на душу с правом пользования без уплаты оброка в течение 40 лет. Однако население уезда практически не пользовалось предоставленной льготой в связи с ограниченностью рабочих рук, нехваткой удобрений, отсутствием удобных мест под расчистки вблизи территории проживания, а также ограничительным сроком использования [9]. На наш взгляд, наиболее вероятной причиной отсутствия интереса к занятию подсечным земледелием представляется уже сложившаяся и прочно устоявшаяся к этому времени традиция отходничества.

Мелочные торговцы, обеспечивавшие существование своих семей с помощью разносной торговли, были весьма ярким явлением второй половины XIX в. и рубежа веков. Наряду с экономической составляющей, деятельность карельских коробейников приобретала черты политического и идеологического влияния. С одной стороны, политизация коробейников была связана с идеей ослабления обособленного положения Великого княжества Финляндского, с другой – не менее значимой была политизация коробейников, связанная с движением карелианства, со становлением национальной идентичности финнов, со стремлением расширить

¹³ Эрvasti А.В. Воспоминания о путешествии по Русской Карелии летом 1879 года. Петрозаводск: Периодика; 2022. С. 95.

¹⁴ Обзор Архангельской губернии за 1871 год. Архангельск: Губерн. тип.; 1872. С. 30; Чубинский П.П. Статистическо-этнографический очерк Корелы. В: Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 г. Кн. 2. Архангельск; 1886. С. 75–78; Пошман А.П. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями. Т. 1. Архангельск: Губерн. тип.; 1866. С. 167–168.

¹⁵ Kansallisarkisto (далее – КА). Kenraalikuvernöörinkanslia (далее – ККК). Фа 1798/15V. О коробейниках. С. 37–38; Камкин Н. Архангельские корелы. Этнографический очерк. *Древняя и новая Россия*. 1880;(2):297–298; Н.К. [Камкин Н.] Из Кемского уезда. *Труды Вольного экономического общества*. 1875;3:448; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия; 1983. С. 57.

¹⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XLIV. Отделение 2. 1869. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии; 1873. С. 123. № 47514.

территорию Великого княжества в составе Российской империи на Беломорскую Карелию. И в том и в другом случае карельские торговцы могли бы рассчитывать на приобретение торговых прав в Финляндии.

Карелианизм зародился в первой половине XIX в. как культурное течение в русле национального романтизма, связанное с поисками национальной идентичности и истоков собственной культуры. Он нашел выражение в публикации Э. Леннротом эпического эпоса «Калевала». Карелианизм – течение, вызванное особым интересом к истории, культуре, традициям и обычаям Карелии; к концу столетия он обрел политический, национально-идеологический оттенок. Основная его идея заключалась в общем происхождении и близком родстве карельского и финского народов. Одним из важнейших этапов развития этого направления стало появление своего рода визуализированного образа карелов, представленного в фотографиях финского путешественника, писателя и журналиста И. К. Инха «В краю калевальских песен» (рисунок).

Р и с у н о к. Карельские корабейники
F i g u r e. Karelian peddlers

Источник: Инха И.К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; 2019. 464 с.

Source: Inkha I.K. [In the Land of Kalevala Songs: Lönnrot's Path through White Sea Karelia]. Petrozavodsk; 2019. 464 p.

В политическом аспекте развитие карелианизма оказалось связано с идеей «Великой Финляндии», идеей присоединения к Финляндии территории Беломорской Карелии как братского региона с общими историческими событиями и культурными традициями. В этом отношении большое влияние на своих бывших соотечественников оказывали торговцы, которые сумели обосноваться в Финляндии, вести там торговые дела. Они верили, что экономическое и духовное развитие Беломорской Карелии возможно только в составе Финляндии.

Для жителей приграничных волостей Кемского уезда основным видом промысла, а зачастую единственным источником дохода и решающим фактором развития экономики региона, являлась разносная торговля на территории Финляндии. Преимущественное значение в ассортименте имели товары для женщин: кружева и ленты, иглы,

пуговицы, наперстки, крючки для вязания, нитки и ножницы. Товары для мужчин были представлены рыболовными крючками, курительными трубками и табаком. Главной статьёй продаж в Финляндии являлись ткани. Для сельского населения Финляндии такой вид торговли был довольно удобен, товары можно было приобрести прямо дома, не совершая поездки на дальние расстояния¹⁷.

Сумки коробейников, предназначенные для переноски товаров, чаще всего изготавливались из коровьей кожи для предотвращения намокания и порчи товара. Для удобства переноски на спине снабжались лямками и таким образом приобретали вид рюкзака. Вероятно, именно отсюда и пошло название «реппюри» или «реппурюсса» (*reppuryssa*, *reppi* – рюкзак), буквально означающее «русские рюкзаки»¹⁸. Другая разновидность названия карельских коробейников – «лауккюрюсса» (*laukkuryssä*, *laukku* – сумка), при этом обозначалась их принадлежность к православной религии и использование карельского языка¹⁹. Коробейники образовывали своего рода торговые союзы, среди которых можно выделить три типа. Первый представлял собой объединение купца, выступавшего поставщиком товаров, и нескольких его работников, являвшихся разносчиками. Другой тип союза, наиболее распространенный, являлся объединением менее состоятельных, но самостоятельных торговцев, ведущих дело на собственные средства. Третьим типом была форма кооператива, каждый член которого вносил некоторую денежную сумму в общую кассу, но и получал прибыль, соответствующую сделанным инвестициям²⁰. Товар для продажи приобретался на крупнейших ярмарках Архангельской губернии, а чаще всего – в Петербурге или Москве, затем распределялся между торговцами, которые отправлялись в путь с котомкой за плечами. Участники заранее договаривались о времени и месте сбора для подведения итогов торговой деятельности, распределения доходов и получения новой партии товара для продажи.

Процветанию коробейничества способствовало отсутствие таможенной охраны на границе. Таможни располагались только на берегу Белого моря и Ботнического залива. Вся пограничная территория представляла собой широкую возможность для ведения контрабандной торговли. Доставлять приобретенные товары для оплаты их пошлиной в таможенные учреждения, находящиеся за сотни верст, крестьяне не спешили²¹. Этническая и языковая близость также способствовали развитию промысла. Те, кто ходил в Финляндию, финский язык знали «не хуже своего»²² [1]. Немаловажной причиной развития коробейничества можно считать силу традиции промысла, передававшегося из поколения в поколение.

Законодательно разносная торговля на территории Великого княжества Финляндского была запрещена еще Уложением Швеции 1734 г., однако карельские волостные правления выдавали крестьянам паспорта, на основании которых торговля разрешалась на всей территории Российской империи. Великое княжество, являвшееся ее частью, вероятно, не было исключением в глазах карельских волостных чинов. Сами торговцы воспринимали Финляндию как «новую окраину святой Руси»²³. Издаваемые российским императором и финляндскими властями ограничения и запреты на ведение торговой деятельности карельскими коробейниками в пределах Финляндии большого значения не имели. Порой население приграничных волостей только этим промыслом и могло обеспечить свое существование.

¹⁷ Hämynen T. Rajako railona aukeaa? *Karjalan heimo*. 1997;(5–6):69–71. S. 69.

¹⁸ Тароева Р.Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX – начало XX в.). В: Труды Карельского филиала академии наук СССР. Вып. XXII. 1959. С. 41.

¹⁹ Сихво Х. От «Старой Финляндии» к Карелии периода финляндской автономии. В: Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс; 1998. С. 173.

²⁰ Nakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. *Vienankarjalainen laukkukauppa*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; 1988. S. 152–154.

²¹ КА. ККК. Fb 788/7-13.

²² Бубновский М.И. Контур Архангельской губернии. Архангельск: Губерн. тип.; 1914. С. 30; Ahova P. *Vienan Karjala*. В: *Karjalan kirja*. S. 427–428.

²³ Коробейники в Великом княжестве Финляндском. *Финляндская газета*. 1900;(46):2.

Торговля в приграничье велась бесперебойно, даже в военный период существовала практика приграничных перемирий. За время существования промысла между приграничным населением установились прочные контакты. Торговые маршруты беломорских коробейников простирались от границ шведской Лапландии до самых южных районов Финляндии, территория края была поделена на своего рода торговые округа. У каждой карельской деревни была своя собственная торговая территория и свой маршрут. Как правило, на ночлег коробейники останавливались в одних и тех же домах, которые были поделены между ними подобно существовавшему делению на торговые округа.

Ухудшение условий разносной торговли оказалось связано с введением в действие закона 1859 г. (получившего подтверждение указом 1868 г.), предоставлявшего право финляндским подданным на открытие сельских магазинов в Финляндии. Однако стационарная торговая сеть росла довольно медленно. Финляндские торговцы – хозяева магазинов и лавочек, с одной стороны, поддерживали связи с карельскими торговцами, приобретая у них товары, чтобы способствовать расширению ассортимента своих магазинов [10]. С другой стороны, к рубежу столетий, в связи с накалившейся в крае обстановкой, карельских коробейников они стали рассматривать как своих конкурентов, ведь качество предлагаемых ими товаров не уступало, ассортимент был более разнообразным, а главное – товар доставлялся прямо на дом. Новый указ о промыслах, вступивший в силу 31 марта 1879 г., разрешал ведение разносной торговли на основании открытого паспорта, полученного в губернской канцелярии и ежегодно возобновляемого. Иностранцам необходимо было сделать запрос на имя губернатора, приложив к нему удостоверение о хорошем имени просящего и платежное поручительство об уплате казенных повинностей²⁴. При этом следует иметь в виду, что карельские крестьяне зачастую уходили на промысел, не имея необходимых на то документов. Это объяснялось как невозможностью их получения (в ряде случаев проще было пересечь условную границу, чем добраться до административного центра), так и установившимися добрососедскими отношениями с местным финским населением, которое не требовало подтверждения законодательных основ ведения промысла.

Подданные Российской империи считались в Финляндии иностранцами, тогда как финляндцы в пределах империи обладали равными с российскими подданными правами. Для владения сельской лавочкой или магазином и ведения оптовой или разносной торговли, обязательным условием для карельских коробейников являлось приобретение финского гражданства²⁵. В силу незаконности промысла коробейники всегда подвергались строгому надзору со стороны финских властей. Следить за тем, чтобы незаконная торговля не производилась в приходах, поручалось ленсманам, в городах – фискалам. Ленсманы, имевшие, вероятно, незначительные доходы от своей профессиональной деятельности, всегда были рады возможности получить дополнительные средства, задержав на своей территории торговца-разносчика. В качестве вознаграждения этим лицам полагалась третья часть суммы, вырученной от продажи с аукционного торга конфискованного товара. Очевидно, именно этим обстоятельством объясняется такое рвение местных чиновников к преследованию карельских крестьян.

Архивные документы свидетельствуют о неприязненном отношении местных властей к русским торговцам. В июне 1875 г. крестьяне Кемского уезда д. Большое озеро Иван и Касьян Карвариндины и еще несколько русских крестьян остановились на ночлег в одной из деревень Або-Бьёрнеборгской губернии. Явившийся в дом ленсман Оскар Фустет со своим подчиненным по фамилии Вестмерг стал требовать

²⁴ Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского за 1879 г. № 12. Гельсингфорс; 1879–1880.

²⁵ Суворов П. К вопросу о равноправии. Положение русских в Финляндии и финляндцев в империи. СПб.: Типография А.С. Суворина; 1907. С. 24.

у крестьян товар. Крестьяне, «слышавшие о неограниченной и бесконтрольной власти, предоставленной всем ленсманам», попытались уйти, однако Вестмерг применил огнестрельное оружие, в результате чего Иван был серьезно ранен. Касьян Карвариндин пять недель провел под стражей в г. Або. Суд неоднократно рассматривал это дело, в результате чего постановил: Фустета признать правым, а крестьян Кавариндиных не считать виновными²⁶. Даже нанесение увечий не было предъявлено ленсману. Отметим, что право употребления огнестрельного оружия в случае преследования контрабандистов ленсмены получили лишь по закону 22 декабря 1897 г.²⁷

Единственный случай признания судом ленсмана виновным, который удалось обнаружить в архивных документах, произошел в 1876 г. Пятью годами ранее крестьянин Архангельской губернии Кемского уезда д. Кимас-озеро Тимофей Семенов Ананьин с двумя своими товарищами остановился на ночлег в Выборгской губернии, в д. Тоткиниemi в доме Мухоне. В первом часу ночи в дом вломился ленсман Линдхольм и стал насильно отнимать у крестьян вещи. Получив сопротивление, ленсман воспользовался огнестрельным оружием не по прямому назначению: он с такой силой пробил Ананьину голову рукояткой револьвера, что Тимофей «пролежал без чувств 5 часов». Крестьяне подали жалобу в финский суд, дело затянулось на 5 лет, рассматривалось 9 раз, в результате ленсман Линдхольм получил штраф в 80 финских марок (примерно 20 русских рублей серебром). Хотя наказание было слишком незначительным и Ананьин имел право обжаловать решение суда, он «отступился, потому что прошло бы еще несколько лет, а результат был бы сомнительным»²⁸. Как правило, рассмотрение дел в судах затягивалось на несколько лет и оканчивалось в пользу ленсманов. Даже если товар возвращался русским торговцам, последние несли значительные убытки, поскольку товар был испорчен или терял цену из-за того, что стал неактуальным²⁹. Отметим, основываясь на данных архивов, что карельские торговцы действительно в большинстве случаев не имели при себе необходимых на ведение торговой деятельности документов или предъявляли паспорта и разрешения с истекшим сроком действия. Это обстоятельство в полной мере способствовало формированию резко негативного отношения ленсманов к ним и являлось правомерным основанием к конфискации товара.

В отношении торговцев применялись различные меры, направленные на ограничение их деятельности в пределах Финляндии. Одним из способов борьбы стали приговоры приходов о вынесении штрафов в размере 20 финских марок тем крестьянам, кто примет в своем доме торговца на ночлег, предоставит ему пищу или приобретет у него товары. В 1870 г. в приходе Руовеси Тавастгусской губернии приговор был приведен в исполнение. Крестьянин Габриель Токонен был оштрафован на 60 марок, а арендатор Иоган Паккель на 20 марок³⁰.

Отношение к коробейникам и вообще ко всем русским, занимавшимся в Финляндии каким-либо промыслом, в особенности изменилось после обнародования Февральского манифеста 1899 г. В них стали усматривать тайных шпионов, пропагандистов, распространяющих среди местного населения слухи о переделе земли, а также о насильственном обращении лютеран в православие.

В 1899 г. общественный сход прихода Руовеси постановил: для поддержания в обществе порядка накладывать штраф в размере 40 марок на лица, которые будут «покровительствовать шляющимся торговцам-крестьянам из Архангельской и Олонецкой губернии Российской империи». В подкрепление этому решению была

²⁶ КА. КKK. Fa 1411/59. S. 3–4.

²⁷ ГААО. Ф. 58. Оп. 3. Д. 61. Л. 29.

²⁸ КА. КKK. 1411/59. S. 5.

²⁹ КА. КKK. Fa 1411/59. S. 12.

³⁰ КА. КKK. Fa 1411/59. S. 7.

издана брошюра тиражом в 3 000 экземпляров под названием «Правила общины Руовеси к поддержанию порядка и спокойствия»³¹. Генерал-губернатор Н. И. Бобриков направил в Императорский финляндский сенат прошение об изъятии из обращения и уничтожении «этой вредной для общественного спокойствия и вселяющей опасную рознь между членами единой, общей всероссийской семьи брошюры». Однако Сенат не нашел в ней такого вредного действия: «в приговоре Руовесиской общины не упоминаются и не имеются в виду в особенности русские коробейники, а вообще лица, распространяющие в народе слухи о социальных переворотах, разделе земли и прочее»³². Торпарям за нарушение установленных правил грозило лишение земли. Опасаясь возможных последствий, они боялись даже разговаривать с торговцами³³.

В 1899 г. аналогичная Руовесиской брошюра под названием «Слухи о дележе земли и их распространители» была издана в Йоэнсуу. В ней содержались советы соотечественникам смотреть на торговцев «как на заразу <...> как на врагов нашей родины»³⁴. Аналогичным образом характеризовали коробейников и полицейские власти края, утверждая, что «русский народ для нас хуже чертей <...>, а также все правительство и сама Россия для нас самые вредные враги»³⁵.

Выборгский губернатор 8 апреля 1899 г. обратился к председателям общинных собраний губерний с предписанием постановить приговоры для обеспечения «нравственности, общественного порядка и безопасности»³⁶. Штрафы предусматривались и для тех лиц, кто не информировал и не привлекал к ответственности членов прихода, владевших информацией об имевших место нарушениях [13].

Неприязненное отношение к карельским коробейникам со стороны финляндцев было связано прежде всего со слухами о разделе крупных земельных владений между всеми нуждающимися по принципу русской общины «мира». Торговцы обвинялись в том, что собирали подписи под подобными бумагами, обращаясь преимущественно к детям и мало смыслящим лицам, и употребляли для этой цели «ласки, подарки и даже угрозы». В том же году на запрос финляндского генерал-губернатора о подобных случаях в губерниях Княжества губернаторы Выборга и Улеборга сообщили о Иване Кирилове и Игнатии Карпове, которые распространяли такие слухи. Поскольку это не нарушило общественного порядка, этих людей (у них не было документов на торговую деятельность) просто отправили на родину³⁷.

Зачастую подобные слухи распространяли сами жители Финляндии. Почти треть населения составляли безземельные крестьяне, мечты которых подпитывались слухами о переделе земли. Например, в январе 1900 г. в д. Кильваккала прихода Икалис Або-Бьёрнеборгской губернии собралось около 150 торпарей и безземельных крестьян. Сбор был связан с приездом агронома Лайхо, главной целью которого было разъяснение способов улучшения земледелия и скотоводства. Постепенно он перешел на политическую почву, указав, что «финляндцы утратили свою свободу и сделались русскими рабами, что теперь, с введением русских законов, тех, кто не в состоянии будет внести налоги, будут бить до полусмерти»³⁸. В подкрепление своих слов Лайхо распространял среди крестьян брошюру «Раздел земли в России», в которой говорилось: «...бродяги-коробейники... подкуплены для того, чтобы возбудить вражду среди финнов... советуем всем нашим соотечественникам смотреть на этих лиц как на заразу и закрыть им двери навсегда <...> этот бродячий народ старается истребить самостоятельность Финляндии...»³⁹.

³¹ КА. ККК. Fb 8/70. I osasto.

³² КА. ККК. Fb 8/70. I osasto.

³³ КА. ККК. Fb 1/12, Fb 87/32.

³⁴ КА. ККК. Fb 42/86.

³⁵ КА. ККК. Fb 87/31.

³⁶ Коробейники в Великом княжестве Финляндском. *Финляндская газета*. 1900;(46):2.

³⁷ КА. ККК. Fa 1791/IV^b.

³⁸ КА. ККК. Fb 2/92.

³⁹ КА. ККК. Fb 42/86.

По указу 2 июля 1900 г. российские и финские крестьяне были уравнены в правах ведения торговли, однако указы 1859 и 1868 гг., запрещавшие осуществление торговых операций карельским коробейникам как не являвшимися подданными Финляндии, отменены не были. Отсутствие четко сформулированного правового статуса карельских коробейников обуславливало двойственное к ним отношение со стороны властей и сельского населения Финляндии. Ярм защитником карелов-коробейников на протяжении всего периода своего генерал-губернаторства (1898–1904 гг.) выступал Н. И. Бобриков. Негативное отношение к русским торговцам, по его мнению, «могло вызвать крайне нежелательную национальную вражду двух народностей, одинаково стоящих под скипетром всероссийских монархов». Бобриков, обращаясь в Финляндский Сенат, указывал на ошибочность взглядов местных чиновников в отношении русских торговцев как на иностранных подданных. Великое княжество, не обладая правами государства, не могло иметь и собственных подданных. Источник недоразумения крылся в формулировке «не финляндский гражданин» Постановления 1879 г., которое, по мнению Бобрикова, следовало устранить изданием нового закона, призванного определить правовой статус торговцев в разнос⁴⁰. Также указом 14 июня 1839 г. была закреплена право ведения торговли крестьянами русских губерний в Финляндии на основании паспорта наравне с финляндскими сельскими обывателями. При этом финляндские уроженцы в Империи «беспрепятственно и без особых формальностей» владели всеми правами российских подданных⁴¹.

Все финляндские губернаторы 8 августа 1900 года получили распоряжение, предписывающее, что русские торговцы могут заниматься в Финляндии торговлей в разнос и промыслами на одинаковых с финляндскими гражданами основаниях. Губернаторы были обязаны выдавать русским крестьянам разрешения на торговлю на тех же основаниях, на которых это разрешение выдается ими финляндским гражданам или местным сельским обывателям⁴². Однако власти по отношению к коробейникам зачастую руководствовались «не общими требованиями закона, а личными взглядами». Карельские торговцы прибывали в Финляндию с паспортами, полученными в волостных правлениях, свидетельствами о благонадежности и иногда промысловыми свидетельствами, местные власти требовали от них паспорта, выданные губернаторами; или отметку в графе «род занятий» – не «чернорабочий», как значилось у большинства, а «торговец»; или особое свидетельство русского губернатора на право торговли⁴³. В Тавастгусской губернии от коробейников, помимо всех прочих документов, требовалось исповедное свидетельство от священника. Куопиоское губернское правление запрашивало медицинские свидетельства местных врачей, несмотря на то, что «таковые свидетельства законом не установлены, требуют лишних расходов, а местные врачи, следуя усиленной пропаганде о притеснении русских, отказывают в выдаче свидетельств»⁴⁴.

Одним из способов притеснения карельских коробейников была практика размещения специальных табличек, воспрепятствовавших торговцам вход во двор. Например, в местности Мербю (11 км от г. Экенеса) землевладелец Яльмар Сонг к своему дому и всем торпам, расположенным на его земле, прибил железные доски с надписями, запрещающими вход русским разносчикам и татарам («*Tilltrade förbjndes kontryssar ock tatarer*») под страхом изгнания с торп, если «кто

⁴⁰ КА. ККК. Fa 1791.

⁴¹ КА. ККК. Fa 1791; ККК. Fa 1798/15V. S.17–22.

⁴² КА. ККК. Hd 8.

⁴³ Там же.

⁴⁴ КА. ККК. Fb 2/83 (1900). S. 1–2, 19.

примет у себя русского»⁴⁵. В местечке Хорбек торпарь сообщил жандарму Попову, что «у них таких вывесок нет, а объяснено на словах». Хозяева ругали торпаря, угрожая штрафом, за то, что он пустил жандарма в дом: «Шпионов-жандармов нужно гнать в шею от крыльца, а не пускать в избу»⁴⁶. Возможно, это было связано с налаженными контактами с карельскими торговцами, которые не единожды находили в этом доме пристанище.

Использование русского языка также преследовалось местными властями. В Экенесе (провинция Уусима, Южная Финляндия) домовладелец Бустрем, поместивший на своем доме дощечку с названием улицы на шведском, финском и русском языках, был вынужден изъять русскую надпись. Тем не менее по этой причине казначей местного банка отказал Бустрему в выдаче ссуды под солидное поручительство⁴⁷. Бойкот русским товарам пропагандировался и на страницах газет. Звучали призывы русские товары заменить «столь же доброкачественным и дешевым отечественным товаром (в крайнем случае, западно-европейским)»⁴⁸.

Финляндские власти усматривали в карельских корабейниках шпионов и ставленников российской власти, основываясь на том, что торговцы подали прошения о паспортах сразу вслед за изданием закона, уравнившего права торговцев в Княжестве⁴⁹. Наиболее вероятным, по мнению автора одной из шведских газет, было получение ими сведений из первых рук. По предположению автора статьи, торговцы были разделены на группы во главе со старшим, который имел связь со всеми членами группы и таким образом передавал необходимые приказы и инструкции. Опасения были связаны с тем, что со временем русские торговцы, переселившись на постоянное место жительства в финские общины, потребуют основания здесь школ для своих детей с преподаванием на русском языке, а также устроят русскую церковь с православным священником, поэтому «их без жалости следует прогонять от каждой двери, куда они будут стучаться»⁵⁰.

Финляндская газета утверждала, что в основе преследования карельских корабейников лежали причины исключительно политические⁵¹. Финляндским политикам торговцы были неудобны потому, что приносили в среду финского крестьянства «доброе слово о России» в противовес агитаторам, пытающимся представить Россию «страной азиатской, невежественной, утопающей в пьянстве и безделье»⁵². Гонение на бродячих торговцев затеяно было из желания «отделаться от единственных русских свидетелей предосудительной своей деятельности» среди населения в самых глухих уголках Финляндии⁵³. Ленсманы, преследуя русских торговцев, обирали их с ног до головы, без суда заключали в тюрьмы и держали там несколько недель на хлебе и воде, избивали и отсылали под присмотром земской полиции до «Ребольских лесов», граничащих с Финляндией⁵⁴.

Сельские жители в основном относились к торговцам доброжелательно, даже под угрозой штрафа предоставляли им пищу и ночлег, приобретали необходимые

⁴⁵ КА. ККК. Фб 46/171.

⁴⁶ КА. ККК. Фб 46/171.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Проект бойкота русских товаров. *Финляндская газета*. 1910. 8/22 января. С. 1–2.

⁴⁹ Процент грамотных в Архангельской губернии по данным переписи 1897 г. составляла среди мужчин 36,3 %.

⁵⁰ Финляндия. Обзор периодической печати: сб. статей. СПб.: Государственная типография; 1900. С. 56–57; Шведская газета о русских корабейниках. *Финляндская газета*. 1900;(115):2.

⁵¹ Финляндская газета – русскоязычная газета, издававшаяся в течение 1900–1917 гг. в Гельсингфорсе, официальный печатный орган русского правительства на территории Великого княжества Финляндского, способствовавший пропаганде идеи о сближении финского и русского народов.

⁵² Письма в редакцию. *Финляндская газета*. 1900;(123):3.

⁵³ Бородкин М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг; 1905. С. 110–111.

⁵⁴ КА. ККК. Фа 1205/38.

товары. Поскольку коробейники владели языком края, то между ними и населением установилось «дружеское и интимное отношение», коробейники находили убежище для себя, склад для своих товаров и укрытие от полицейских властей⁵⁵. Карельские крестьяне, обращаясь с прошением к финляндскому генерал-губернатору выдать им свидетельства на право ведения торговли, сообщали, что «низший класс финского населения не питает к ним никакой злобы <...> и относится как к своим соотечественникам»⁵⁶. Крестьяне Денисов и Ремшуев, находясь по торговым делам в Вазаской губернии, свидетельствовали, что квартировались у одного и того же крестьянина несколько раз, принимавшего их «по доброте», невзирая на воспрещение местного полицейского констебля, сделанное хозяину дома⁵⁷.

Как правило, финны не брали с карельских торговцев плату за ночлег, баня также предоставлялась бесплатно. В избе они спали как домашние – на полу или кровати, вместе с семьей ели, сидя за одним столом. Плату брали за предоставленную еду, если торговец задерживался на несколько дней. Цена чашки кофе составляла от 5 пенни до 1,5 марок, еда – от 10 до 30 пенни [2]. Тогда в сельских условиях не использовались стаканы для питья, столовые ножи и вилки. Пили из одной кружки и закусывали картошкой на острие ножа. Торговец предпочитал оплатить услуги хозяев товарами, а не деньгами, для него это было дешевле. Уезжая, коробейник расплачивался шарфом, фартуком, подтяжками, мотком ниток, пуговицами, спицами для вязания, булавками, заколками для волос, иногда тканью, необходимой для пошива юбки.

Сельская местность была хорошей информационной сетью, поэтому ленсману сложно было застать карельского торговца врасплох. Народ был готов быстро спрятать рюкзак под мостом, полом, в сарае для сена⁵⁸.

Финляндская газета отмечала, что финское население относится к русским коробейникам «очень симпатично», поскольку предлагаемые торговцами товары (ситец, миткаль и др.) отличались добротностью и были относительно недорогими в сравнении с местной или заграничной продукцией. Немалое удобство в крестьянском быту имела возможность приобретения товаров в рассрочку⁵⁹ [9].

Заключение

Отношение представителей финляндского общества к карельским коробейникам в изучаемый период времени было двояким. С одной стороны, местные власти, стремясь выполнять установленные законы в крае, пытались препятствовать ведению незаконной торговли в подведомственных им приходах, используя различные механизмы: штрафы, конфискацию товара, судебные преследования. Ситуация обострилась в связи с изданием Февральского манифеста 1899 г., направленного на ограничение автономии Княжества, когда в бродячих торговцах стали усматривать шпионов, доносчиков, ставленников русской власти. На страницах газет велась активная пропаганда противодействия карельским коробейникам. В широких масштабах местная пресса призывала финское население бойкотировать карельских торговцев. Материалы с призывами не оказывать им сочувствия, не предоставлять пищи, не вступать в торговые сделки размещались в прессе под одним и тем же заголовком – «*Mullvadsarbete*» («Кротовая работа»). С другой стороны, с простым сельским населением у карельских торговцев сложились дружественные отношения, были налажены устойчивые контакты. Несмотря на все существующие запреты и угрозу штрафа, финское

⁵⁵ КА. ККК. Fa 1791/IVb.

⁵⁶ КА. ККК. Fb 305/23

⁵⁷ КА. ККК. Fb 47/215.

⁵⁸ Naakka-Korhonen M. Op. cit. S. 218–219.

⁵⁹ Шведская газета о русских коробейниках. *Финляндская газета*. 1900;(115):2.

население предоставляло торговцам ночлег, пищу и приобретало у них товары. Такой вид торговли был наиболее удобен: товары доставлялись прямо на дом, не требовалось ехать в город за несколько десятков верст. Немаловажным было и то обстоятельство, что торговля имела меновой характер, а в случае установившихся доверительных отношений карельские коробейники зачастую отпускали товары в кредит.

Для большинства карельских крестьян коробейничество служило крепким подспорьем в деле обеспечения семей пропитанием и возможностью уплаты податей. С течением времени в среде беломорских карелов выделились такие удачливые торговцы, капиталы которых позволяли им открывать собственные лавки и магазинчики на территории Финляндии.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что отношение к карельским коробейникам со стороны представителей финляндского общества (властей и сельского населения) было неоднозначным. Трансформация была связана с общей политической ситуацией, сложившейся на рубеже XIX–XX столетий, стремлением Российской империи ограничить автономию Великого княжества Финляндского. Для местных властей карельские коробейники выступали контрабандистами, незаконно пересекающими границу и нарушавшими торговое законодательство Княжества. Для простого сельского населения коробейники являлись «собратями», веками ведущими торговлю в приграничье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кораблев Н.А. Приграничная торговля крестьян Карелии во второй половине XIX в. В: Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв.: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск; 2003. С. 24–31.
2. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki: Riika; 2016. 294 s.
3. Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods. Springer; 2022. 353 p.
4. Kauhanen J. Säräisniemen Kukkolan kylällä on yllättäviä Karjala-yhteyksiä. *Karjalan heimo*. 2021;(7–8):126–128.
5. Martikainen U. Laukkukauppa loi yhteyksiä autonomian aikana. *Karjalan heimo*. 2021;(3–4):54–55.
6. Ranta R. Sofronoffin suvusta tuli kauppiaita Satakuntaan. *Karjalan heimo*. 2007;(7–8):95–96.
7. Kauhanen J. Kemiön saari laukkukauppiaiden suosiossa. *Karjalan heimo*. 2006;(3–4):38–41.
8. Vaara P. Uhtuan Andronoffit Viena-kirjallisuudessa. *Karjalan heimo*. 2004;(5–6):76–82.
9. Баданов В.Г., Кораблев Н.А., Жуков А.Ю. История экономики Карелии. Кн. 1. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков. Петрозаводск: ПетроПресс; 2005. 190 с.
10. Sundelin A. Settling Down and Setting Up: Itinerant Peddlers from Russian Karelia as Shopkeepers in Late Nineteenth- and Early Twentieth-Century Finland. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 297–319.
11. Huldén N. Gifts, Feasts, and the Surplus of Friendship: Practices in a Remembered Economy of Petty Trading. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 119–146.
12. Heinänen H. Kainuun laukkukauppa autonomian ajan lopulla. In: Rihma – aineksia. Kajaani: Oulun yliopistopaino; 1999. S. 173–186.
13. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: SKS; 1988. 294 s.

REFERENCES

1. Korablev N.A. [Cross-Border Trade of Karelian Peasants in the Second Half of the 19th Century. In: Russia and the Countries of Northern Europe: From the History of Cross-Border Relations in the XVI–XX Centuries: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk; 2003. P. 24–31. (In Russ.)

2. Nevalainen P. Kulkukauppiaista kauppaneuvoksiin. Itäkarjalaisten liiketoimintaa Suomessa. Helsinki: Riika; 2016. 294 s. (In Finn.)
3. Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods. Springer; 2022. 353 p.
4. Kauhanen J. Säräisniemen Kukkolan kylällä on yllättäviä Karjala-yhteyksiä. *Karjalan heimo*. 2021;(7–8):126–128. (In Finn.)
5. Martikainen U. Laukkukauppa loi yhteyksiä autonomian aikana. *Karjalan heimo*. 2021;(3–4):54–55. (In Finn.)
6. Ranta R. Sofronoffin suvusta tuli kauppiaita Satakuntaan. *Karjalan heimo*. 2007;(7–8):95–96. (In Finn.)
7. Kauhanen J. Kemiön saari laukkukauppiaiden suosiossa. *Karjalan heimo*. 2006;(3–4):38–41. (In Finn.)
8. Vaara P. Uhtuan Andronoffit Viena-kirjallisuudessa. *Karjalan heimo*. 2004;(5–6):76–82. (In Finn.)
9. Badanov V.G., Korablev N.A., Zhukov A.Yu. [History of the Economy of Karelia. Book 1. The Economy of Karelia from the Time when the Region Became Part of the United Russian State to the February Revolution. Late XV – Early XX Centuries]. Petrozavodsk; 2005. 190 p. (In Russ.)
10. Sundelin A. Settling Down and Setting Up: Itinerant Peddlers from Russian Karelia as Shopkeepers in Late Nineteenth- and Early Twentieth-Century Finland. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 297–319.
11. Huldén N. Gifts, Feasts, and the Surplus of Friendship: Practices in a Remembered Economy of Petty Trading. In: Ahlbeck J., Östman A.-C., Stark E. Encounters and Practices of Petty Trade in Northern Europe, 1820–1960: Forgotten Livelihoods; 2022. P. 119–146.
12. Heinänen H. Kainuun laukkukauppaa autonomian ajan lopulla. In: Rihma – aineksia. Kajaani: Oulun yliopistopaino; 1999. S. 173–186. (In Finn.)
13. Naakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki: SKS; 1988. 294 s. (In Finn.)

Информация об авторе:

Нестерова Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>, ines@petsru.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 15.05.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.

Information about the author:

Irina S. Nesterova, Senior Lecturer at the Department of Foreign History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (33 Lenin Prospekt, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7138-691X>, ines@petsru.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 15.05.2026; revised 12.11.2025; accepted 14.11.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ REGIONAL HISTORY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.216-233><https://elibrary.ru/ozynwo>

УДК / UDC 94:371.1(470.22)

Оригинальная статья / Original article

Сельскохозяйственный уклон школьного образования Карелии в 1920-е гг.: ретроспективный анализ регионального опыта

Е. В. Дианова*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,*<https://ror.org/0176aa147>elena-dianowa@yandex.ru

Аннотация

Введение. В связи с открытием специализированных классов по подготовке кадров для агропромышленного комплекса Карелии возрастает необходимость изучать исторический опыт обучения школьников передовым способам ведения сельского хозяйства, имевший место при введении сельскохозяйственного уклона в сельских школах в начале XX в. Научный пробел заключается в отсутствии комплексных исследований данного явления в региональной историографии. Цель исследования – изучить и проанализировать процесс введения сельскохозяйственного уклона в сельских школах Карелии в контексте педагогических экспериментов в народном образовании 1920-х гг.

Материалы и методы. Источниками работы являются документы Национального архива Республики Карелия из фондов Народного комиссариата просвещения АКССР, Карельского краевого союза сельскохозяйственных и производственно-промышленных кооперативов и Кемского уездного отдела народного образования. Исследование базируется на историко-педагогическом подходе, предполагающем изучение опыта внедрения педагогических теорий в школьную практику на локальном уровне. Региональный подход позволил выявить общие и различные черты процессов, происходивших в сельских школах страны в целом и Карелии в частности, связанных с введением сельскохозяйственного уклона.

Результаты исследования и их обсуждение. Как показал анализ источников, официально статус школ с сельскохозяйственным уклоном оставался размытым и порождал различные трактовки. На практике данная модель учебных заведений в сельской местности устанавливалась путем наделения школ земельными участками по заранее утвержденным нормам. Основными целями введения в школах сельскохозяйственного уклона являлись развитие у детей коллективистских навыков, распространение передовых агротехнологий среди крестьян для поднятия сельского хозяйства. Выявлено, что часто утилитарные цели, связанные с обеспечением педагогов и учащихся продукцией со школьных огородов, преобладали над просветительными и педагогическими устремлениями. Обнаружены основные недочеты в деятельности данных учебных заведений: отсутствие орудий труда, семян, нехватка подготовленных педагогов-аграриев, что определило небольшое значение обычных школ с сельскохозяйственным уклоном в экономической жизни деревни и критическое отношение к ним крестьян, они не смогли стать центром агрономической и кооперативной пропаганды. Наиболее успешной была деятельность опытно-показательных школ и школ-коммун с сельскохозяйственным уклоном, которые имели учебные подсобные хозяйства и играли роль опытных станций по сельскому хозяйству.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение педагогических инноваций в сельских школах для модернизации аграрной экономики в 1920-е гг. Материалы статьи дополняют сведения по истории народного образования республики, позволяют проводить аналогичные научные изыскания в других регионах страны. Практическая значимость исследования заключается в установлении преемственности традиций в системе аграрного образования и возможности учитывать исторический

© Дианова Е. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

опыт в поиске инновационных подходов для подготовки кадров для агропромышленного комплекса современной России.

Ключевые слова: народное образование, сельские школы Карелии, сельскохозяйственный уклон, земельные участки, трудовое воспитание

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дианова Е.В. Сельскохозяйственный уклон школьного образования Карелии в 1920-е гг.: ретроспективный анализ регионального опыта. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):216–233. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.216-233>

The Agricultural Orientation of School Education in Karelia in the 1920s: A Retrospective Analysis of Regional Experience

E. V. Dianova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
<https://ror.org/0176aa147>
elena-dianowa@yandex.ru*

Abstract

Introduction. With the introduction of specialized classes aimed at training personnel for Karelia's agro-industrial sector, there is a growing need to revisit the historical experience of teaching school students advanced agricultural practices, as seen during the implementation of an agricultural focus in rural schools in the 1920s. A notable gap in the literature is the lack of comprehensive studies of this process within regional historiography. The aim of study is to examine and analyze the introduction of an agricultural focus in rural schools in Karelia in the broader context of pedagogical experimentation in public education in the 1920s.

Materials and Methods. The study draws on documents from the National Archive of the Republic of Karelia, including materials from the People's Commissariat for Education of the Karelian ASSR, the Karelian Regional Union of Agricultural and Handicraft Industrial Cooperatives, and the Kem District Department of Public Education. The research is grounded in a historical-pedagogical approach, which involves examining how pedagogical theories were implemented in school practice at the local level. The regional approach made it possible to identify both common and distinctive features of the processes associated with the introduction of an agricultural orientation in rural schools, both across the country as a whole and in Karelia in particular.

Results and Discussion. As the analysis of sources has shown, the official status of schools with an agricultural orientation remained ambiguous and gave rise to differing interpretations. In practice, this model of rural schooling was implemented by allocating land plots to schools according to predetermined standards. The primary goals of introducing an agricultural orientation in schools were to foster collectivist skills among children and to disseminate advanced agricultural practices among peasants in order to improve agricultural productivity. It was found that, in many cases, utilitarian objectives, such as providing teachers and students with produce from school gardens, took precedence over educational and pedagogical aims. The study also identified key shortcomings in the functioning of these institutions, including a lack of tools and seeds, as well as a shortage of trained teacher-agronomists. As a result, ordinary rural schools with an agricultural orientation played only a limited role in the economic life of the village and were often viewed critically by the peasantry; they failed to become centers of agronomic and cooperative outreach. The most successful institutions were experimental and demonstration schools, as well as commune schools with an agricultural orientation, which maintained auxiliary training farms and functioned as experimental agricultural stations.

Conclusion. The findings presented by the author contribute to the study of pedagogical innovations in rural schools aimed at modernizing the agrarian economy in the 1920s. The materials of the article enrich existing knowledge on the history of public education in the republic and enable similar research to be conducted in other regions of the country. The practical significance of the study lies in establishing continuity in the traditions of agricultural education and in the possibility of drawing on historical experience when developing innovative approaches to training personnel for the agro-industrial sector of contemporary Russia.

Keywords: public education, rural schools of Karelia, agricultural orientation, land allotments, labor education

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Dianova E.V. The Agricultural Orientation of School Education in Karelia in the 1920s: A Retrospective Analysis of Regional Experience. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):216–233. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.216-233>

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности страны в условиях санкций зависит от развития агропромышленного комплекса и наличия специалистов-аграриев. Для подготовки работников сельского хозяйства со школьной скамьи в 2019 г. Российская академия наук и Министерство просвещения приняли решение создать в разных по природным условиям регионах 110 школ с углубленным изучением «сельскохозяйственных дисциплин, оборудовав их современными лабораториями»¹.

В рамках федерального проекта «Кадры в АПК», входящего в состав нацпроекта «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности», 1 сентября 2025 г. в России открылось более 600 агротехклассов для 12 тыс. учеников². С целью устранения дефицита молодых кадров в аграрном секторе Республики Карелия агроклассы открыты в селах Толвуя и Янишполе, поселках Ильинском и Ладва, а также в деревне Мегрега³.

Открытие специализированных классов в целях подготовки кадров для агропромышленного комплекса (АПК) не является принципиально новой идеей: сто лет назад уже реализовывалась программа создания школ, наделенных земельными участками, для обучения учеников передовым способам ведения сельского хозяйства.

В связи с открытием специализированных классов для подготовки кадров для АПК необходимо изучать исторический опыт по введению сельскохозяйственного уклона в сельских школах Карелии в 1920-е гг., особенно в северных регионах. Это позволит лучше понять исторические модели интеграции образования и производства. Между тем в региональной историографии данная проблема пока не нашла должного освещения.

Цель исследования – проанализировать процесс введения сельскохозяйственного уклона в сельские школы Карелии в рамках трудового воспитания в 1920-е гг. Были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить организационно-педагогические условия введения сельскохозяйственного уклона;
- 2) определить региональные особенности наделения землей сельских школ в Автономной Карельской Социалистической Советской Республике (АКССР);
- 3) выяснить способы мотивации труда учащихся на земельных участках;
- 4) отразить результаты работы ученических кооперативов и школьных огородных артелей;
- 5) установить трудности и недочеты в использовании школьных земельных участков.

В статье впервые рассматривается вопрос о наделении земельными участками сельских школ Карелии в 1920-е гг., их эксплуатации как способа реализации сельскохозяйственного уклона.

Обзор литературы

Исследования 1920-х гг. как отражение реформаторских начинаний советских педагогов. Деятели Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), излагая концепции трудового воспитания, обосновывали введение сельскохозяйственного уклона в сельских школах путем наделения их землей. Нарком просвещения А. В. Луначарский мечтал о такой деревенской школе, которая распространяла бы нужные сведения по сельскому хозяйству, что повышало бы ее авторитет среди

¹ Ячина Е. Проект по созданию углубленных сельскохозяйственных школ готовят Российская академия наук и Министерство просвещения. 10.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://postupi.online/journal/novosti-obrazovaniya/v-rossii-poyavyatsya-shkoly-s-selskohozyaystvennym-uklonom/> (дата обращения: 01.07.2025).

² Агротехклассы в России: подготовка будущих специалистов АПК начинается со школы. 08.09.2025. Сайт: Свое Фермерство [Электронный ресурс]. URL: <https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/articles/agroklassy-v-rossii-podgotovka-buduschih-specialistov-ark-nachinaetsja-so-shkoly> (дата обращения: 23.09.2025).

³ С 1 сентября в пяти сельских школах Карелии начнут функционировать агроклассы. 01.09.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://karel.mk.ru/social/2025/09/01/s-1-sentyabrya-v-pyati-selskikh-shkolakh-karelii-nachnut-funkcionirovat-agroklassy.html> (дата обращения: 23.09.2025).

крестьян⁴. По мнению Н. К. Крупской, сельская школа с земледельческим уклоном могла стать «базой для сельскохозяйственной пропаганды»⁵.

В 1920-е гг. вопросы организации детского труда на земельных участках обсуждались в изданиях о трудовой школе, где предоставлялись рекомендации для учителей деревенских школ, которые должны были давать учащимся «начатки агрономических знаний»⁶. Методисты разрабатывали инструкции применительно к местным аграрным условиям в соответствии с «заповедями сельхозуклона», напечатанными в «Спутнике народного учителя по сельскому хозяйству». К ним относились такие задачи, как: воспитание детей, «разбирающихся в вопросах сельского хозяйства», подготовка их к восприятию агропропаганды, привитие им полезных трудовых навыков, «борьба школы с сельскохозяйственной безграмотностью в деревне»⁷.

В качестве методического руководства для педагогов сельских школ Наркомпрос издал брошюру А. А. Карельских, чтобы «помочь деревенскому учителю разобраться в сложных вопросах крестьянского хозяйства и его организации с целью улучшения крестьянского быта»⁸. Издательство «Работник просвещения» выпустило книгу А. В. Морозова «Школа и сельское хозяйство», где описаны советы по введению сельскохозяйственного уклона в школах⁹.

Учителям давались указания по составлению организационного плана работы сельской школы с сельскохозяйственным уклоном, «разбивке земельного участка по угодьям для правильного усвоения учащимися агрономических дисциплин»¹⁰. С. А. Каменев утверждал, что наиболее доступной отраслью сельского хозяйства для школьников являлось огородничество, которое можно было использовать не только в педагогических, но и в общественно-полезных целях во время работы среди взрослого населения¹¹.

Первые итоги педагогического эксперимента по внедрению в школы сельскохозяйственной направленности нашли отражение в сборнике статей «Современная практика социального воспитания» (1924 г.). Их авторы выяснили, что земельные участки использовались коллективом школьных работников и технических служащих для личных потребностей и служили «подспорьем при их ничтожной заработной плате». Эти участки нельзя было назвать опытными, и на них не было рационально поставленного хозяйства. В результате оказалось, что «школы с сельскохозяйственным уклоном надо еще создавать»¹².

Вопрос о школах с сельскохозяйственным уклоном был одним из самых острых и дискуссионных в педагогике 1920-х гг. П. П. Блонский отмечал, что такая школа – общеобразовательная, а «не какая-либо профессиональная школа». Поэтому занятия с детьми младшего возраста предусматривали «накопление сельскохозяйственного опыта посредством наблюдения над окружающей жизнью и посильное участие в агрономической работе старших групп». Только в старших группах значительная часть времени отводилась для систематических занятий сельским хозяйством¹³.

Педагогам-реформаторам школа с сельскохозяйственным уклоном представлялась «как учреждение учебно-воспитательного характера, тесно связанное своей работой с работой окружающего земледельческого населения»¹⁴. При этом речь шла о массовых школах

⁴ Луначарский А.В. Задачи просвещения в системе советского строительства: Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М.: Работник просвещения; 1925. С. 27.

⁵ Крупская Н.К. Сельскохозяйственная пропаганда. В: Н.К. Крупская. Пед. соч.: в 10 т. Т. 7: Основы политико-просветительной работы. М.: АПН РСФСР; 1959. С. 175.

⁶ Новая школа в деревне. Под ред. Н.А. Кузнецова. Л.: Изд-во кн. сектора ГубОНО; 1925. С. 8.

⁷ Спутник народного учителя по сельскому хозяйству. Под ред. А.А. Карельских, Н.Н. Подъяпольского. М.: Работник просвещения; 1925. С. 4, 12.

⁸ Карельских А.А. Через школу к организации крестьянского хозяйства: Метод. руководство для учащихся деревенских школ и школ крестьянской молодежи. М.: Работник просвещения; 1924. С. 5.

⁹ Морозов А.В. Школа и сельское хозяйство. М.: Работник просвещения; 1923. С. 3.

¹⁰ Карельских А.А. Через школу к организации крестьянского хозяйства. С. 11.

¹¹ Каменев С.А. Советская трудовая школа. Ростов-на-Дону: Севкавказ; 1925. С. 227.

¹² Современная практика социального воспитания: Сб. статей с предисловием Н.К. Крупской. М.: Работник просвещения; 1924. С. 61.

¹³ Блонский П.П. О школе с сельскохозяйственным уклоном. В: П.П. Блонский. Избранные педагогические произведения. М.: АПН РСФСР; 1961. С. 316.

¹⁴ Летняя школа с сельскохозяйственным уклоном: Сб. статей под ред. Н.В. Морозова. М.; 1923. С. 10.

I ступени, а не об опытно-показательных учреждениях Наркомпроса, под которые выделяли хорошо оборудованные здания с лабораториями, библиотеками и широким выбором учебных пособий, о чем говорилось в сборнике «Трудовая школа в деревне» (1925 г.). Здесь же анализировалась «работа с сельскохозяйственным уклоном» в школах 3-й Гагинской опытной станции Наркомпроса, где сельскохозяйственный уклон проводился в процессе обучения и при организации социально-трудового воспитания «с таким расчетом, чтобы сельскохозяйственные знания стали составной частью образования ребенка»¹⁵.

Освещение проблем школ сельскохозяйственной направленности нашло отражение в «Известиях» Академии педагогических наук РСФСР. В выпуске «К истории советской педагогики и школы» (1949 г.) говорилось о том, что педагоги 1920-х гг. «так и не пришли к единому мнению по вопросу о задачах и содержании работы школ с таким уклоном». Некоторые из них считали «более правильным говорить не о сельскохозяйственном уклоне, а о школе в сельскохозяйственной обстановке, где основное место занимает изучение сельскохозяйственного труда, а не трудовые процессы»¹⁶.

Исследования по образовательной политике, реформам и экспериментам в народном образовании 1920-х гг. В постсоветский период сформировался большой массив историко-педагогической литературы. Важнейшему на этапе формирования советского государства вопросу развития системы всеобщего и доступного народного образования посвящены отдельные исследования. В единой трудовой школе главным принципом обучения выступал общественно полезный производительный труд. Идея коллективного труда «была нацелена на воспитание будущих граждан» [1, с. 19]. Идеи истоки единой трудовой школы обнаружены в материалах, опубликованных в дооктябрьский период и в первые послереволюционные годы, которые «легли в основу проектирования советской трудовой школы» [2, с. 55].

Изучив опыт реформирования образования в России XX в., К. Ю. Милованов выявил приоритеты и стратегии государственной образовательной политики в 1917–1930 гг. [3]. Проанализировав действия советской власти по перестраиванию системы школьного образования в СССР в эти же годы, Е. Ю. Быкова выделила структурно-организационный, кадровый, классовый, идеологический, содержательный и методический аспекты. Также «поиск новых путей развития образования в соответствии с большевистской идеологией» сопровождался «попытками создания школы труда вместо школы учебы» [4, с. 188]. Между тем, как отмечал М. В. Богуславский, «реформа 1917–1930 гг. осуществлялась в русле жесткого классового и партийного подходов, что обусловило чрезмерную заидеологизированность и заполитизированность учебных программ, особенно по гуманитарному циклу» [5, с. 41].

В одном из исследований «акцентируется внимание на общем характере управленческих экспериментов, внедренных в систему школьного образования в 1920-х годах в условиях общей трансформации страны». Преобразования в сфере народного просвещения представляют «сегодня предметный интерес для современного образования с прикладных позиций педагогических практик и инноваций в разрезе их результативности и профессиональной пригодности» [6, с. 462].

Необходимо выделить историко-педагогические исследования, посвященные истории и современному состоянию сельских школ России. Историография по этой теме достаточно обширна, она представлена в библиографическом указателе «Сельская школа России»¹⁷.

М. П. Войтеховская и Н. И. Сазонова рассмотрели деятельность сельских малокомплектных школ России с XIX до начала XXI в. По их мнению, «советская власть

¹⁵ Трудовая школа в деревне: Практика проведения школьной работы с сельскохозяйственным уклоном в 3-й Гагинской опытной станции Наркомпроса. М.: Работник просвещения; 1925. С. 12.

¹⁶ Известия Академии педагогических наук РСФСР. К истории советской педагогики и школы. Труды Института теории и истории педагогики. Вып. 22. Отв. ред. Н.А. Константинов. М.: АПН РСФСР; 1949. С. 129, 130.

¹⁷ Сельская школа России: Библиографический указатель. Сост.: Г.С. Варнакова. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов; 2008. 54 с.

рассматривала школу как приоритетную сферу культурной революции в деревне», поэтому период 1920-х гг. «в развитии сельской школы ознаменовался началом взаимосвязи обучения учащихся в школе с ознакомлением с производственной деятельностью взрослых в колхозах, совхозах, на машинно-тракторных станциях» [7, с. 36].

Л. В. Рассказова провела анализ исторического контекста развития образования на селе, выявила основные этапы развития сельских школ России, определила модели организации образовательного процесса как «идеальное представление о совокупности видов управленческой деятельности в области дидактической и воспитательной систем, ресурсного обеспечения и управления качеством образования» [8, с. 85]. Эволюция российской сельской школы рассмотрена «через призму вектора развития страны, основных этапов формирования образовательного процесса, принципов обучения, их взаимосвязи с формой социализации личности» [9].

Выделяются этапы и периоды развития сельской школы с качественными характеристиками, которые «помогут понять социокультурное своеобразие сельской школы». Государственный советский этап (1917–1991 гг.) «характеризуется стремлением унифицировать сельские школы, преодолеть изначально присущее ей разнообразие, обусловленное природной и социокультурной средой, традициями, сельским укладом жизни». На этом этапе автор выделил период становления и развития системы советского школьного образования на селе (1917–1940 гг.) [10].

Исследования о педагогических экспериментах 1920-х гг. по созданию опытно-показательных образовательных школ (в том числе школ с сельскохозяйственным уклоном). О. О. Соболева, изучавшая их деятельность, считает, что «появление опытно-показательных учреждений в 1920-е гг. было вызвано необходимостью создания новой трудовой школы» [11, с. 291].

Исследователь В. Б. Помелов, характеризуя различные типы опытно-показательных школ (с сельскохозяйственным и индустриальным уклоном), установил, что «городских с сельскохозяйственным уклоном школ было сравнительно немного. Все-таки большинство школ, имевших сельскохозяйственный уклон, и были сельскими» [12, с. 94, 98].

Опыт показательных учебно-воспитательных учреждений, в том числе школы-колонии «Красные зори», представлен в научных статьях А. А. Барич [13], М. В. Богуславского [14] и Е. А. Князева [15]. В концепции и учебно-воспитательной работе «Красных зорь» был «четко выражен сельскохозяйственный уклон» [15, с. 92].

При осуществлении эксперимента по приданию учебным заведениям сельскохозяйственной направленности «все идеализированные представления о работе в этом направлении как массовых школ, так и школ крестьянской молодежи не могли быть до конца реализованными» [16]. В большинстве случаев «сельскохозяйственный уклон в сельских школах выражался в том, что часть школ проводила экскурсии; малая часть школ имела свои разработанные участки, где устраивали посевы с чисто промышленной целью (только некоторые – с учебно-показательной целью); некоторые школы проводили беседы с учащимися по сельскохозяйственной тематике» [16].

Региональная литература по истории общеобразовательной школы в АССР в 1920–1930-е гг. представлена трудами А. И. Афанасьевой¹⁸, С. Н. Филимончик [17]. Изучением сельской школы края занимаются З. Б. Ефлова [18], В. Г. Кондратьев и Т. А. Гусева [19]. В их работах показана роль сельских школ в трудовом воспитании и соединении теоретического обучения с производительным трудом.

Исследования зарубежных ученых, считавших важным изучение советской школы и педагогики 1920-х гг. для понимания российского образования и педагогической науки. Оценка реформаторских идей и экспериментов в советской школе 20-х гг. XX в. давалась немецким педагогом О. Анвейлером, автором труда «История школы и педагогики

¹⁸ Афанасьева А.И. Культурные преобразования в Советской Карелии, 1928–1940. Петрозаводск: Карелия; 1989. 279 с.

в России с конца эпохи царизма до начала сталинской эры» (*Geschichte der Schule und Pädagogik im Russland seit dem Ende des Zarenreiches und bis zum Beginn von Stalin Ära*, 1964). По мнению Анвейлера, раннесоветский период, когда происходила трансформация педагогических идей «в контексте политических программ и в конкретных социальных, экономических условиях», показал, «как при столкновении утопии и социальной действительности социальные институты, такие как школа, проявляют, несмотря на все изменения, удивительную силу стойкости»¹⁹.

Ш. Фицпатрик осветила формирование образовательной политики советского государства. Рассматривая систему школьного образования в деревне, она акцентировала внимание на отношении сельских жителей к педагогическим экспериментам: «Школьники и их родители также были недовольны прогрессивной школой. Крестьяне жаловались, что школа не выполняет свою основную функцию – обучение детей чтению, письму и счету: выращивание овощей и разведение кроликов, рассуждали крестьяне, – это то, чему они сами могут научить своих детей, а не дело школы». Сравнивая уровень обучения в городских и сельских школах, Ш. Фицпатрик отметила «гораздо более низкое качество сельского образования» [20, с. 34, 58], что снижало мобильность крестьянской молодежи и ограничивало ее доступ к высшему образованию.

В постсоветский период российские ученые, как и их зарубежные коллеги, 1920-е гг. в истории народного образования расценивали как время смелых педагогических экспериментов. Модернизация народного образования, с одной стороны, подразумевала создание единой трудовой школы, с другой – предлагала различные варианты учебных заведений с различными уклонами. В исследованиях проблема введения в школах сельскохозяйственного уклона освещается в ряду инноваций в обучении и подготовке кадров для сельского хозяйства. Авторы публикаций рассматривают опытно-показательные школы с сельскохозяйственным уклоном и школы крестьянской молодежи; отмечают не соответствующее реальной действительности положение массовых сельских школ, которые должны были стать базой для модернизации крестьянского хозяйства. Несмотря на наличие большого количества трудов о развитии народного образования, вне поля зрения исследователей остается вопрос о наделении сельских школ земельными участками и реализации в них сельскохозяйственного уклона.

Материалы и методы

Объектом исследования выступают сельские школы АКССР, предметом – особенности использования земли учебными заведениями в плоскости введения сельскохозяйственного уклона в систему школьного обучения с целью трудового воспитания и подготовки кадров для сельского хозяйства в Карелии в 1920-е гг.

В качестве основных источников исследования выступили материалы Национального архива Республики Карелия. В фонде Народного комиссариата просвещения Автономной Карельской ССР (Р-630) изучены материалы республиканской конференции работников просвещения (1924 г.), отчеты о работе отдела и коллегии социального воспитания (соцвоса) Наркомпроса АКССР (1924–1925 гг.), протоколы районных учительских конференций и пленумов методических советов. Некоторые сведения обнаружены в фондах Карсельсоюза / Крайсоюза – Карельского краевого союза сельскохозяйственных и производственно-промысловых кооперативов (Р-244) и Кемского уездного отдела народного образования (Р-338).

Наряду с архивными документами привлекались опубликованные материалы, в том числе декреты советской власти²⁰, постановления X Всероссийского съезда Советов²¹, сборник документов «Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа.

¹⁹ Белканов Н.А. Из истории педагогической советологии. *Педагогика*. 1992;(5–6):105–111.

²⁰ Декреты Советской власти. М.: Политиздат; 1964. Т. 3. 664 с.

²¹ Постановления X Всероссийского съезда Советов. М.: ВЦИК; 1923. 21 с.

1917–1973 гг.»²². В журналах «Бюллетень Наркомпроса АКССР» и «В помощь просвещенцу» найдены инструкции²³ и методические указания²⁴ для учителей по использованию земельных участков и организации труда учащихся на школьных огородах²⁵.

Исследование базируется на историко-педагогическом подходе, что предполагает изучение опыта внедрения педагогических концепций в школьную практику, попыток их практической реализации на локальном уровне. Региональный подход позволил выявить взаимосвязанные педагогические и социальные процессы в сельских школах Карелии, обусловленные экспериментом по наделению их земельными участками для введения сельскохозяйственного уклона. При работе над материалом использованы как общие методы гуманитарных наук (анализ и синтез), так и конкретно-исторические методы. Исторический нарратив позволяет представить картину социально-экономических процессов в тесной связи с состоянием народного образования. Историко-сравнительный метод использовался для сопоставления различных точек зрения педагогов на введение сельскохозяйственного уклона, а также для выявления общих и отличительных черт в работе сельских школ по использованию земельных участков в стране в целом и в Карелии в частности.

Результаты исследования и их обсуждение

Организационно-педагогические условия введения сельскохозяйственного уклона. В Советской России одним из главных принципов школьного образования как в городе, так и в деревне являлось трудовое обучение и воспитание. Положение о единой трудовой школе (1918 г.) определило основой школьной жизни «производительный труд», однако «не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только как метод преподавания, но именно как производительный общественно-необходимый труд»²⁶.

В постановлении X Всероссийского съезда Советов (1922 г.) говорилось о создании «элементарной трудовой сельской школы с возможно большим уклоном в сторону сельскохозяйственного образования»²⁷. Для укрепления материальной базы учреждений народного просвещения требовалось выделить учебным заведениям земельные участки.

На основании постановлений X Всероссийского съезда Советов Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) и Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) разработали и приняли 12 декабря 1923 г. Положение и инструкцию о порядке наделения учебных заведений и детских учреждений, находившихся вне городов, земельными участками и о порядке пользования ими²⁸.

Педагогический эксперимент состоял в том, чтобы школьные участки стали опытными площадками, образцово-показательными полями благодаря рационально организованной работе на земле. Наделение сельских школ земельными участками преследовало еще одну цель – поднятие крестьянского хозяйства (рис. 1, 2). А. В. Луначарский надеялся: «когда крестьянин увидит, что он через школу получает полезные сельскохозяйственные знания, тогда он будет уважать школу»²⁹.

Деятели Наркомпроса полагали, что «обучать крестьянского ребенка надо в такой школе, по окончании которой он мог бы понять и применить в крестьянском хозяйстве указания агронома, рассказать на сходе о своих достижениях в хозяйстве

²² Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика; 1974. 559 с.

²³ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. В: Бюллетень Наркомпроса АКССР. 1928. № 3–4. С. 33–41.

²⁴ Пришкольные земельные участки. В: В помощь просвещенцу: ежемесячник Наркомпроса АКССР. Петрозаводск: Наркомпрос; 1927. № 4. С. 15–18.

²⁵ Сельскохозяйственный труд на школьном участке – база трудового воспитания. В: В помощь просвещенцу: ежемесячник Наркомпроса АКССР. 1929. № 2. С. 17–22.

²⁶ Декреты Советской власти. Т. 3. С. 376.

²⁷ Постановления X Всероссийского съезда Советов. С. 5.

²⁸ Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. С. 22.

²⁹ Луначарский А.В. Задачи просвещения в системе советского строительства. С. 27.

Р и с. 1. Косари. Олонецкий уезд Карелии, 1920-е гг. Фото А. А. Беликова, фото в обработке автора

F i g. 1. Haymakers. Olonets District of Karelia, 1920s. Image by A. A. Belikov, edited by the author

Источник: изображение взято с сайта https://pikabu.ru/story/zhizn_i_byit_na_severe_stranyi_v_pervoy_polovine_khkh_veka_istoricheskie_fotografii_olonetsкого_uezda_karelii_v_tsвете_11017955.

Source: The image is taken from https://pikabu.ru/story/zhizn_i_byit_na_severe_stranyi_v_pervoy_polovine_khkh_veka_istoricheskie_fotografii_olonetsкого_uezda_karelii_v_tsвете_11017955.

Р и с. 2. Жатва. Карелы. Карелия, Олонецкий р-н, 1927 г. Фото А. А. Беликова
F i g. 2. Harvesting. Karelians. Karelia, Olonets District, 1927. Image by A. A. Belikov

Источник: изображение взято с сайта <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/97661>.
Source: The image is taken from <http://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/97661>.

Р и с. 3. Группа крестьян с детьми.
Карелия, Олонецкий р-н, 1927. Фото
А. А. Беликова

F i g. 3. A group of peasants with children.
Karelians, Olonets District, 1927. Image by
A. A. Belikov

Источник: изображение взято с сайта <https://cameralabs.org/aeon/kunstkamera-photoarhiv/album?start=90#pagelist>
Source: The image is taken from <https://cameralabs.org/aeon/kunstkamera-photoarhiv/album?start=90#pagelist>

Р и с. 4. На работу. Санкт-Петербург,
начало XX в. Автор В. А.,
фото в обработке автора
F i g. 4. On the Way to Work.
Saint Petersburg, early 20th century.
Image by V. A., edited by the author

Источник: изображение взято с сайта <https://cameralabs.org/aeon/kunstkamera-photoarhiv/album?start=30#pagelist>
Source: the image is taken from <https://cameralabs.org/aeon/kunstkamera-photoarhiv/album?start=30#pagelist>

благодаря культурным приемам обработки земли». Деревне требовалась школа, «близко связанная по своей работе с крестьянином и с крестьянским хозяйством»³⁰ (рис. 3, 4). Поэтому в сельских школах вводился сельскохозяйственный уклон, который способствовал «созданию простой, непрехотливой, но трезвой, энергично работающей школы»³¹. С. Т. Шацкий имел в виду массовые школы I ступени, а не опытно-показательные учреждения Наркомпроса.

Введение сельскохозяйственного уклона началось в 1923–1924 гг. В образовательные программы сельских школ требовалось «внести начатки агрокультурных знаний, чтобы тем самым школа могла быть трудовой и могла содействовать поднятию земледелия на более высокую ступень развития. Если школа примет такой характер, то само собой, что она скоро завоюет себе авторитет у мужика, который наглядно осознает ее пользу»³².

Сельская школа с земледельческим уклоном могла «подготовить почву для впитывания сельскохозяйственных знаний», но данную задачу учитель мог выполнить лишь при условии, «если он сам будет агрономически грамотен»³³.

Региональные особенности наделения земель сельских школ в АКССР. В Карелии в связи с суровыми природно-климатическими условиями, отсутствием средств и неподготовленностью большинства школьных работников сельскохозяйственный уклон вряд ли мог быть введен «в массовом масштабе». Некоторые учителя, исходя

³⁰ Новая школа в деревне. С. 5.

³¹ Шацкий С.Т. Изучение жизни и участие в ней. В: С.Т. Шацкий. Пед. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Просвещение; 1964. С. 304.

³² Стройте крестьянскую школу. В: Красный Север: вологодская областная газета. Орган Вологодских губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета. 1924. № 2. С. 2.

³³ Крупская Н.К. Сельскохозяйственная пропаганда. С. 175.

из того, что трудовая школа «связана с производством окружающего населения», требовали, чтобы в школах I ступени вводился уклон в зависимости от традиционных занятий в тех или иных уездах. Там, где жители занимались сельским хозяйством, можно было ввести сельскохозяйственный уклон, в Поморье, где основным видом занятий населения было рыболовство, – рыболовный уклон³⁴. Тем не менее в северных районах Карелии, где не было развито земледелие, также требовалось выделить школам земельные участки и использовать их под огороды. В первой половине 1920-х гг. на первый план выдвигалась «потребность снабжения школ продуктами питания сельского хозяйства и поднятия материального благосостояния учительского персонала»³⁵.

С точки зрения работников Наркомпроса АКССР, пришкольный земельный участок становился «местом и средством пропаганды улучшенных приемов ведения сельского хозяйства; местом, где дети должны получить первоначальные знания и умения по культурному ведению сельского хозяйства на социалистических началах»³⁶.

В крае отсутствовали образцово-показательные учебные заведения и опытные станции по сельскому хозяйству, передовые школы-коммуны, имевшие учебные подсобные хозяйства. Поскольку статус школ с сельскохозяйственным уклоном не был определен, то к ним можно отнести сельские учебные заведения, которые получили земельные участки и использовали их в хозяйственных и педагогических целях.

При организации работ на земельных участках школа решала следующие задачи: «1. Привитие детям сознательного отношения к труду и через это воспитание в них чувства любви к труду; 2. Приучение детей работать коллективно, группами, звеньями и через это воспитание в детях коллективизма; 3. Овладение в процессе труда сельскохозяйственными навыками и знаниями»³⁷.

Выделение участков школам происходило очень медленно. В 1924 г. на республиканской конференции работников просвещения АКССР было сделано заявление о том, что в 1924–1925 учебном году «все школы должны быть снабжены земельными участками», потому что «школа не может быть оторвана от общественной жизни и производительного труда. Когда школа сольется с местным производством, тогда она будет понятна населению». При организации работ на школьных земельных участках задача учителя состояла в том, чтобы «дать детям определенные практические навыки»³⁸.

Однако и в 1925–1926 учебном году участки получила лишь небольшая часть школ. В Петрозаводском уезде из 114 школ имели участки 58 (почти 50 %) общей площадью 16,35 десятин. В Повенецком уезде из 56 школ землю получили 49 (8 десятин). В Пудожском уезде из 32 школ участки имела 31 школа (21,2 десятины), среди них Пудожгорская, Песчаная, первая и вторая Купецкая, Колодозерская сельская школа, первая и вторая Нигижемские, Гаукская, опорная Шальская школы³⁹. Даже в 1927 г. Наркомзем АКССР не провел все землеустроительные работы на местах, в результате значительная часть школ все еще не имела земельных участков⁴⁰.

Для трудовой школы наиболее доступной отраслью сельского хозяйства являлось огородничество, хотя у многих школ для организации огорода не имелось ни земли, ни орудий производства, ни денежных средств. По просьбе Петрозаводского уездного земельного управления (УЗУ) Олонецко-Карельский краевой союз сельскохозяйственных и производительных кооперативов в мае 1925 г. отпустил в кредит для

³⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 12/109. Л. 29.

³⁵ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. В: Бюллетень Наркомпроса АКССР. 1928. № 3–4. С. 33.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Сельскохозяйственный труд на школьном участке – база трудового воспитания. С. 20.

³⁸ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 12/109. Л. 28, 29; Д. 40/339. Л. 168.

³⁹ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 18/163. Л. 26.

⁴⁰ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 38.

Лижемской школы удобрения: 5 пудов суперфосфата, 3 пуда костяной муки, 2 пуда томасшлака. А для Соломенской финской школы УЗУ просило выдать семена: 2 лота свеклы, 1 лот моркови, 1 лот репы, 1 лот редиса и 1 золотник цветочных семян⁴¹.

В Петрозаводском уезде Великогубской школе райисполком из бюджета отпустил 20 руб., а кредитное товарищество выдало 200 руб. под гарантию райисполкома и прирезало треть гектара земли для школы. На участке проводились опыты с проращиванием различных сортов овощей. Школьники высадили ростки капусты нескольких сортов, чтобы выявить наиболее подходящий для местных климатических условий. Такие же опыты проводились с картофелем и овсом. Осенью 1928 г. школа заложила на хранение на зиму 50 пудов картофеля. Овес, выращенный с применением минеральных удобрений, «получился много лучше крестьянского»⁴².

Мотивация труда учащихся на земельных участках. Для повышения заинтересованности в результатах труда учащиеся могли использовать продукцию, выращенную на школьных огородах, по своему усмотрению, в том числе для организации горячего питания. Так, в Пудожском районе в Нигижемской школе все выращенные овощи распределили между учащимися⁴³. А в Святозере урожай из школьного парника и с огорода (огурцы, морковь, картофель, брюква, турнепс) отдали школе для приготовления завтраков⁴⁴.

В некоторых школах собранный с ученических огородов урожай шел на продажу. Весной 1927 г. во 2-й Олонецкой школе I ступени на огороде размером 0,4 га посадили капусту и картофель. Осенью сняли хороший урожай, который продали за 67 руб. Деньги направили на производственные цели, приобретение орудий труда и обработку участка. В Повенецком уезде на земельном участке Коросозерской школы, обработанном силами учеников и их родителей, посеяли смесь вики с овсом. Собранный осенью 1927 г. урожай продали за 2 руб. 75 коп. На эти деньги выписали газету, купили краски и кисточки для рисования⁴⁵. В Великогубской школе на вырученные от продажи картофеля деньги (50 руб.) организовали экскурсию на Кондострой – строительство Кондопожской ГЭС и бумажной фабрики⁴⁶.

Хорошим моральным и материальным стимулом для организации труда учащихся выступало участие школы с сельскохозяйственным уклоном на выставках сельского хозяйства, где школьники наравне с крестьянами демонстрировали выращенные ими образцовые овощи и корнеплоды, за что получали призы и награды. Так, Великогубская школа участвовала в сельскохозяйственных выставках в День урожая и часто награждалась дипломами и премиями. В Рыпушкальской волости Олонецкого уезда в 1924 г. почетный диплом участника выставки вручили Юксийской школе I ступени за образцовый огород и применение минеральных удобрений. Свидетельство второго разряда за «образцовую постановку огорода» получили члены Олонецкой детской школы-коммуны. В 1927 г. 2-я Олонецкая школа I ступени приняла участие в Олонецкой уездной выставке сельского хозяйства, за экспонаты получила премию – 8 руб.⁴⁷

Ученические кооперативы и огородные артели в сельских школах. В школах с сельскохозяйственным уклоном создавались кооперативные артели учащихся для работы на школьных участках. В Олонецком уезде в 1924–1925 учебном году ученический кооператив создали в Юргильской сельской школе I ступени. Здесь обучалось 40–50 человек, из них многие учащиеся вступили в кооператив. При содействии местного агронома на школьном участке (5 десятин) проводились показательные работы по улучшению сельского хозяйства: травосеяние, кормодобывание⁴⁸. В апреле 1928 г. Юргильский школьный

⁴¹ НА РК. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 7/84. Л. 26, 31.

⁴² Сельскохозяйственный труд на школьном участке – база трудового воспитания. С. 19–20.

⁴³ Там же. С. 20.

⁴⁴ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 40/339. Л. 169, 170.

⁴⁵ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 37.

⁴⁶ Сельскохозяйственный труд на школьном участке – база трудового воспитания. С. 20.

⁴⁷ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 37.

⁴⁸ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 10/100. Л. 213.

кооператив приобрел в Олонецком кредитном товариществе две партии огородных семян и семян кормовой свеклы и турнепса для продажи населению. Ранее местные жители, проявлявшие большой интерес к новым культурам, семена закупали в Олонецком кредитном товариществе⁴⁹.

В Пудожском уезде на огороде Колодозерской сельской школы тоже работали члены школьного кооператива. Ученики проводили беседы «за устройство огородов». Крестьяне с. Колодозеро «очень сочувственно» отнеслись к беседам и просили учащихся «через школу достать огородных семян и при посеве последних дать им соответствующие указания». В результате школьный кооператив выписал семена разных огородных культур на 15 руб. для продажи местному населению⁵⁰.

Работа школьного кооператива в с. Колодозеро подтверждала мысль С. Т. Шацкого о том, что «от прежней прогрессивной формы работы с населением школа переходит к формам работы вместе с населением». Можно было представить «многочисленные толчки в сознании тех хозяев, на огородах которых ученики разводят новый сорт, которые окажут известное влияние на ускорение момента введения его в свой хозяйственный план»⁵¹.

Положительные примеры школьного огородничества встречались и в Поморье. Осенью 1924 г. неплохой для севера урожай получили на опытном поле школы I ступени в поморском с. Колежма. Овощи и картофель продали на рынке, а вырученные от реализации продукции деньги потратили на приобретение учебников, хрестоматий, букварей, тетрадей и книг для внеклассного чтения. Опытное поле Колежемской школы I ступени обрабатывалось учащимися совместно с волостным исполнительным комитетом и комитетом крестьянской взаимопомощи. В школе I ступени поморского с. Сухой Наволок большую помощь оказали родители учеников, предоставив жерди для ограждения участка. Осенью 1924 г. прибыль от продажи картофеля, собранного с огорода, составила 30 руб., которые израсходовали на приобретение ученических принадлежностей (красно-синих карандашей, бумаги, перьев, тетрадей, календарей и значков с портретом В. И. Ленина) и мыло⁵².

Успешная деятельность огородных артелей в течение ряда лет в школах сс. Колежма и Сухой Наволок служила образцом для соседних школ Поморья. В 1928 г. январский пленум Тунгудского районного методического совета принял решение об организации артелей для коллективных работ на школьных приусадебных участках⁵³.

Трудности и недочеты в использовании школьных земельных участков. При внедрении сельскохозяйственного уклона в учебные заведения путем наделения их земельными участками выявлялись серьезные трудности. Поскольку школы почти не обеспечивались сельхозинвентарем, им приходилось обращаться за помощью к другим организациям. Однако, как считали работники Наркомпроса АКССР, «было бы нерациональным ставить целью снабжение сельскохозяйственным инвентарем всех школ, имеющих земельные участки до 1 гектара». Если бы школа сумела вовлечь в коллективную обработку школьного земельного участка сельских жителей, с общественно-политической точки зрения «удельный вес такой обработки был бы гораздо выше». Но приходилось признать, что «население туго идет на коллективную обработку, тем более что оно занято на своих полях». Кроме того, крестьяне не откликнулись на призывы учителей сделать школьные огороды показательными участками, где они будут учиться правильной обработке земли. Они «относились к таким выступлениям скептически – чему можно научиться на школьном огороде»⁵⁴.

⁴⁹ Опыт сельскохозяйственной практики Юргильской школы 1-й ступени Олонецкого района. В: В помощь просвещенцу: ежемесячник Наркомпроса АКССР. Петрозаводск: Наркомпрос; 1928. № 6–7. С. 23.

⁵⁰ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 18/163. Л. 58; Д. 40/340. Л. 165.

⁵¹ Шацкий С.Т. Изучение жизни и участие в ней. С. 301.

⁵² НА РК. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 13/94. Д. 20.

⁵³ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 38/397. Т. 2. Л. 33.

⁵⁴ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 16.

Некоторые школы не проявляли достаточного внимания к обработке земли, отчего труд учащихся на огороде выглядел «обособленным придатком, оторванным от общей школьной работы»⁵⁵. Часто школьные наделы «использовались как-нибудь, лишь бы только не говорили о том, что выделенный участок не используется». Даже засеянные поля находились в запустении, поэтому и урожай был невелик – «клубни картошки величиной с горох»⁵⁶.

К примеру, в Петрозаводском уезде в с. Шокша имелись все условия для налаживания работы на школьном огороде: огороженный участок, желание и некоторое умение детей работать, хорошее отношение родителей, из сотрудников – два учителя и сторож. Не хватало только того, чтобы в Шокшинской школе «учителя взялись за работу»; участок земли размером с три десятины не использовался. Даже семена, полученные из уездного отдела народного образования, раздали детям на руки, чтобы посадка овощей производилась дома. Осенью 1928 г. на сельскохозяйственной выставке 13 учеников Шокшинской школы получили премии за свои экспонаты, а «население работу детей одобрило»⁵⁷.

Летом в деревнях дети привлекались к работам в своих хозяйствах, поэтому «школьный огород посещали неаккуратно, и вся работа по уходу за огородом взваливалась на плечи учителей и технического персонала школы». При отъезде педагогов на отдых «огороды остаются беспризорными» и подвергаются «набегам и расхищению» со стороны местных жителей⁵⁸. На участке Шелтозерско-Бережной школы посеяли вику с овсом, но «во время отпуска учителей дети не наблюдали за посевом, и участок стравили лошади». По всей видимости, никто из трех педагогов школы не позаботился о посевах, а школьный сторож не смотрел за участком. В Ялгубской школе дети принимали активное участие в работах на огороде, у каждого ученика имелась своя грядка, но с уходом учителя в отпуск работа детей прекратилась, в результате часть овощей растащили, часть засохла. Осенью тот урожай, что смогли собрать, распределили среди учащихся⁵⁹.

Вместе с тем руководство Наркомпроса считало несостоятельным мнение отдельных школьных работников о том, «что земля школе не нужна только потому, что летом в школе нет учителей»⁶⁰. Педагогам давались советы, как разбить учащихся на артели, установить очередность работ для каждой артели и наладить учет их деятельности. К примеру, весной 1927 г. в Суйсарьской школе на пришкольном огороде посадили 7 мер картофеля, во время отпуска учителя дети вели наблюдение за огородом, занималась прополкой и окучиванием. В 1928 г. в Суйсарьской школе предполагалось устроить огород по принципу разбивки индивидуальных грядок. Общее наблюдение за участком предлагалось возложить на членов школьного педагогического совета⁶¹.

Некоторые школы сдавали земельные участки внаем или бесплатное пользование разным организациям, учреждениям или частным лицам. Так, Матвеево-Сельгская школа участок размером больше десятины сдала в аренду крестьянину, который дал обязательство привезти в школу 12 бревен. Сенокосный участок вообще не использовался, а присланные семена раздали учащимся. В Суйсарьской школе одна часть земли была организована под огород, а другая – сдана крестьянину за обработку огорода и удобрение. В Ялгубской школе часть земли сдали крестьянину за обработку огорода и постройку изгороди. В 1928 г. в Пудожском районе в силу бездеятельности учителя крестьяне одной деревни передали земельный участок местному священнику⁶².

⁵⁵ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 38.

⁵⁶ Сельскохозяйственный труд на школьном участке – база трудового воспитания. С. 17, 19.

⁵⁷ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 35.

⁵⁸ НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 40/340. Л. 102, 123.

⁵⁹ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 37.

⁶⁰ Пришкольные земельные участки. С. 16.

⁶¹ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 35, 36.

⁶² Там же. С. 37.

Безусловно, положение, когда земля сдается в аренду или совсем не обрабатывается школой, считалось «ненормальным»⁶³. Такая практика входила в противоречие с концепцией единой трудовой школы и подрывала принципы трудового воспитания.

В 1928 г. руководители Наркомпроса АКССР Н. А. Гаппоев и Н. А. Анисимов разослали инструктивное письмо «Об использовании школами земельных участков». Обращаясь к школьным работникам, они напоминали: «Каждому учителю нужно добиться того, чтобы земельный участок был использован школой по прямому назначению. Чтобы сама работа имела успех и чтобы получить благоприятные результаты, нужно, прежде всего, чтобы учитель отнесся к делу не с казенной формальностью, чтобы дети были заинтересованы работой, и чтобы население относилось к ней так же серьезно, как и вообще к школьной работе»⁶⁴.

В 1929–1930 учебном году школы с сельскохозяйственным уклоном участвовали в кампаниях по поднятию урожайности и мероприятиях по коллективизации и подготовке кадров для сельского хозяйства. С введением карточной системы в условиях продовольственных трудностей продукция со школьных огородов и земельных участков использовалась для организации горячих завтраков в школах.

Заключение

В 1920-е гг. для распространения передовых агротехнологий в деревне и развития у детей коллективистских навыков создавались школы с сельскохозяйственным уклоном, для чего реализовывались организационно-педагогические условия осуществления данного процесса и принимались соответствующие постановления. Вопрос о введении сельскохозяйственного уклона в массовых школах на селе был одним из самых дискуссионных в советской педагогике 1920-х гг., поэтому статус таких школ оставался размытым. Как правило, к ним относились обычные сельские школы, имевшие земельные участки.

В Карелии выделение школам земли в рамках введения сельскохозяйственной направленности обуславливалось спецификой социально-экономического развития и природно-климатическими условиями края. В середине 1920-х гг. наделение школ землей по уездам Карелии не было равномерным, их средний размер достигал 8 десятин и меньше. Многие школы не имели орудий труда, поэтому волостные и районные исполкомы, кредитные и сельскохозяйственные товарищества отпускали необходимые им средства, инвентарь и семена. В хозяйственном отношении главным итогом эксплуатации школами земли были сбор урожая со школьного участка и употребление его по своему усмотрению (продажа, организация горячего питания, распределение между учениками). Основным стимулом и мотивацией труда школьников на земельных участках являлось право самостоятельно распоряжаться его результатами. Средства, вырученные школами от реализации сельхозпродукции, направлялись на приобретение инвентаря, покупку учебных пособий и ученических принадлежностей, организацию внеклассной работы, проведение экскурсий.

В школах с сельскохозяйственным уклоном образовывались кооперативные артели учащихся для работы на школьных участках. В 1924–1925 учебном году ученические кооперативы появились в Юргильской сельской школе I ступени Олонецкого уезда, в Колодозерской сельской школе Пудожского уезда. Кооперативы школ распространяли семена огородных культур среди населения, что повышало их авторитет в глазах крестьянства.

Педагогический эксперимент нельзя признать полностью удавшимся. Наряду с положительными примерами организации производительного труда на школьных огородах постоянно встречалось равнодушное и безучастное отношение к выделенным

⁶³ Пришкольные земельные участки. С. 16.

⁶⁴ Инструктивное письмо НКП АКССР об использовании школами земельных участков. С. 41.

земельными органами участкам. Некоторые школы сдавали земельные участки в аренду и бесплатное пользование разным организациям, учреждениям, частным лицам. К недочетам в функционировании сельских учебных заведений относится и то, что в период учительских отпусков нарушался непрерывный процесс ухода за школьными огородами. Летом земельные участки оставались безнадзорными и нередко подвергались разорению со стороны местных жителей.

Крестьянство не воспринимало школьные огороды как опытные или образцово-показательные поля, тем более что там работали не агрономы, а учителя, зачастую не имевшие соответствующих знаний. Следовательно, значение обычных школ с сельскохозяйственным уклоном для деревни было невелико. В целом, оценивая значение деятельности в 1920-е гг. школ с сельскохозяйственным уклоном, можно сказать, что это были попытки подготовки грамотных сельских хозяев в массовых школах при дефиците педагогических кадров со специальным агрономическим образованием, при нехватке или полном отсутствии инвентаря и орудий труда. Придание школам сельскохозяйственного уклона с выделением им земельных участков способствовало трудовой подготовке учащихся, воспитанию у них навыков коллективного труда.

Работа вносит вклад в изучение истории народного образования Карелии в рамках региональной историографии. Материалы статьи могут быть полезны при комплексном изучении сельских территорий, для краеведческого изучения родного села или района.

Изучение способа реализации сельскохозяйственного уклона дополнит сведения по истории народного образования АКССР, позволит провести аналогичные исследования в других регионах страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богачев А.В., Захарова Л.Б. Концепция развития системы народного образования в советской России в 1920-е годы. *Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Психолого-педагогические науки*. 2015;12(2):19–26. URL: <https://vestnik-pp.samgtu.ru/1991-8569/article/view/52025> (дата обращения: 08.12.2025).
2. Поздняков А.Н. Идеи истоки Единой трудовой школы. *Развитие образования*. 2022;5(2):55–61. <https://doi.org/10.31483/r-102724>
3. Милованов К.Ю. Стратегии и приоритеты развития государственной образовательной политики (1917–1930 гг.). *Проблемы современного образования*. 2015;(4):19–37. <https://elibrary.ru/vblmil>
4. Быкова Е.Ю. Реформирование системы школьного образования в СССР в 1917–1930 гг.: организационные и идеологические аспекты. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2011;(1):179–189. <https://elibrary.ru/nqyprtr>
5. Богуславский М.В. Проблемы реформирования российского образования (историко-педагогический контекст). *Проблемы современного образования*. 2010;(1):33–44. <https://elibrary.ru/npvofl>
6. Щукин Д.В., Некрылова О.Г. Советская власть и система народного образования в 1920-е годы: практика экспериментов в условиях построения новой государственности. *Научный диалог*. 2021;(5):462–476. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-462-476>
7. Войтеховская М.П., Сазонова Н.И. Историко-педагогический анализ развития сельских малокомплектных школ России XIX – начала XXI века. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009;(12):35–38. <https://elibrary.ru/lahzyr>
8. Рассказова Л.В. Модели организации образовательного процесса в истории становления сельской школы России. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2014;(8):85–90. <https://elibrary.ru/smcgxn>
9. Ищенко А.М. Эволюция российской сельской школы. *Современные проблемы науки и образования*. 2012;(1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5571> (дата обращения: 08.12.2025).
10. Горбушов А.А. Основные моменты развития сельской школы России в настоящем и прошлом. *Современные проблемы науки и образования*. 2023;4:20–22. <https://doi.org/10.17513/spno.32761>

11. Соболева О.О. Опытнo-показательные школы и их деятельность в процессе становления советского образования. *Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2018;24(4):290–292. <https://elibrary.ru/yvvsrnj>
12. Помелов В.Б. Опытнo-показательные образовательные учреждения в РСФСР в 1920-х – начале 1930-х гг. *Вестник гуманитарного образования*. 2019;(3):94–101. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.19.038>
13. Барич А.А. Школа-община конца XIX – первой трети XX в.: ретроспективный взгляд. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012;(1):129–132. <https://elibrary.ru/opxsjg>
14. Богуславский М.В. «Красные зори» Игнатия Ионина. *Вестник образования России*. 2023;(24):71–80. <https://elibrary.ru/mrqvde>
15. Князев Е.А. Игнатий Ионин и детская коммуна «Красные зори». *Дошкольное воспитание*. 2019;(10):88–96. URL: https://dovosp.ru/wp-content/uploads/2019/10/knyazev_dv_10_2019.pdf (дата обращения: 12.12.2025).
16. Фролов И.В., Володин А.М. Становление всеобщего начального образования сельских школьников с 1917 по 1934 годы – истоки современных взглядов на сельскую школу. *Фундаментальные исследования*. 2014;(12):1766–1769. <https://elibrary.ru/tfubln>
17. Филимончик С.Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939): моногр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ; 2013. 150 с. <https://elibrary.ru/ytliox>
18. Ефлова З.Б. Изучение становления и развития малокомплектной школы России. *Педагогика сельской школы*. 2024;(4):5–24. <https://elibrary.ru/mlwecq>
19. Кондратьев В.Г., Гусева Т.А. Трудовая школа Карелии в 1920–1930-е годы. *Педагогический вестник Карелии*. 2009;2:128–135. URL: <https://kiro-karelia.ru/images/journal/arhiv/pdf/02-2009.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
20. Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 355 p.

REFERENCES

1. Bogachev A.V., Zakharova L.B. Concept of Development of Public Education in Soviet Russia in the Twenties of the Twentieth Century. *Vestnik of Samara State Technical University. Ser.: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2015;12(2):19–26. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnik-pp.samgtu.ru/1991-8569/article/view/52025> (accessed 08.12.2025).
2. Pozdnyakov A.N. Ideological Origins of the Unified Labor School. *Development of Education*. 2022;5(2):55–61. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31483/r-102724>
3. Milovanov K.Yu. Strategy and Priorities of the State Educational Policy Development (1917–1930). *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2015;(4):19–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/vblmil>
4. Bykova E.Yu. [The Reform of the School Education System in the USSR, 1917–1930: Organizational and Ideological Aspects]. *Tomsk State University Journal. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2011;(1):179–189. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nqyptr>
5. Boguslavsky M.V. [Problems of Reforming of a Russian Education (Historical-Pedagogical Context)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2010;(1):33–44. (In Russ.) <https://elibrary.ru/npvofl>
6. Shchukin D.V., Nekrylova O.G. Soviet Power and System of Public Education in 1920s: Practice of Experiments in Conditions of Building New Statehood. *Nauchnyi dialog*. 2021;(5):462–476. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-462-476>
7. Voitekhovskaya M.P., Sazonova N.I. Historical and Pedagogical Analysis of Development of Rural Ungraded Schools in Russia in the Period from the 19th Century Till the Beginning of the 21st Century. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2009;(12):35–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/lahzyr>
8. Rasskazova L.V. Models of the Organization of Educational Process in the History of Formation of Rural School in Russia. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014;(8):85–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/smcgxn>
9. Ishchenko A.M. Evolution of Russian Country School. *Modern Problems of Science and Education*. 2012;(1). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5571> (accessed 08.12.2025).

10. Gorbushov A.A. The Main Points of Development of Rural Schools in Russia in the Present and the Past. *Modern Problems of Science and Education*. 2023;4:20–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/spno.32761>
11. Soboleva O.O. [Experimental and Demonstration Schools and Their Role in the Formation of Soviet Education]. *Vestnik of Kostroma State University. Ser.: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2018;24(4):290–292. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yvsmnj>
12. Pomelov V.B. Pilot Educational Institutions in the RSFSR in the 1920s and Early 1930s. *Herald of Humanitarian Education*. 2019;(3):94–101. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.19.038>
13. Barich A.A. Community School in the End of the XIX – First Third of the XX Centuries: Retrospective View. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2012;(1):129–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/opxsjp>
14. Boguslavsky M.V. [“Red Dawns” by Ignatii Ionin]. *Vestnik obrazovaniya Rossii*. 2023;(24):71–80. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mrqvde>
15. Knyazev E.A. Ignatius Ionin and the Children’s Commune “Red Dawns”. *Preschool Education*. 2019;(10):88–96. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://dovosp.ru/wp-content/uploads/2019/10/knyazev_dv_10_2019.pdf (accessed 12.12.2025).
16. Frolov I.V., Volodin A.M. The Formation of Universal Primary Education of Rural Pupils from 1917 to 1934 – the Origins of Modern Views on Rural School. *Fundamental Research*. 2014;(12):1766–1769. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/tfubln>
17. Filimonchik S.N. [Education and Enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939): Monograph]. Petrozavodsk; 2013. 150 p. <https://elibrary.ru/ytliox>
18. Eflova Z.B. Studying the Formation and Development of Small Schools in Russia. *Pedagogy of Rural School*. 2024;(4):5–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/mlwecq>
19. Kondratiev V.G., Guseva T.A. [The Labor School in Karelia in the 1920s–1930s]. *Pedagogicheskiy vestnik Karelii*. 2009;2:128–135. (In Russ.) Available at: <https://kiro-karelia.ru/images/journal/arhiv/pdf/02-2009.pdf> (accessed 12.12.2025).
20. Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 355 p.

Информация об авторе:

Дианова Елена Васильевна, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>, SPIN-код: 4526-3874, elena-dianowa@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.12.2025; одобрена после рецензирования 14.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.

Information about the author:

Elena V. Dianova, Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of National History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (33 Lenin Prospekt, Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>, SPIN-code: 4526-3874, elena-dianowa@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 17.12.2025; revised 14.01.2026; accepted 19.01.2026.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ETHNOCULTURAL HERITAGE

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.234-253><https://elibrary.ru/nucivx>

УДК / UDC 39:008 Гейкель

Оригинальная статья / Original article

Труд А. О. Гейкеля как источник по материальной культуре и современным практикам ревитализации

В. И. Рогачев , С. В. Гордина, В. Н. Немечкин

МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация,

<https://ror.org/0262qgk29> rogachev-v@bk.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к аутентичным формам национальной культуры и необходимостью обращения к достоверным источникам для возрождения традиционного костюма и вышивки мордовского народа на современном этапе. Цель исследования – найти и проанализировать возможности использования труда финского этнографа А. О. Гейкеля «Одежда и орнамент мордвы» как источника материальной культуры и современных практик ревитализации в различных областях народного искусства.

Материалы и методы. Монография А. О. Гейкеля «Одежда и орнамент мордвы» (1899 г.) исследуется как значимый первоисточник материальной культуры мордовского народа. Для анализа эволюции взглядов этнографа и его метода фиксации материала авторами использован историко-генетический метод. Источниковедческий анализ применялся с целью установления полноты, достоверности и репрезентативности собранных данных и для анализа методов полевой работы Гейкеля (визуальное наблюдение, интервью, сбор коллекций, зарисовки). Метод ретроспективной реконструкции привлекался, чтобы оценить возможности применения данных Гейкеля (схем кроя, орнаментов) для воссоздания утраченных элементов костюма современными мастерами.

Результаты исследования и их обсуждение. Труд Гейкеля представляет собой уникальное собрание данных, включающее более 250 цветных иллюстраций и около 2000 схем орнаментов. Выявлены особенности методики работы финна: подробная фиксация кроя одежды, техник выполнения узоров вышивки. Им впервые в науке произведена систематизация народной терминологии орнаментов (например, нумолонь пилеть, вете кить). Труд ученого выходит за рамки пассивного архивного источника. Наличие точных схем кроя и подлинных названий узоров делает его эффективным методическим руководством для современных мастеров, позволяя реконструировать не только форму, но и семантику традиционного костюма.

Заключение. В контексте современных этнокультурных процессов труд ученого приобретает новую функцию, выступая в качестве научно обоснованной базы для ревитализации и аутентичного воспроизведения традиционного наследия. Перспективы исследования связаны с созданием цифровой базы данных орнаментов Гейкеля, верификацией его терминологии в полевых условиях и разработкой на основе его схем верифицированных реконструктов мордовского костюма для образовательных и ревитализационных проектов.

Ключевые слова: А. О. Гейкель, этнография, финно-угры, мордва, традиционная одежда, орнамент, ревитализация

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Рогачев В.И., Гордина С.В., Немечкин В.Н. Труд А. О. Гейкеля как источник по материальной культуре и современным практикам ревитализации. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):234–253. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.234-253>

© Рогачев В. И., Гордина С. В., Немечкин В. Н., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

A. O. Heikel's Work as a Source on Material Culture and Contemporary Revitalization Practices

V. I. Rogachev , S. V. Gordina, V. N. Nemechkin

National Research Mordovia State University,

Saransk, Russian Federation, <https://ror.org/0262qgk29>

 rogachev-v@bk.ru

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the growing interest in authentic forms of national culture and the need to draw upon reliable sources for the revitalization of the traditional costume and embroidery of the Mordovian people in the contemporary context. The aim of the study is to identify and analyze the potential applications of the work “Mordovian Costume and Ornament” by the Finnish ethnographer A. O. Heikel as a source on material culture and as a foundation for contemporary revitalization practices in various fields of folk art.

Materials and Methods. A. O. Heikel's monograph “Mordovian Costume and Ornament” (1899) is examined as a significant primary source on the material culture of the Mordovian people. To analyze the evolution of the ethnographer's views and his methods of documenting ethnographic material, the authors employed the historical-genetic method. Source criticism was applied to assess the completeness, reliability, and representativeness of the collected data, as well as to analyze Heikel's fieldwork techniques, including visual observation, interviews, collection building, and sketching. The method of retrospective reconstruction was used to evaluate the potential application of Heikel's data (patterns of garment construction and ornamental designs) for the reconstruction of lost costume elements by contemporary artisans.

Results and Discussion. Heikel's work represents a unique collection of data, comprising more than 250 color illustrations and approximately 2,000 ornament pattern diagrams. The distinctive features of the Finnish researcher's methodology have been identified, including the detailed documentation of garment construction and embroidery techniques. He was the first scholar to systematize the folk terminology of ornaments (e.g., numolon pilet, vete kit). The significance of his work extends beyond that of a passive archival source. The inclusion of precise garment-cutting patterns and authentic names of ornamental motifs makes it an effective methodological guide for contemporary artisans, enabling the reconstruction not only of the form but also of the semantic content of traditional costume.

Conclusion. In the context of contemporary ethnocultural processes, the scholar's work acquires a new function, serving as a scientifically grounded foundation for the revitalization and authentic reproduction of traditional heritage. Future research prospects are associated with the creation of a digital database of Heikel's ornaments, the field-based verification of his terminology, and the development of validated reconstructions of traditional Mordovian costume based on his schemes for use in educational and heritage revitalization projects.

Keywords: A. O. Heikel, ethnography, Finno-Ugric Peoples, Mordovian People, traditional clothing, ornament, revitalization

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Rogachev V.I., Gordina S.V., Nemechkin V.N. A. O. Heikel's Work as a Source on Material Culture and Contemporary Revitalization Practices. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):234–253. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.234-253>

Введение

В современном мире, характеризующемся процессами глобализации и унификации культурных стандартов, наблюдается устойчивый рост интереса к локальным формам культурного наследия. Для многих народов, в том числе и для мордвы, обращение к своим этническим корням становится важным механизмом сохранения и укрепления идентичности в XXI в. Этот процесс актуализирует потребность в достоверных, аутентичных источниках, способных служить основой для реконструкции и ревитализации таких традиционных ремесел декоративно-прикладного искусства, как вышивка, наборное ткачество, бисероплетение, резьба по дереву. Особую ценность представляют те элементы материальной культуры, которые, утратив свое утилитарное бытовое значение, продолжают сохранять высокую символическую ценность как маркеры этнической принадлежности. В этом контексте традиционный костюм и орнамент мордвы являются не просто предметами старины, а ключом к пониманию культурного кода народа, сформировавшегося в глубинах тысячелетий.

Знаковая сущность национальной орнаментики восходит к родоплеменному и патриархальному жизненному укладу. Узоры орнамента являлись определителями принадлежности к тому или иному родовому коллективу. Богатое орнаментальное наследие вышивки «характеризуется общностью черт в графике рисунка, присущей всему национальному типу»¹ [1]. Мордовский женский костюм, богато украшенный вышивкой, представлял огромную ценность, поэтому мог передаваться по наследству не просто как вещь, а как символ, орнаментированная духовная оболочка личности, указатель и маркер принадлежности женщины к определенному роду, племени, семье для *сэри атят* – верховных старцев, покровителей рода из Верхнего мира.

Одним из основоположников финно-угорской этнографии стал этнограф и археолог, профессор Хельсинкского университета, член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете Аксель Олай Гейкель [2].

Праздничное женское одеяние *покай*, которое подробно изучал А. О. Гейкель, предстало в его описаниях и зарисовках перед исследователями мордовской культуры, этнографами произведением искусства, художественный образ которого исполнен настроением торжества и величия. Не случайно близкий знакомый А. Гейкеля, профессор Казанского университета И. Н. Смирнов, сравнивал *покай* с далматикой, дивитисием, верхним туникообразным облачением византийских императоров². Ценность костюму придавала орнаментальная вышивка, которая «являлась самой выразительной частью костюма, притягивала взгляды и дарила яркое эстетическое впечатление» [3]. В силу этого специалисты относят его «к категории особо ценного имущества, которое передавалось по наследству и дополнялось, совершенствовалось каждым новым поколением мастериц» [3]. Можно утверждать, что вместе с орнаментированной одеждой передавалась духовная матрица, отражающая глубину нравственной памяти этноса.

Современными специалистами-вышивальщицами отмечается, что народный костюм – великое сакральное знание предков. В геометрический орнамент вложено много смыслов, здесь есть пожелание здоровья, плодовитости, благополучия, защита от внешних разрушительных сил, укрепление внутренних жизненных ресурсов³. По представлениям финно-угров, орнаментированная одежда после ношения человеком начинает обладать особым свойством, она становится *исан-хура* (от хант. *ис* – «тень», «душа», внутренний психологический мир человека, его сознание; *хура* – «образ», «фигура», «призрак» – *Авт.*) [2]. Считается, что одежда становится носителем части его психики, сознания, внешнего облика. Вероятно, по этой причине у мордвы и некоторых других финно-угров существует обряд раздачи одежды покойного родственникам, знакомым. Таким образом, А. О. Гейкелю удалось уловить и понять глубинные смыслы сакральности костюма, что и предопределило его работу над книгой о мордовских узорах.

Одним из наиболее авторитетных и информативных источников по данной теме стал фундаментальный труд исследователя «Одежда и орнамент мордвы» (*Mordvalaisten pukuja ja kuoseja*)⁴, изданный в Гельсингфорсе в 1899 г. Данная монография, подготовленная по итогам экспедиций 1883–1885 гг. в мордовские села ряда российских губерний, выделяется на фоне других исследований того времени исключительной полнотой и точностью фиксации материала. Гейкель не только подробно описал комплексы одежды, но и воссоздал уникальный иллюстративный ряд,

¹ Спрыгина Н.И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам экспедиции 1925 г. Пенза: Типо-литография им. Воровского; 1929. 46 с.

² Там же.

³ Челмакина Н.Н., Левина Л.Д., Малаева О.А. Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение. Саранск: Издатель К. Шапкарин; 2022. С. 107.

⁴ Heikel A.O. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja (Одежда и орнамент мордвы). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; 1899. 312 s.

включающий схемы кроя, цветные изображения костюмов и систематизированные таблицы орнаментов с указанием их народных названий. Работа ученого уже на протяжении 125 лет сохраняет свою актуальность для историков, этнографов и современных практиков, занимающихся ревитализацией традиционного костюма и вышивки.

До настоящего времени труд Гейкеля рассматривался преимущественно как классический памятник этнографической науки конца XIX в. Потенциал этого издания как практического инструмента и «методического руководства» для современных процессов ревитализации (воссоздания утраченных технологий, аутентичного воспроизведения орнаментов в новых изделиях) остается малоизученным. Нами он будет рассмотрен в качестве связующего звена между научным знанием XIX в. и живым процессом конструирования этничности в XXI в.

Цель исследования – охарактеризовать источниковедческий потенциал монографии А. О. Гейкеля «Одежда и орнамент мордвы» и обосновать ее значение как научной базы для современных практик ревитализации материальной культуры мордовского народа.

Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать структуру и содержание работы в контексте методов эволюционной школы этнографии; выявить ключевые элементы орнаментальных мотивов в труде Гейкеля для подготовки методических рекомендаций, пособий для учащихся художественных школ и студентов; определить возможности использования аутентичных материалов Гейкеля в современных проектах.

Обзор литературы

Фундаментальным исследованием, посвященным научному наследию А. О. Гейкеля, является монография финского ученого Т. Ниранена «*Axel Olai Heikel: suomalais-ugrilaisen kansatieteen ja arkeologian tutkija*» (1987)⁵, где автор комплексно рассматривает многогранную деятельность Гейкеля как исследователя-путешественника, музейного деятеля, преподавателя университета и ученого, внесшего основополагающий вклад в становление финно-угорской этнологии и археологии. Монография Ниранена служит отправной точкой для всех последующих исследований его наследия.

Выделяется также статья А. Е. Загребина, в которой автор анализирует роль Гейкеля в становлении финской этнографии как профессиональной дисциплины, его вклад в формирование музейных коллекций и выработку методики полевых исследований [4]. Значение труда Гейкеля не исчерпывается его источниковедческой ценностью. Как показал А. Е. Загребин, он сыграл ключевую роль в создании «этнически узнаваемого образа» мордвы и других финно-угорских народов в европейской науке [4]. Благодаря высокому качеству полевой работы и детальной визуальной фиксации, монография Гейкеля до сих пор формирует представление о том, каким был «канонический» мордовский костюм XIX в. В монографию 2019 г. А. Е. Загребин вводит параграф «А. Хейкель и русская этнография», в котором подчеркивает особые заслуги этнографа как первопроходца финно-угорских исследований в России. Гейкелю удавалось первенствовать в этнографии финнов Поволжья и «взрастить собственную ветвь на древе финно-угроведения», это позволило ему и коллегам создать стройную структуру по изучению основных направлений жизнедеятельности этносов⁶ [5].

Теоретическую базу для интерпретации эмпирических данных, собранных А. О. Гейкелем, задают фундаментальные исследования профессора Н. Ф. Мокшина.

⁵ Niiranen T. *Axel Olai Heikel: Suomalais-ugrilaisen kansatieteen ja arkeologian tutkija* (Аксель Олай Гейкель: исследователь финно-угорской этнографии и археологии). Snellman-instituutin julkaisu, 4. Kuopio: Kustannuskiila; 1987. 243 s.

⁶ Зеткина И.А. Дневник 1885 года как источник изучения научной биографии М. Е. Евсевьева. В: Современные проблемы психолого-педагогических наук: Мат-лы науч. семинаров аспирантов и преподавателей. Саранск; 1992. С. 15–18.

Разработанная ученым концепция бинарности мордовского этноса объясняет устойчивость двух костюмных традиций (мокшанской и эрзянской), зафиксированных финским исследователем⁷ [6].

Более того, выделенные Мокшиным этнографические группы внутри субэтносов позволяют понять причины той локальной вариативности орнаментов и кроя, которую Гейкель наблюдал в разных губерниях, но не всегда мог теоретически осмыслить. Материалы Мокшина по религиозным верованиям и ономастикону создают необходимую базу для семантической интерпретации народных названий узоров (*повонь пря* – голова рябчика, *нумолонь пилеть* – заячьи уши, *чиньжары ардзеле* – кайма подсолнуха, *люкшике панчфт* – цветок гречихи, *меше пильге* – пчелиная ножка, *вете кить* – пять дорожек), впервые систематизированных Гейкелем⁸. Этнограф обратил внимание, что в монографии Гейкель не только дал обстоятельное их описание, указал на сходство и различия локальных вариантов, но и показал эволюцию мордовского народного костюма на материале одежды и вышивки, одновременно обозначив некоторые этногенетические и этнокультурные связи мордвы с другими народами [6].

Ученые А. Ю. Тихонова [1], Е. Н. Бикейкин, Т. М. Гусева, Г. А. Куршева [7] обращают внимание на важность полевых экспедиционных изысканий для результативной деятельности А. Гейкеля в Поволжье. Современный финский исследователь К. Ф. Карьялайнен считает Гейкеля одним из основоположников финской этнографии. Автор применяет методы мультимодального анализа и анализа категоризации для изучения его исследовательских практик [8]. Исследователи подчеркивают, что Гейкель первым уделил внимание орнаментации бытовых предметов, перечислил наиболее важные особенности мордовской вышивки [11], привел описание, сходства и различия головных уборов двух субэтносов мордовского народа – мокши и эрзи, а также отдельных территориальных групп [9]. Исследователь М. В. Лунина анализирует символику праздничного костюма мордвы, обращаясь к работе финского ученого. Ею же по принципам А. Гейкеля реконструируется одежда древней мордвы, отмечаются субэтнические отличия между мокшей и эрзей [10]. Т. А. Шигурова считает научные труды А. О. Гейкеля образцом достоверных сведений, обобщающих знаний о мордовском костюме и его украшениях, а также примером глубокого исторического, этнографического, искусствоведческого осмысления произведений декоративно-прикладного искусства. В публикации она использует иллюстрацию комбинации украшений *кирмиш* и *сие* из его книги [3].

В статье Л. Д. Левиной отмечается, что труд А. Гейкеля имеет огромное значение для развития вышивки и декоративно-прикладного искусства Мордовии XX–XXI вв. и является энциклопедией орнамента мордовской вышивки, на котором выросло несколько поколений художников и преподавателей по костюму и вышивке, таких как П. Ф. Рябов, Л. М. Острась, Т. Н. Гвоздева, И. В. Хомякова, Т. П. Прокина и др. [12]. Молодежью труд финского ученого активно изучается в Саранском художественном училище им. Ф. В. Сычкова, Институте национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва. Исследователи также подчеркивают, что Гейкель в числе первых зафиксировал названия узоров, их описание по форме и характеру [13], подробно охарактеризовал разнообразные техники вышивки древней мордвы, сходные с одеждой мешеры и орнаментацией русского костюма [14].

Профессор В. Г. Кудрявцев акцентирует внимание на важной роли художника А. Рейнхольма, чьи работы использовались для иллюстрации монографий и статей профессора А. О. Гейкеля, его исследований по народной одежде и орнаменту марийцев и мордвы [15].

⁷ Мокшин Н.Ф. Профессор из Гельсингфорса. Современная Мордовия. 4 февр. 1993.

⁸ Зеткина И.А. Связи М. Е. Евсевьева с финскими учеными. В: Научное наследие М. Е. Евсевьева и современность. Саранск; 1992. С. 65–68.

Деятельность А. О. Гейкеля интересна еще тем, что в вопросах сохранения культуры он значительно опередил свое время. Так, (Б. Киршенблат-Гимблетт) в своей публикации отмечает важность сохранения и ревитализации любых форм традиционной культуры, «всей системы как живой целостности посредством сохранения, обучения передачи другим», чтобы внимание уделялось не только артефактам, а в первую очередь людям, а также их габитусу и среде обитания, понимаемым как жизненное пространство и социальный мир [16]. Процессы ревитализации нужны не только для преемственности поколений, но и для сохранения этнокультурного разнообразия нашей страны.

Исследователь Т. Салминен отмечает заслуги А. Гейкеля как археолога, сделавшего важное наблюдение о связи находок из Ананьинского могильника с кавказскими, чем положил конец урало-алтайской теории происхождения финно-угров Р. Аспелина [17]. Бурятские исследователи Н. В. Цыденова, М. М. Чагдунова подчеркивают разносторонность А. Гейкеля как ученого, отмечают важность его исследований в отношении памятников письменности, каменных стел с руническими письменами, надписями на древнеуйгурском и китайском языках в долине реки Орхон в Монголии, а также обследований курганов, керексур, плиточных могил, оленных камней, наскальных рисунков и стелы с надписями в Забайкалье [5].

Несмотря на то что труд Гейкеля часто цитируется, он еще не становился объектом комплексного источниковедческого анализа в контексте современной этнографической науки. Наличие вещевых коллекций в музеях Финляндии и России, доступность оцифрованных изданий и неразработанность проблем постколониальной интерпретации наследия «финской школы» открывают широкие перспективы для дальнейшего изучения вещевых коллекций в контексте их биографии и интерпретации.

Материалы и методы

Базой исследования выступает монография А. О. Гейкеля *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja* («Одежда и орнамент мордвы»), изданная Финно-угорским обществом (*Suomalais-Ugrilainen Seura*) в Гельсингфорсе (Хельсинки) в 1899 г.

Его работа не имеет аналогов в дореволюционной литературе по полноте охвата материальной культуры мордовского народа. Ценность труда состоит еще и в том, что в нем зафиксированы аутентичные явления культуры, отразившиеся в одежде и орнаменте, которые в XX в. навсегда исчезли в связи с глобальными общественно-политическими событиями, переменами в развитии страны, коллективизацией, индустриализацией.

Монография насчитывает 312 страниц и включает: 27 страниц введения, 43 страницы основного текста на финском языке, 63 страницы параллельного текста на немецком языке, а также 199 таблиц с иллюстрациями. Издание выходило отдельными выпусками (всего 10 тетрадей) в 1897–1899 гг.

Текст опубликован параллельно на двух языках – финском и немецком, что обеспечило доступность исследования как для финских, так и для европейских ученых.

Важность монографии Гейкеля состоит в том, что в ней представлено более 250 цветных иллюстраций, технических рисунков и фотографий, на которых изображено около 2 000 отдельных видов узоров, фрагментов орнаментов мордовской вышивки (нагрудные, наплечные, нарукавные, наспинные, по подолу, на головных уборах (на лобной части); украшения: шейные, ушные, нагрудные, чересплечные, поясные, спинные (*кресткав*) и др.) [13].

Источниковая ценность работы Гейкеля определяется методами сбора первичного материала. В 1883–1885 гг. ученый совершил этнографические экспедиции к мордве, посетив Тамбовскую, Нижегородскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую и Казанскую губернии. В ходе поездок применялись: метод непосредственного наблюдения и фиксации предметов материальной культуры; интервьюирование местных жителей

для выявления народной терминологии; зарисовки и фотофиксация, заказ и приобретение костюмных комплексов для музеев. Большую помощь А. Гейкелю оказал М. Е. Евсевьев, который выполнял значительный объем работы: был переводчиком и гидом, заказывал образцы вышивок, давал подробные объяснения по узорам орнамента и его терминологии, приобретал этнографический материал, представляющий научную ценность⁹.

Важной составляющей источниковой базы Гейкеля стало скрупулезное изучение коллекции музея Российской академии наук, собраний орнаментов одежды Академии художеств, фондов Русского географического общества, экспонатов этнографического музея Казанского университета и Казанского городского музея.

В ходе экспедиций ученым было приобретено около 700 мордовских и марийских экспонатов для музея Гельсингфорского университета, где раньше было всего лишь около 20 предметов. Ныне богатейшая коллекция, собранная Гейкелем по культуре финнов Поволжья, хранится в Национальном музее Финляндии.

Отдельную источниковедческую ценность представляет зафиксированная Гейкелем народная терминология орнаментов и вышивок. В проверке терминологии ученому оказывал помощь известный лингвист Х. Паасонен, что обеспечило высокую достоверность лингвистического материала. Среди зафиксированных названий: *эргине* (бусинка), *суркст* (спирали), *повонь пря* (голова рябчика), *нумолонь пилеть* (зачьби уши), *вете кить* (пять путей), *люкшике панчфт* (цветок гречихи) и др.

Для сравнительного анализа и оценки вклада Гейкеля в изучение мордовской культуры привлекаются также труды других исследователей конца XIX – первой четверти XX в., работавших с мордовскими материалами: И. Н. Смирнов – историко-этнографический очерк «Мордва» (1895 г.), рецензировал работы Гейкеля¹⁰; С. К. Кузнецов – «Мордва» (1912 г.), представила курс лекций по этнографии¹¹; Н. И. Спрыгина – «Одежда мордвы-мокши...» (1929 г.), фиксировала состояние традиции орнаментации одежды в 1920-е гг.¹²; А. П. Ручьева – «Анализ орнамента вышивок мордовского головного убора» (1928 г.), «Мордовские вышивки» (1930 г.)¹³, изучала состояние мордовской вышивки в Поволжье в 20-е гг. XX в., а также отметила вслед за Гейкелем, что «всюду, где мы встречаем орнаментальный стиль, первобытное земледельческое хозяйство ведет женщина, она создает одежду и украшает ее орнаментом». Символический орнаментальный стиль возникает как оберег, способ защиты от зла, несчастий и непредвиденных обстоятельств, грозивших членам рода, племени.

Исследователи указывают на важность догадок А. Гейкеля, указавшего на эволюцию вышивки от простых однообразных узоров к сложным путем добавления к древнему материалу различного рода внешних мотивов [18].

Совокупность используемых источников позволяет решить поставленные в исследовании задачи: труд Гейкеля выступает как базовый документ для реконструкции материальной культуры конца XIX в., а привлечение дополнительных этнографических описаний и музейных коллекций дает возможность верифицировать его данные и проследить динамику сохранности элементов традиционного костюма для целей современной ревитализации.

Для анализа эволюции взглядов Гейкеля и его метода фиксации материала авторами использован историко-генетический метод. Источниковедческий анализ применялся для установления полноты, достоверности и репрезентативности собранных данных и анализа методов полевой работы Гейкеля (визуальное наблюдение, интервью, сбор коллекций, зарисовки). Метод ретроспективной реконструкции

⁹ Зеткина И.А. Связи М. Е. Евсевьева с финскими учеными. С. 65–68.

¹⁰ Смирнов И.Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. ун-та; 1895.

¹¹ Кузнецов С.К. Мордва. М.: Печатня А. И. Снегиревой; 1912. 73 с.

¹² Спрыгина Н.И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии. 46 с.

¹³ Ручьева А. Мордовские вышивки. В: Искусство народов СССР. М.; Л.: Госиздат; 1930. С. 71–77.

использовался с целью оценки возможности применения данных Гейкеля (схем кроя, способов вышивания, орнаментов) для воссоздания утраченных элементов костюма современными мастерами.

Результаты исследования и их обсуждение

Систематизация орнаментов в труде А. О. Гейкеля. Многолетний сбор полевых материалов, тщательная работа с этнографическими коллекциями различных музеев, привлечение к работе вышивальщиц, художников, фотографов, лингвистов, знатоков национальной культуры позволили Гейкелю подготовить и издать труд всей жизни. Систематизация орнаментов, выполненная Гейкелем в монографии «Одежда и орнамент мордвы» (1899 г.), представляет собой уникальное научное достижение, не имеющее подобия в этнографической литературе XIX в. Структура и объем систематизированного материала представляют собой беспрецедентную по полноте классификацию орнаментов, которую можно назвать иллюстрированной энциклопедией по данному разделу материальной культуры мордвы. По утверждениям специалистов, монография «дает довольно четкое представление о составе орнаментальных мотивов мордовской народной вышивки»¹⁴.

Как систематик, Гейкель руководствовался эволюционной методологией, характерной для науки его времени. Он стремился найти исходные элементы орнаментальных мотивов. В порядке классификации он выделял простейшие элементы, которые, с его точки зрения, наиболее часто встречаются в искусстве многих народов мира. Гейкель отмечал, что «у первобытных народов часто были однообразные геометрические орнаменты», и лишь затем «к этому древнему материалу присоединились различного рода внешние мотивы, которые каждый народ развивал по-своему»¹⁵.

Вывод Гейкеля о том, что многие знаки, символы и простейшие орнаменты типологически восходят к первобытному охотничье-рыболовецкому и раннеземледельческому быту, нашел подтверждение в работах известных историков и этнографов в более поздний период¹⁶.

Систематизация Гейкеля включала не только классификацию узоров, но и:

- особенности кроя, способов вышивки орнаментальных мотивов у мокши и эрзи;
- локальные отличия вышивки комплексов традиционной одежды;
- характер и схемы узоров – детальную графическую фиксацию;
- способы вышивания – технологические приемы выполнения узоров;
- схемы-рисунки костюмов и головных уборов с указанием кроя и расположения декора;
- пояснения к таблицам, фигурам, отдельным знакам.

Уникальная особенность труда Гейкеля в том, что он первым дал семантику знаков мордовской вышивки, их описание и народные названия. Благодаря сотрудничеству с лингвистом Х. Паасоненом ему удалось зафиксировать аутентичную терминологию орнаментальных мотивов, олицетворяющих и символизирующих различные явления (табл. 1).

Гейкель смог не только систематизировать орнаменты по типам, но и отметить региональные особенности бытования одежды. Его наблюдения охватывали территорию расселения мордвы в Тамбовской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Симбирской и Казанской губерниях.

На материале одежды и вышивок ученый проследил этногенетические и этнокультурные связи мордвы с другими народами. Гейкель отмечал, что «все известные в Карелии виды техники вышивки встречаются также у мордвы... это сходство форм в технике прикладного искусства дает возможность говорить об общей родине»¹⁷.

¹⁴ Мокшин Н.Ф. Профессор из Гельсингфорса.

¹⁵ Heikel A.O. *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja* (Одежда и орнамент мордвы). 312 s.

¹⁶ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука; 1994. 608 с.

¹⁷ Heikel A.O. *Mordvalaisten pukuja ja kuoseja* (Одежда и орнамент мордвы). 312 s.

Т а б л и ц а 1. К л а с с и ф и к а ц и я з а ф и к с и р о в а н н ы х т е р м и н о в
 T a b l e 1. C l a s s i f i c a t i o n o f f i x e d t e r m s

Категория / Category	Термин (мокш./эрз.) / Term (Moksha/Erzya)	Перевод на русский язык / Translation into Russian
Астрономические символы / Astronomical symbols	эрьгине	бусинка звездообразования
Религиозные символы / Religious symbols	вишка крестт	маленькие кресты
Геометрические мотивы / Geometric patterns	суркт	спирали
Орудийные мотивы / Tool-related motifs	локшине	кнутик
Зооморфные мотивы / Zoomorphic motifs	повонь пря	голова рябчика
Растительные мотивы / Plant motifs	меше пильге	пчелиная ножка
	нумолонь пилеть	заячьи уши
	люкшке панчфт	цветок гречихи
Природные явления / Natural phenomena	чиньжары ардзеле	кайма подсолнуха
	марь серма	яблоко-вышивка
	чудерькс	ручей
Пространственные символы / Spatial symbols	вете кить	пять путей

Источник: здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

Source: Here and throughout the article, all tables are compiled by the authors.

Ученый впервые обратил внимание на схожесть узоров орнамента мордвы и мешеры (субэтническая группа, происхождение связано с финно-угорским племенем мешёра, населявшим Мещёрскую сторону, Рязанское Полесье, а также Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую губернии в прошлом). Это позволило Гейкелю подчеркнуть родство мешеры с мордвой: «В первую очередь свидетельствуют об этом вышивки, которые полностью напоминают мордовские»¹⁸. Более того, его предположения подталкивают к размышлениям: не один ли это народ – мешера и мордва-мокша? Ведь территории их проживания совпадают на карте.

Монография Гейкеля дает довольно четкое представление о составе орнаментальных мотивов мордовской народной вышивки. Она по праву может быть названа иллюстрированной энциклопедией по данному разделу материальной культуры.

Заслуга Гейкеля состоит в том, что он «навсегда запечатлел исчезающие факты и явления культуры»; ввел в научную практику этнографический материал, способствующий глубокому ознакомлению с материальной культурой мордвы; сделал научно-теоретические обобщения и практические выводы, которые «сохранили свою актуальность до настоящего времени» [2, с. 66].

Этот системный подход, сочетающий типологический анализ, технологическое описание и семантическую интерпретацию, делает труд Гейкеля уникальным явлением в истории этнографической науки и сохраняет его значение как фундаментальной основы для всех последующих исследований мордовского орнамента.

Возможности применения данных А. О. Гейкеля.

1. Научно-академическое применение.

1.1 Источниковедение и музеефикация.

Возможность: использование труда Гейкеля как научного каталога-определителя, идентификатора музейных коллекций.

Обоснование: Гейкелем был накоплен и систематизирован огромный материал в виде вещевых коллекций, хранящийся в настоящее время в Национальном музее Финляндии. Его монография содержит детальные цветные иллюстрации, технические рисунки и схемы, которые позволяют точно идентифицировать и атрибутировать каждый хранящийся предмет.

¹⁸ Heikel A.O. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja (Одежда и орнамент мордвы). 312 s.

Р и с. 1. Трехуровневая структура систематизации орнаментов Гейкеля
F i g. 1. A three-level structure for the systematization of Heikel's ornaments

Источник: рисунок 1 составлен авторами.
Source: Figure 1 is compiled by the authors.

Применение: современные исследователи могут сверять подлинные артефакты из музейных собраний с иллюстрациями Гейкеля для уточнения атрибуции, датировки и региональной принадлежности предметов. В этом нуждаются учащиеся художественных училищ, студенты отделений декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, дизайна (одежды) Института национальной культуры МГУ. им. Н. П. Огарёва, профессиональные вышивальщицы и др.

Важную роль в этом играет издание альбомов, монографий, связанных с изучением национальной одежды, в которых авторы опираются на труды Гейкеля. Здесь выделяется монография Н. Н. Челмакиной, Л. Д. Левиной, О. А. Малаевой «Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение» (2022 г.)¹⁹, где авторы в качестве образцов-идентификаторов предлагают материалы из книги Гейкеля, обозначающие основные векторы развития вышивального искусства мордвы рубежа XIX–XX вв. Издание актуально в связи с его предназначением для мастеров декоративно-прикладного искусства, модельеров, дизайнеров одежды, преподавателей и студентов художественных специальностей.

1.2 Этногенетические исследования.

Возможность: использование зафиксированных Гейкелем параллелей в орнаменте для изучения этногенетических связей финно-угорских народов с другими народами.

Обоснование: Гейкель проследил на материале одежды и вышивок этногенетические и этнокультурные связи мордвы с другими народами.

Применение: данные Гейкеля могут служить отправной точкой для генетической генеалогии и молекулярно-генетических, лингвистических и археологических исследований, направленных на подтверждение гипотез о происхождении и родстве финно-угорских народов. Вышивка указывает на родственные линии, объединенные общей финно-угорской точкой происхождения.

1.3 Семантические и семиотические исследования.

Возможность: использование зафиксированной Гейкелем народной терминологии для реконструкции мифопоэтической картины мира мордвы.

¹⁹ Челмакина Н.Н., Левина Л.Д., Малаева О.А. Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение. 204 с.

Обоснование: Гейкель первым дал семантику знаков мордовской вышивки, их описание и народные названия. Зафиксированные термины отражают различные сферы традиционного мировоззрения.

Применение: современные специалисты по когнитивной лингвистике, этнолингвисты и фольклористы могут использовать эти данные для реконструкции архаических пластов мировоззрения, экспликации растительного культурного кода в декоративно-прикладном искусстве через древесно-растительный код культуры, а также для изучения семантической эволюции орнаментальных мотивов.

1.4 Региональные исследования.

Возможность: использование зафиксированных Гейкелем региональных особенностей для изучения локальных вариантов культуры мокши и эрзи.

Обоснование: Гейкелю удалось не только осуществить глубокое прочтение орнамента костюма, дать его описание, выяснить терминологию, но и отметить региональные особенности бытования одежды. Его наблюдения охватили территорию расселения мордвы в Тамбовской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Симбирской и Казанской губерниях.

Применение: современные полевые исследования могут верифицировать данные Гейкеля, выявляя степень сохранности или трансформации локальных традиций на протяжении XX–XXI вв.

2. Практико-ориентированное применение.

Актуальным направлением развития современных художественных практик является моделирование костюма по этническим мотивам одежды мордвы-мокши и мордвы-эрзи. У истоков становления и дальнейшего развития этого направления стоят известные художники-модельеры – заслуженный деятель искусств Мордовии Л. М. Острась, заслуженный работник культуры РМ Л. Н. Колчанова-Нарбекова, Г. В. Лосева. В процессе дипломного проектирования под их руководством выполняли костюмы студенты Института национальной культуры, Саранского художественного училища им. Ф. В. Сычкова. Благодаря плодотворному сотрудничеству педагогического коллектива и студентов приемы народной вышивки не только возрождаются, но и приобретают новые формы²⁰.

2.1 Реконструкция традиционного костюма.

Изучение основных видов традиционного искусства и локального разнообразия костюмов способствует знакомству с мордовской вышивкой, ткачеством и бисероплетением. Глубокое погружение в тему и структурно-композиционный анализ подлинных предметов народного искусства позволяют создавать работы высокого художественного достоинства в ходе реконструкции национального. Такими являются коллекции костюмов по этническим мотивам «Тялоня» (рис. 2–7)²¹.

Возможность: использование труда Гейкеля как технологического руководства для воссоздания аутентичных костюмных комплексов мастерами-вышивальщицами, в художественных училищах, Институте национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва.

Обоснование: в монографии даются способы вышивания, описываются схемы и характер узоров, приводятся схемы-рисунки костюмов и головных уборов с намеченным кроем и расположением декора, а также пояснения к таблицам, фигурам, отдельным знакам. Около 2000 отдельных видов орнаментов представлены на цветных иллюстрациях, технических рисунках и фотографиях, по которым до сих пор идентифицируют узоры (рис. 8–10)²².

²⁰ Челмакина Н.Н., Левина Л.Д., Малаева О.А. Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение. 204 с.

²¹ Там же.

²² Там же.

Р и с. 2. Е. А. Ключникова-Будкина.
Коллекция костюмов по этническим
мотивам «Тялоня», 2011 г. Руководитель
Л. Н. Колчанова-Нарбекова. Шерсть, бархат,
войлок; вязание, вышивка.
ИНК МГУ им. Н. П. Огарёва
F i g. 2. E. A. Klyuchnikova-Budkina.
Ethnically Inspired Costume Collection
“Tyalonya”, 2011. Supervised
by L. N. Kolchanova-Narbekova.
Wool, velvet, felt; knitting, embroidery.
Institute of National Culture of National
Research Mordovia State University

Р и с. 3. Коллекция костюмов
«Сюлгам», 2006 г. Авторы –
студенты СХУ им. Ф. В. Сычкова.
Руководитель Г. В. Лосева.
Ткань, бисер, бусы; вышивка,
бисероплетение, аппликация
F i g. 3. The Syulgamo
costume collection, 2006.
Created by students
of the F. V. Sychkov Art College.
Supervised by G. V. Loseva. Fabric,
beads, and beadwork; embroidery,
bead weaving, and appliqué

Р и с. 4. Костюм из коллекции «Эрмезь»,
2010 г. Дипломная работа Е. Морозовой.
Руководитель Л. Н. Колчанова-Нарбекова.
Ткань; машинная вышивка, роспись по ткани.
Институт национальной культуры
МГУ им. Н. П. Огарёва
F i g. 4. Costume from the “Ermez” collection,
2010. Diploma project by E. Morozova.
Supervised by L. N. Kolchanova-Narbekova.
Fabric; machine embroidery, fabric
painting. Institute of National
Culture of National Research
Mordovia State University

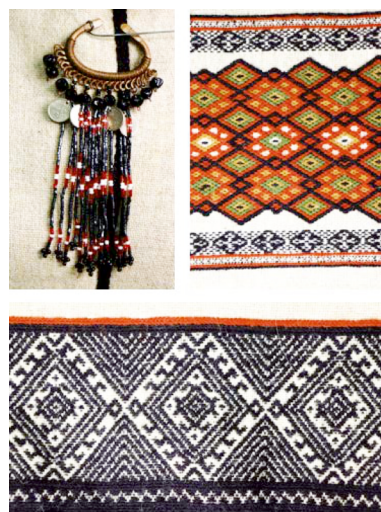

Р и с. 5. А. М. Карпова. Молодежное платье
по мотивам мокшанской вышивки
Зубово-Полянского района, 2003 г.
Руководители Л. М. Острась,
Л. Н. Колчанова-Нарбекова. Рогожка,
мулине, бисер, стеклярус, монеты;
вышивка, бисероплетение
F i g. 5. A. M. Karpova. Youth dress based
on the Moksha embroidery
of the Zubovo-Polyansky district, 2003.
Supervised by L. M. Ostras,
L. N. Kolchanova-Narbekova. Rogozhka,
mulinet, beads, glass beads, coins;
embroidery, beading

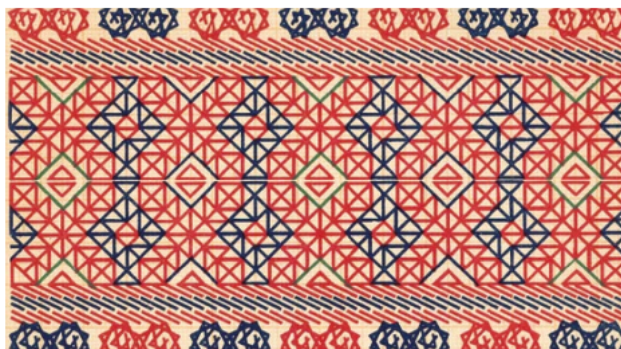
Р и с. 6. Е. М. Альмяшева, Ю. В. Горбунова.
Молодежный ансамбль по мотивам
мокшанской вышивки Белинского района
Пензенской области, 1999 г. Руководители
Л. М. Острась, Л. Н. Колчанова-Нарбекова.
Ткань, мулине, шерсть, бисер, стеклярус,
бусины; вышивка, бисероплетение.
СХУ им. Ф. В. Сычкова

F i g. 6. E. M. Almyasheva, Yu. V. Gorbunova.
Youth ensemble based on Moksha embroidery,
Belinsky district, Penza region, 1999. Supervised
by L. M. Ostras, L. N. Kolchanova-Narbekova.
Fabric, floss, wool, beads, bugle beads, beads; em-
broidery, beadwork.
F. V. Sychkov Art College, Saransk

Р и с. 7. Н. В. Прокина, Р. Р. Юсупова.
Молодежный комплект
по мотивам мокшанской вышивки,
1999 г. Руководитель
Л. Н. Колчанова-Нарбекова. Шерсть,
бисер, монеты; вышивка, мережка,
бисероплетение, ткачество на дощечках.
СХУ им. Ф. В. Сычкова

F i g. 7. N. V. Prokina, R. R. Yusupova.
Youth set based on Moksha embroidery,
1999. Supervised
by L. N. Kolchanova-Narbekova. Wool,
beads, coins; embroidery, openwork,
beadwork, weaving on tablets.
F. V. Sychkov Art College, Saransk

Р и с. 8. Таблица орнамента из книги А. Гейкеля «Одежда и орнаменты мордвы», 1897 г.
F i g. 8. Table of ornaments from the book by A. Heikel “Mordovian Costume and Ornament”, 1897

Применение: мастера декоративно-прикладного искусства могут использовать материалы Гейкеля как готовые технологические карты для воссоздания костюмов различной региональной принадлежности. Подобная работа проводится в Республике Мордовия (рис. 11, 12)²³.

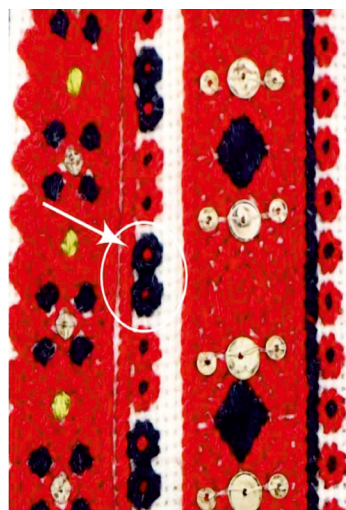
2.2 Деятельность фольклорных коллективов.

Возможность: использование данных Гейкеля для обеспечения аутентичности сценического образа.

²³ Челмакина Н.Н., Левина Л.Д., Малаева О.А. Мордовский костюм: вышивка, ткачество, бисероплетение.

Р и с. 9. Фрагмент вышивки эрзянской рубахи панар. Начало XX в.
Пензенская область,
Городищенский район, с. Вышелей
F i g. 9. Fragment of embroidery
on an Erzya shirt panar. Early 20th century.
Penza region, Gorodishchensky District,
Vysheley village

Р и с. 10. Фрагмент вышивки рубахи,
выполненной по мотивам традиционной
одежды мордвы-эрзи, 2019 г.
Автор О. А. Малаева
F i g. 10. A fragment of embroidery
from a shirt inspired by traditional clothing
of the Erzya Mordovians, 2019.
Author is O. A. Malaeva

Р и с. 11. Мужская рубаха по мотивам
народного костюма, 2019 г.
Лен, хлопок; вышивка,
ткачество на дощечках.
Автор О. А. Малаева
F i g. 11. Men's shirt inspired
by folk costume, 2019.
Linen, cotton; embroidery, board weaving.
Author is O. A. Malaeva

Р и с. 12. Женская рубаха по мотивам
народной одежды, 2016 г. Лен, шерсть,
хлопок, бисер, жетоны; вышивка,
ткачество. Автор А. Леонтьева,
руководитель В. В. Ковалева
F i g. 12. Women's shirt inspired by folk
clothing, 2016. Linen, wool, cotton, beads,
tokens; embroidery, weaving. Author
is A. Leontyeva, supervised by V. V. Kovaleva

Обоснование: наличие точных схем кроя и подлинных названий узоров позволяет реконструировать не только форму, но и семантику традиционного костюма. Это важно для коллективов, стремящихся к достоверному воспроизведению традиционной культуры.

Применение: фольклорный ансамбль, представляющий конкретную локальную традицию, может опираться на материалы Гейкеля для создания костюмов, соответствующих именно данной традиции. В настоящее время государственный и фольклорный ансамбли Республики Мордовия «Умарина» и «Келу», университетский ансамбль танца «Инелей», вокальный «Масторава», фольклорный «Гайги моро», театр моды «Иненармунь», этно-арт-театр «ВАРМА» – все без исключения выступают в сценических костюмах, вышитых с учетом традиционной этнической орнаментики на основе материалов, собранных и систематизированных Гейкелем.

2.3 Этнобрендинг и дизайн.

Возможность: использование визуального наследия Гейкеля для создания современных этнобрендов, сувенирной продукции и дизайнерских коллекций.

Обоснование: монография содержит более 250 цветных иллюстраций и около 2000 схем орнаментов. Этот уникальный визуальный материал может служить источником мотивов для современных дизайнеров.

Применение: создание лицензионных принтов для одежды с использованием аутентичных орнаментов; разработка сувенирной продукции (керамика, текстиль, полиграфия) с элементами традиционного узора; использование мотивов в интерьерном дизайне (ткани, обои, декор); создание брендбуков для этнокультурных проектов и мероприятий.

Этим видом деятельности занимаются театр моды «Иненармунь», этно-арт-театр «ВАРМА», СХУ им. Ф. В. Сычкова, профессиональные вышивальщицы: Т. Н. Гвоздева, В. В. Ковалева, О. А. Малаева, И. В. Хомякова и др., создающие шедевры декоративно-прикладного искусства в виде национальных костюмов (рис. 13).

Коллективы участвуют в выставках, становятся лауреатами международных, всероссийских и региональных конкурсов.

2.4 Образовательные программы.

Возможность: использование материалов Гейкеля в образовательном процессе для изучения традиционной культуры.

Р и с. 13. Костюм Т. Н. Гвоздевой. Фото В. И. Рогачева
F i g. 13. Costume by T. N. Gvozdeva. Image by V. I. Rogachev

Обоснование: труд Гейкеля дает не только визуальное, но и терминологическое представление о мордовском орнаменте, что позволяет выстроить комплексную образовательную программу.

Применение: мастер-классы по традиционной вышивке с использованием оригинальных схем и терминологии; лекционные курсы по истории и семантике мордовского орнамента; учебные пособия для художественных школ и училищ; программы дополнительного образования для мастеров декоративно-прикладного искусства.

Министерство культуры Республики Мордовия проводит регулярные семинары, лектории для районных отделов культуры с привлечением вузовских педагогов, мастеров, вышивальщиц.

3. Технологические применения.

3.1 Цифровая архивация и базы данных.

Возможность: создание цифровых баз данных, сопоставляющих иллюстрации Гейкеля с музейными предметами из российских и финских коллекций.

Обоснование: база данных Финского национального музея уже фиксирует связь коллекций с именем Гейкеля, однако оцифрована только часть коллекций.

Применение: создание специализированного интернет-портала «Орнаментальное наследие А. Гейкеля» с возможностью поиска по типам узоров, региональной принадлежности, терминологии и музейным собраниям.

3.2 Реставрационные работы.

Возможность: использование материалов Гейкеля при реставрации музейных предметов и подлинных костюмов из частных собраний.

Обоснование: детальные технические рисунки и схемы кроя позволяют точно воспроизводить утраченные элементы при реставрации.

Применение: при реставрации музейного предмета с утратами реставратор может обратиться к труду Гейкеля для получения информации об оригинальном крое, расположении декора и технике вышивки.

Как справедливо отмечается в литературе, заслуга Гейкеля состоит в том, что он «навсегда запечатлел исчезающие факты и явления культуры», ввел в научную практику этнографический материал, способствующий глубокому ознакомлению с материальной культурой мордвы, сделал научно-теоретические обобщения и практические выводы, которые «сохранили свою актуальность до настоящего

Таблица 2. Сводная таблица возможностей применения
Table 2. Summary table of application possibilities

Сфера применения / Applications	Конкретные возможности / Specific Capabilities	Пользователи / Users
Музейное дело / Museum studies	Атрибуция предметов, каталогизация, экспертиза / Object attribution, cataloging, and expertise	Музейные сотрудники, искусствоведы / Museum staff, art historians
Этнология / Ethnology	Этногенетические исследования, семантика орнамента / Ethnogenetic research, ornament semantics	Ученые-этнографы, историки / Ethnographers, historians
Реконструкция костюма / Costume reconstruction	Воссоздание кроя, вышивки, региональных вариантов / Recreation of patterns, embroidery, and regional variations	Мастера, реконструкторы / Craft masters and reenactors
Сценическая практика / Staging practice	Создание аутентичных костюмов / Creation of authentic costumes	Фольклорные коллективы / Folklore groups
Дизайн и брендинг / Design and branding	Разработка этнических коллекций, сувениров / Development of ethnic collections and souvenirs	Дизайнеры, предприниматели / Designers, entrepreneurs
Образование / Education	Учебные пособия, мастер-классы / Educational aids, master classes	Преподаватели, студенты / Teachers, students
Цифровые технологии / Digital technologies	Базы данных, виртуальные музеи / Databases, virtual museums	IT-специалисты, библиотеки / IT specialists, librarians

времени» [13]. Это открывает широкие возможности для применения данных Гейкеля в различных сферах: от фундаментальной академической науки до практической деятельности мастеров, дизайнеров и фольклорных коллективов.

Заключение

Обоснование тезиса о выходе труда Гейкеля за рамки пассивного архивного источника опирается на четыре взаимосвязанные характеристики его монографии:

1) технологическая полнота: около 2000 схем орнаментов, детальные описания кроя и техник вышивки преобразуют книгу в практическое руководство для воссоздания костюма;

2) семантическая глубина: впервые зафиксированная Гейкелем народная терминология («нумолонь пилеть», «вете кить», «меше пильге») раскрывает мифопоэтическую картину мира, закодированную в орнаменте, позволяя реконструировать не только форму, но и содержание традиции;

3) региональная определенность: привязка материала к конкретным территориям бытования дает возможность современным коллективам воспроизводить аутентичный локальный вариант костюма;

4) музейная верификация: собранные Гейкелем коллекции, хранящиеся в Национальном музее Финляндии и описанные в его монографии, создают возможность сверки реконструкций с подлинными артефактами. Совокупность этих факторов позволяет рассматривать труд Гейкеля не как архивный раритет, а как действующее «методическое руководство», обеспечивающее преемственность между научной традицией XIX в. и современными практиками ревитализации культурного наследия.

Труд А. О. Гейкеля «Одежда и орнамент мордвы» можно считать эталонным источником материальной культуры мордовского народа конца XIX в., ценность которого обусловлена комплексностью подхода и высоким качеством визуальной фиксации материала. Систематизация орнаментов, описание технологий и фиксация аутентичной терминологии выводят эту работу за рамки обычного этнографического описания.

Дальнейшее изучение наследия А. О. Гейкеля видится в создании цифровой базы данных орнаментов с привязкой к музейным коллекциям России и Финляндии, в верификации зафиксированной им народной терминологии в ходе новых полевых исследований на территориях бывших Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний, а также в разработке на основе его схем верифицированных реконструктов костюмных комплексов для использования в образовательных программах художественных училищ и центров народных ремесел. Отдельного внимания заслуживает критический анализ роли информантов в формировании «канонического» образа мордовского костюма в европейской науке конца XIX в. Таким образом, перспективы изучения наследия А. О. Гейкеля лежат на стыке источниковедения, цифровых гуманитарных наук, экспериментальной этнографии и истории науки. Реализация обозначенных перспектив позволит не только углубить научное понимание материальной культуры мордвы, но и расширить практические возможности для ее устойчивого воспроизведения в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонова А.Ю. Изучение региональных особенностей народной культуры (на материале мордвы Симбирской губернии). *Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств*. 2019;(14):135–139. <https://elibrary.ru/jsxqdb>
2. Рогачев В.И. Аксель Гейкель: Страницы жизни и деятельности. *Вестник Мордовского университета*. 1997;(1):63–66.

3. Шигурова Т.А. Нагрудные украшения середины XIX в. в мокшанском женском костюме Инсарского уезда: локальный вариант сел Левжа, Перхляй, Сузгарье. *Финно-угорский мир*. 2023;15(3):368–379. URL: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/4687> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Загребин А.Е. Аксель Олай Хейкель: бремя первого. Из истории финно-угорской этнографии. *Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и Филология*. 2019;29(1):29–36. <https://elibrary.ru/wgaygy>
5. Цыденова Н.В., Чагдурова М.М. Археологические исследования Акселя Гейкеля в Забайкалье. *Теория и практика археологических исследований*. 2024;36(4):217–227. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-14)
6. Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н. О вкладе финских исследователей в изучение этнографии мордовского народа. *История и современное мировоззрение*. 2019;1(4):72–76. <https://elibrary.ru/xaidnw>
7. Бикейкин Е.Н., Гусева Т.М., Куршева Г.А. Традиционная культура мордвы Казанской губернии: историко-этнографический аспект. *Финно-угорский мир*. 2025;17(1):80–89. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.080-089>
8. Korolainen K. Perinnetietee ja piirrosten tieto: Piirrosten asema Axel Olai Heikelin ja Elsa Enäjärvi-Haavion tutkimuksissa. *Elore*. 2014;21(2).
9. Корнишина Г.А. Традиционные женские головные уборы мордвы в контексте этнической и территориальной идентичности. *Финно-угорский мир*. 2020;12(2):184–193. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.02.184-193>
10. Лунина М.В. Символика праздничного костюма мордвы. *Огарёв-online*. 2015;(3). <https://elibrary.ru/tmoeaz>
11. Шигурова Т.А. Семантика ткани как основы мордовской вышивки. *Финно-угорский мир*. 2021;13(3):308–320. URL: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/3836> (дата обращения: 17.04.2026).
12. Левина Л.Д. Роль научных исследований А.О. Хейкеля в сохранении и развитии мордовской вышивки. *Краеведческие записки*. 2013;(20):49–53. <https://elibrary.ru/wydhxz>
13. Рогачев В.И., Карабанова Н.В. Этническая символика финно-угров и ее функции (на примере эрзянской и мокшанской семиотико-кодификационных систем). *Финно-угорский мир*. 2024;16(4):514–517. URL: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/5456> (дата обращения: 17.03.2026).
14. Рябов Н.В. Традиции мордовского орнамента в общей концепции народной культуры Поволжья. *Вестник Башкирского университета*. 2014;19(2):671–674. <https://elibrary.ru/smtfcx>
15. Кудрявцев В.Г. Изучение народного искусства Поволжья финским художником Агатом Рейнхольмом. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014;(12–2):166–168. <https://elibrary.ru/tfgnfb>
16. Kirshenblatt-Gimblett B. Intangible Heritage as Metacultural Production. *Museum International*. 2014;56(1–2):52–64. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1111/muse.12070> (дата обращения: 17.03.2026).
17. Salminen T. National and International Influences in the Finnish Archaeological Research in Russia and Siberia. *Fennoscandia Archaeologica*. 2003;(20):101–114. URL: <https://journal.fi/fennoscandiaarchaeologica/article/view/126711> (дата обращения: 17.03.2026).
18. Деникаева Е.А. К проблеме историографии изучения орнаментики финно-угорских народов (на примере орнаментальных мотивов мордвы-эрзи и мокши). *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2011;(12–1):270–280. <https://elibrary.ru/opicz>

REFERENCES

1. Tikhonova A.Yu. [Study of Regional Features of Folk Culture (Based on the Mordvins of Simbirsk Province)]. *Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts*. 2019;(14):135–139. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jsxqdb>
2. Rogachev V.I. [Axel Heikel: Pages of Life and Work]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 1997;(1):63–66. (In Russ.)

3. Shigurova T.A. Breast Decorations of the Middle of the XIX Century in the Moksha Women's Costume of the Insar District: A Local Version of the Villages of Levzha, Perkhlyai, Suzgarye. *Finno-Ugric World*. 2023;15(3):368–379. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/4687> (accessed 17.04.2026).
4. Zagrebin A.Ye. Axel Olai Heikel: Burden of the First. From the History of Finno-Ugric Ethnography. *Bulletin of Udmurt University. Ser.: History and Philology*. 2019;29(1):29–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/wgaygy>
5. Tsydenova N.V., Chagdurova M.M. Archaeological Studies of Axel Heikel in Transbaikalia. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(4):215–223. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(4\).-14](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(4).-14)
6. Mokshin N.F., Mokshina E.N. On the Contribution of Finnish Researchers to the Study of Ethnography of the Mordovian People. *History and Modern Perspectives*. 2019;1(4):72–76. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xaidnw>
7. Bikeykin E.N., Guseva T.M., Kursheva G.A. The Traditional Culture of the Mordovians in the Kazan Province: A Historical and Ethnographic Perspective. *Finno-Ugric World*. 2025;17(1):80–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.01.080-089>
8. Korolainen K. Perinnetietet ja piirrosten tieto: Piirrosten asema Axel Olai Heikelin ja Elsa Enäjärvi-Haavion tutkimuksissa. *Elore*. 2014;21(2). (In Finn.)
9. Kornishina G.A. Mordovian Traditional Women's Headdresses in the Context of Their Ethnic and Territorial Identity. *Finno-Ugric World*. 2020;12(2):184–193. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.012.2020.02.184-193>
10. Lunina M.V. [The Symbolism of the Mordovian Holiday Costume]. *Ogarev-online*. 2015;(3). (In Russ.) <https://elibrary.ru/tmoeaz>
11. Shigurova T.A. Fabric Semantics as a Basis of Mordovian Embroidery. *Finno-Ugric World*. 2021;13(3):308–320. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/3836> (accessed 17.04.2026).
12. Levina L.D. [The Role of A.O. Heikel's Scientific Research in the Preservation and Development of Mordovian Embroidery]. *Kraevedcheskie zapiski*. 2013;(20):49–53. (In Russ.) <https://elibrary.ru/wydhxz>
13. Rogachev V.I., Karabanova N.V. Ethnic Symbols of the Finno-Ugrians and Its Functions (on the Example of the Erzya and Moksha Semiotic Codification Systems). *Finno-Ugric World*. 2024;16(4):514–517. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/ru/archives/5456> (accessed 17.03.2026).
14. Ryabov N.V. Traditions of the Mordovian Ornament in the General Conception of the Volga Region National Culture. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*. 2014;19(2):671–674. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/smtfcx>
15. Kudryavtsev V.G. [Study of the Volga Region's Folk Art by the Finnish Artist Agaton Reinholm]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2014;(12–2):166–168. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tfgnfb>
16. Kirshenblatt-Gimblett B. Intangible Heritage as Metacultural Production. *Museum International*. 2014;56(1–2):52–64. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1111/muse.12070> (accessed 17.03.2026).
17. Salminen T. National and International Influences in the Finnish Archaeological Research in Russia and Siberia. *Fennoscandia Archaeologica*. 2003;(20):101–114. Available at: <https://journal.fi/fennoscandiaarchaeologica/article/view/126711> (accessed 17.03.2026).
18. Denikaeva E.A. To the Problem of Historiography of Studying the Ornaments of the Finno-Ugric Peoples (by the Example of Ornamental Themes of the Mordovians-Erzy and Moksha). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2011;(12–1):270–280. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/opicuz>

Информация об авторах:

Рогачев Владимир Ильич, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевицкая, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>, rogachev-v@bk.ru

Гордина Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, директор редакции научных журналов Высшей школы развития научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, sciedit@mrsu.ru

Немечкин Василий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, директор Межрегионального научного центра финно-угроведения МГУ им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3650-4185>, modmn@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

В. И. Рогачев – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи.

С. В. Гордина – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи: критический анализ черновика рукописи, внесение замечаний и исправлений членами исследовательской группы, в том числе на этапах до и после публикации.

В. Н. Немечкин – проверка воспроизводимости результатов исследования в рамках задач работы; осуществление научно-исследовательского процесса, включая сбор данных.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.03.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 28.04.2026.

Information about the authors:

Vladimir I. Rogachev, Dr.Sci. (Philos.), Associate Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center for Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>, rogachev-v@bk.ru

Svetlana V. Gordina, Cand.Sci. (Ped.), Director of the Editorial Board of Scientific Journals, Higher School for Development of Scientific and Educational Potential, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, sciedit@mrsu.ru

Vasily N. Nemechkin, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3650-4185>, modmn@mail.ru

Authors' contribution:

V. I. Rogachev – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work.

S. V. Gordina – ideas; formulation or evolution of overarching research goals and aims; preparation and creation of the published work by those from the original research group, specifically critical review, commentary or revision – including pre- or post-publication stages.

V. N. Nemechkin – verification of the reproducibility of the research results within the framework of the objectives of the research; conducting a research and investigation process, specifically performing the data.

All authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 07.03.2026; revised 21.04.2026; accepted 28.04.2026

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ETHNOCULTURAL HERITAGE

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.254-270>

<https://elibrary.ru/jrycmj>

УДК / UDC 94:391(470.40)

Оригинальная статья / Original article

Музыкально-этнографическая традиция мордвы-мокши Пензенской области: к проблеме выявления музыкальных диалектов

И. А. Матвеева

*Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация, <https://ror.org/056r5vk88>
redkina1983@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Вторая половина XX в. характеризуется устойчивым ростом интереса к духовной культуре финно-угорских народов, результатом которого стали масштабные экспедиции во многие регионы России. Сегодня традиции мордвы Пензенской области обладают высокой степенью сохранности, однако до настоящего времени не рассматривались исследователями в контексте выявления местных музыкальных диалектов. Пензенская мордва, являясь частью финно-угорского этноса, имеет в музыкально-этнографической традиции общемордовские стилевые черты. В то же время свой отпечаток наложила значительная удаленность от центрального очага мордовской культуры, сложившегося на территории Республики Мордовия. В связи с этим проблема исследования связана с процессом консолидации местных песенных стилей на этноконтактных территориях. Важность проблемы обусловлена необходимостью самоопределения и самоидентификации мордвы в современном мире и сохранением подлинного культурного наследия народа. Цель исследования – изучение и анализ музыкально-этнографической традиции компактно расположенных сел Шемышейского и Городищенского районов Пензенской области.

Материалы и методы. Материалом исследования являются экспедиционные записи, выполненные автором статьи в мокша-мордовских селах с 2005 по 2025 г. В работе сочетаются методика историко-сравнительного анализа и этнографический подход к фиксации и последующей систематизации полученных сведений. Так, историко-сравнительный анализ применялся при работе с источниками, раскрывающими миграционные передвижения мордвы по территории пензенского края. Этнографический подход стал основой полевых исследований, в ходе которых фиксировался широкий круг сведений (песенный и хореографический фольклор, описания земледельческих и семейно-бытовых обрядов, мифологические представления и др.). Систематизация затрагивала не только данные современных экспедиций, но и обработку материалов иных собирателей, выполненных в исследуемых районах. Изучение жанров музыкального фольклора потребовало обращения к терминологии и методике, утвержденной в трудах ведущих музыковедов-фольклористов Н. Н. Гиляровой, В. М. Щурова, Г. Я. Сысоевой.

Результаты исследования и их обсуждение. В мокшанских поселениях, расположенных на стыке Городищенского и Шемышейского районов, сформировался местный музыкальный диалект с центром в с. Старая Ясарка. При этом музыкально-этнографическая традиция на разных уровнях отражает различные историко-культурные тенденции. Так, народный костюм демонстрирует влияние окружающих эрзянских сел, а в мокшанской разговорной речи встречаются вкрапления эрзянских слов. На музыкальном уровне прослеживается иная тенденция. Обширный песенный репертуар основан на самобытных песенных сюжетах и имеет выраженные жанровые доминанты (весенние песни с движением, песни свахи и песни рода невесты). Устойчивыми чертами музыкального диалекта являются разновидности фактуры, тесно связанные с тем или иным песенным жанром, а также такие значимые черты стиля, как подвижность звуковысотного строя, обилие мелкой вокальной техники (в том числе голосовых «спадов» вверх), акцентирование звуков в распевах, приводящее к появлению слоговых вставок.

© Матвеева И. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Несмотря на современную динамику социально-культурных процессов, выявленные характеристики обладают значительной устойчивостью и являются маркером местного мокша-мордовского музыкального диалекта. Данные выводы вносят вклад в современную этномузикологию и задают вектор для дальнейших исследований. Представленные материалы могут быть полезны при выявлении иных мордовских музыкальных диалектов, а также помогут скорректировать сложившееся представление о процессе консолидации песенных стилей на этноконтактных территориях.

Ключевые слова: мордва, мокша, эрзя, локальные традиции, Старая Яксарка, фольклор Пензенской области, музыкальный диалект, Пензенская область

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Матвеева И.А. Музыкально-этнографическая традиция мордвы-мокши Пензенской области: к проблеме выявления музыкальных диалектов. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):254–270. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.254-270>

The Musical and Ethnographic Tradition of the Moksha-Mordovians of the Penza Region: Toward the Identification of Musical Dialects

I. A. Matveeva

Penza State University, Penza, Russian Federation,
<https://ror.org/056r5vk88>
 redkina1983@rambler.ru

Abstract

Introduction. The second half of the twentieth century was characterized by a steadily growing interest in the spiritual culture of the Finno-Ugric peoples, resulting in large-scale expeditions to numerous regions of Russia. Today, the traditions of the Mordovian people of the Penza Region demonstrate a high degree of preservation; however, they have not yet been examined by researchers in the context of identifying local musical dialects. As part of the Finno-Ugric ethnic community, the Penza Mordovian share common Mordovian stylistic features within their musical and ethnographic tradition. At the same time, their tradition has been shaped by the considerable distance from the central core of Mordovian culture, which developed within the territory of the Republic of Mordovia. In this regard, the research problem is associated with the process of consolidation of local song styles in ethnocontact areas. The significance of this issue is determined by the need for self-determination and self-identification of the Mordovian people in the contemporary world, as well as by the importance of preserving their authentic cultural heritage. The aim of the study is to investigate and analyze the musical and ethnographic traditions of the compactly settled villages of the Shemysheysky and Gorodishchensky districts of the Penza Region.

Materials and Methods. The research material consists of field records collected by the author during expeditions to Moksha-Mordovian villages between 2005 and 2025. The study combines the methodology of historical-comparative analysis with an ethnographic approach to the documentation and subsequent systematization of the collected data. Historical-comparative analysis was employed in the examination of sources revealing the migration movements of the Mordovian population across the territory of the Penza region. The ethnographic approach served as the foundation for the fieldwork, during which a wide range of information was documented, including song and dance folklore, descriptions of agricultural and family-domestic rituals, mythological beliefs, and other aspects of traditional culture. The process of systematization encompassed not only data obtained during recent field expeditions but also the processing of materials collected by other researchers in the areas under study. The investigation of musical folklore genres required the use of terminology and methodological principles established in the works of leading ethnomusicologists and folklore scholars, including N. N. Gilyarova, V. M. Shchurov, and G. Ya. Sysoeva.

Results and Discussion. In the Moksha settlements located at the junction of the Gorodishchensky and Shemysheysky districts, a local musical dialect has developed, centered in the village of Staraya Yaksarka. At the same time, the musical and ethnographic tradition reflects different historical and cultural tendencies at various levels. Thus, the traditional folk costume demonstrates the influence of the surrounding Erzya villages, while Moksha spoken language contains occasional Erzya lexical borrowings. At the musical level, however, a different tendency can be observed. The extensive song repertoire is based on distinctive indigenous song narratives and is characterized by pronounced genre dominants, including spring songs accompanied by movement, matchmaker songs, and songs of the bride's kin group. Stable features of this musical dialect include specific types of texture closely associated with particular song genres, as well as such significant stylistic traits as the flexibility of pitch organization, the abundance of fine vocal ornamentation (including upward vocal "falls"), and the accentuation of individual tones within melismatic passages, resulting in the emergence of additional syllabic insertions.

Conclusion. Despite the contemporary dynamics of socio-cultural processes, the identified characteristics demonstrate considerable stability and serve as markers of the local Moksha- Mordovian musical dialect. These findings contribute to contemporary ethnomusicology and provide a direction for future research. The materials presented may prove useful for the identification of other Mordovian musical dialects and may also help refine the current understanding of the processes underlying the consolidation of song styles in ethnocontact territories.

Keywords: Mordvins, Moksha, Erzya, local traditions, Old Yaksarka, Penza region folklore, musical dialect, Penza region

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Matveeva I.A. The Musical and Ethnographic Tradition of the Moksha-Mordovians of the Penza Region: Toward the Identification of Musical Dialects. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):254–270. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.254-270>

Введение

К настоящему времени в отечественной фольклористике актуальным остается круг проблем, касающихся выявления региональных и локальных песенных традиций. Это связано с тем, что традиции населения ряда регионов России изучены настолько глубоко, что позволяют выделить многочисленные музыкальные диалекты внутри крупных региональных стилей. Например, сегодня известны традиции воронежско-белгородского пограничья [1; 2], Курского Попселья [3], рязанской и пензенской мещеры [4; 5], воронежско-липецкого пограничья, русско-белорусско-украинского пограничья [6; 7] и др.¹

Не так давно проблема выявления музыкальных диалектов коснулась и песенной культуры мордвы – в центре внимания финно-угроведов оказалось фольклорное наследие Республики Мордовия, содержащее многочисленные архаичные черты² [8; 9]. Актуальность данной темы обусловлена быстротечностью социально-культурной трансформации: автоматизация крестьянского хозяйства, точные знания метеорологии и научно-обоснованная агротехника не способствуют сохранению древних воззрений и связанных с ними ритуалов и песен. Тем не менее отдельные аспекты духовной культуры, прежде всего язык и этническое самосознание, позволили мордовскому народу сохранить многочисленные реликты фольклорной песенной традиции.

В этом контексте песенные традиции мордвы, проживающей на территории Пензенской области, представляются особенно интересными. С одной стороны, являясь частью финно-угорского этноса, пензенская мордва имеет в музыкально-этнографической традиции общемордовские стилевые черты, с другой – свой отпечаток наложила значительная удаленность от метрополии. При этом если русские локальные традиции представлены в Пензенской области относительно крупными очагами (от 5-6 до 15-20 населенных пунктов) с четкими границами³ [5; 10], то мордва по большей части расселялась на территории края чересполосно: мокшанские и эрзянские села чередовались друг с другом с вкраплениями татарских и русских поселений. Подобная пестрота сохраняется и в наши дни. Поскольку этномузыкальные исследования, посвященные проблеме консолидации местных песенных стилей пензенского края, к настоящему времени практически не проводились, рационально сосредоточить внимание на группе компактно расположенных сел с центром в Старой Ясарке

¹ Савельева Н.М. Региональная стилистика русской народной музыки. Русско-белорусско-украинское пограничье. Исследование. М.: Композитор; 2005. 191 с.

² Мордовские народные песни. Автор-сост. Г. И. Сураев-Королев. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 2015. 336 с.

³ Сагадатова А.А. Динамические изменения в песенной традиции села Канаевка Городищенского района Пензенской области за последние 40 лет. В: Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Новое время; 2020. С. 38–46. <https://elibrary.ru/gkhdzbz>; Дарьина В.И. Локальные традиции исполнения протяжной лирики Пензенской области. В: Музыкальный фольклор народов России: мат-лы науч.-практ. конф. М.: МГИК; 2018. С. 85–90. <https://elibrary.ru/zajvvj>

Шемьшейского района Пензенской области. Цель исследования – выявить у мордовского населения Пензенской области локальные песенные стили, а также определить, существует ли устойчивая жанровая система в музыкальном диалекте с. Старая Яксарка.

Обзор литературы

Обращаясь к проблеме выявления музыкальных диалектов, необходимо отметить, что все еще остаются дискуссионными вопросы, касающиеся как терминологического плана, так и понятийного аппарата. Ведущие музыковеды-фольклористы предлагают свою трактовку таких ключевых понятий, как «региональный», «локальный», «узколокальный» и «очаговый» песенный стиль, и декларируют в своих работах определенный комплекс признаков, указывающий на целостность песенной системы и формирование музыкального диалекта⁴ [11; 12]. При этом большая часть исследователей указывает на необходимость изучения историко-культурных факторов формирования традиции, особенностей ритуальных циклов (земледельческого и семейно-бытового), номенклатуры песенных жанров с доминирующим жанром, особенностей ритмического и ладового строения песен типа многоголосия и др.

Рассматривая фольклорное наследие пензенской мордвы в данном контексте, отметим, что традиции мокши и эрзи Пензенской области нередко исследуются в неразрывной взаимосвязи⁵, а единичные попытки выявления локальных групп осуществляются либо на основе историко-статистических данных, либо по результатам анализа комплексов женской традиционной одежды⁶. Так, исследователь Г. А. Корнишина выделяет три обширные историко-культурные зоны: чембарско-белинскую, центрально-северо-западную и юго-западную, при этом исследователь не дифференцирует традиции мокши и эрзи, а рассматривает их в совокупности, мотивируя такой подход общими миграционными процессами. Подобные выводы хотя и обладают большим значением, однако требуют корректировки и уточнения, поскольку, по нашим данным, уже на уровне репертуара и иерархии песенных жанров возникают существенные различия между камешкирской и шемьшейской мордвой, относимой к одной зоне [13].

Традиции мордвы Пензенской области не часто становились объектом полноценного исследования. Так, рукописи Императорского Русского географического общества (ИРГО), систематизированные Д. К. Зелениным, содержат единичные сообщения о погребальных обрядах мордвы с. Вазерки Мокшанского уезда, а также включают в себя этнографические сведения общего характера (датированы 1856 г.)⁷.

В местной дореволюционной периодике – Пензенских губернских ведомостях и Пензенских епархиальных ведомостях – содержатся краткие заметки и описания, подготовленные уездными священнослужителями и посвященные ключевым аспектам духовной жизни мордвы. В центре внимания оказываются самобытные

⁴ Сысоева Г.Я. Музыкальные диалекты: критерии и методы выделения (на южнорусском материале). В: Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования: мат-лы Междунар. науч. конф. М.: РАМ им. Гнесиных; 2008. С. 184–198; Лапин В.А. Русский музыкальный фольклор и история (к феноменологии локальных традиций): Очерки и этюды. М.: Русская песня; 1995. 200 с; Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и белорусского пограничья. В: Традиционное народное музыкальное искусство и современность (вопросы типологии). Труды ГМПИ им. Гнесиных. Вып. 60. М.: ГМПИ им. Гнесиных; 1982. С. 5–13; Щуров В.М. О региональных традициях в русском народом музыкальном творчестве. В: Музыкальная фольклористика. Т. 3. М.: Советский композитор; 1986. С. 11–47.

⁵ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 11. Народные песни мордвы Пензенской области. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1987. 197 с.; Первушкин В.И., Прошкин В.Я. Мордва Пензенской области. Саранск; Ковылкино: Ковылкинская типография; 2010. 153 с.

⁶ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука; 1973. 214 с.

⁷ Зеленин Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пензенская губерния. XXVIII. № 14. Петроград; 1915. С. 971–974, 983.

и специфические ритуалы календарного и похоронно-поминального циклов, а также упоминаются моления-озксы в значимые даты земледельческого календаря⁸.

Долгое время статьи в провинциальной периодике оставались единственными источниками, фиксирующими в соответствии с веяниями времени наиболее любопытные на взгляд собирателя факты архаичной культуры. И если отдельные ритуалы описаны довольно подробно, что объясняется непосредственным их наблюдением, то песни из-за непонимания иного языка были недоступны русскоязычным священникам для записи. Только в 1987 г. увидела свет первая публикация, полностью посвященная устно-поэтическому творчеству пензенской мордвы⁹. Результаты экспедиций Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, продолжавшихся с 1948 до 1985 г., нашли отражение в 165 текстах песен. Ценность данного собрания состоит в наличии вариантов текстов из разных сел, географическом охвате (представлены все районы с мордовскими поселениями), точной паспортизации. Имеются здесь и тексты, записанные в исследуемом нами Шемьшейском районе – всего 22 образца.

Несмотря на то что в настоящее время песни и ритуалы пензенской мордвы обладают неплохой сохранностью, они практически не описаны с позиций музыкальной фольклористики. Если первая публикация русских песен пензенского края состоялась еще во второй половине XIX в.¹⁰, то мордовские напевы были впервые опубликованы только в 1990-х гг. Результаты фольклорных экспедиций 1970–1980-х гг. музыковедов-фольклористов Т. М. Ананичевой, Н. Н. Гиляровой лаконично представлены в нотографических публикациях и исследованиях¹¹ [14], а также в формате аудиоизданий. Общая направленность указанных работ – анализ функционирования песенной традиции в полиэтнической среде, исторически сложившейся в Пензенской области. Ценными представляются немногочисленные нотации мордовских песен из сс. Нижний Мывал, Вачелай, Тешнярь Сосновоборского района, Старая Яксарка и Старое Дёмкино Шемьшейского района и этнографические описания обрядов, зафиксированных в Большом Пермиево Никольского района, Шугурово, Шкудуме, Пичилейке, Верхнем Катмиссе Сосновоборского района. Мордовские песни Сосновоборского района можно услышать на пластинке «Фольклор народов России», а компакт-диск «Ключа, ключа позолоченная» репрезентирует образцы инструментальной и вокальной музыки из Колдаиса, Старой Яксарки, Синодского, Старого Дёмкина Шемьшейского района¹².

Полноценное и глубокое исследование мордовских традиций Пензенской области проводилось также под руководством Н. И. Бояркина и Г. И. Сураева-Королёва, но зафиксированные материалы не вошли в состав таких фундаментальных изданий, как «Памятники мордовского народного музыкального искусства» и «Мордовские

⁸ Прозин Н.В. Картины мордовского быта. *Пензенские губернские ведомости*. 1865;(39):124–136. 1865;(40):98–107; 20–27; Эпизоды из жизни мордвы Городищенского уезда. *Пензенские губернские ведомости*. 1876;(127); Русанов И. Мордовский молян (праздник). *Пензенские епархиальные ведомости*. 1868;(1):213; Снежицкий А. Праздник «Петрооскс» – Петров молян в день Св. Апостолов Петра и Павла в мордовском селе К-се. *Пензенские епархиальные ведомости*. 1870;(20):647–655; Снежицкий А. Мордовский праздник «Вермавы» (Вербного воскресения) и «Вирявы». *Пензенские епархиальные ведомости*. 1871;(19):588–597, 1871;(20):627–634; Иллостров М. Обряды мордвов при погребении и поминовении умерших и вероучение их о загробной жизни. *Пензенские епархиальные ведомости*. 1871;(3):72–82.

⁹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 11. 197 с.

¹⁰ Римский-Корсаков Н.А. Сто русских народных песен: для голоса с фортепиано. Соч. 24. Предисл. и примеч. автора. М.: Музыка; 1977. 224 с.

¹¹ Ананичева Т.М., Суханова Л.В. Песенные традиции Поволжья. М.: Музыка; 1991. С. 100–101; Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). В: Музыка устной традиции: материалы междунар. конф. памяти А. В. Рудневой. М.: МГК им. П. И. Чайковского; 1999. С. 91–101. <https://elibrary.ru/yvpast>; Гилярова Н.Н. Об особенностях весенних хороводных песен русско-мордовского пограничья (Пензенская область). В: Проблемы композиции народной песни. Сост. Т.А. Старостина. Вып. 10. М.: МГК им. П. И. Чайковского; 1997. С. 10–126. <https://elibrary.ru/ykyogt>; Гилярова Н.Н. Свадебные традиции русско-мордовского пограничья. В: Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Новое время; 2020. С. 22–32. <https://elibrary.ru/cdstzg>

¹² Фольклор народов России [пластинка]. Мелодия. 1988. С90 27055 004; Ключа, ключа позолоченная. Народные песни и инструментальные наигрыши Пензенской области. 1996. RDCD00484.

народные песни»¹³, хотя именно здесь впервые была предпринята попытка выявить мордовские музыкальные диалекты и систематизировать песенный материал не только по жанровым, но и по территориальным признакам. И только недавно вышедший сборник мордовских песен, подготовленный Н. И. Бояркиным и адресованный работникам сельских домов культуры и руководителям самодеятельных мордовских ансамблей, представил песенные традиции пензенской мордвы во всей полноте¹⁴.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили экспедиционные записи, выполненные автором в с. Старая Яксарка Шемьшейского района (2005, 2016, 2022, 2025 гг.)¹⁵. С целью сопоставления привлекаются музыкально-этнографические данные из других сел Шемьшейского района (Новая Яксарка, Новый Мачим, Старое Дёмкино, Колдаис, Наскафтым), а также из Городищенского (сс. Пазелки, Вышелей, Мордовский Ишим), Камешкирского (сс. Мокрый Дол, Кулясово, Мамадыш), Бессоновского (с. Степановка) и Сосновоборского (с. Вачелай) районов, зафиксированные как автором статьи, так и иными собирателями. В частности, изучены аудиоматериалы и нотации песен Н. С. Малькова (1978, 1983 гг.), Е. О. Кутаевой (Модиной) (2002 г.), И. С. Егоркиной и О. В. Грачевой (2024 г.) и других фольклористов¹⁶.

Сопоставляя имеющиеся материалы, можно отметить, что из всех указанных сел именно в Старой Яксарке сохраняется наиболее обширный песенный репертуар, включающий в себя сегодня около 50 песен (большая часть из них – архаичные обрядовые напевы на мордовском языке). Поскольку респонденты были непосредственными участниками или действующими лицами традиционных земледельческих и семейно-бытовых обрядов, в ходе экспедиционных выездов удалось зафиксировать подробные этнографические сведения. Все респонденты были проинформированы об участии в исследовании.

Изучение историко-этнографических источников потребовало применения методов историко-сравнительного анализа. Этнографический подход был реализован при фиксации музыкально-этнографического материала в полевых (экспедиционных) условиях, а также при систематизации полученных данных. Изучение жанров музыкального фольклора позволило обратиться к терминологии и методике, утвержденной в трудах ведущих музыковедов-фольклористов Н. Н. Гиляровой, В. М. Щурова, Г. Я. Сысоевой и др.

Результаты исследования и их обсуждение

Прошлое пензенского края характеризуется сложно протекающими хронологически неравномерными процессами. Имелось несколько переселенческих волн, благодаря которым земли вдоль берегов р. Суры осваивались, затем, при дальнейшем продвижении тех или иных народов вглубь страны, вновь приходили в запустение, а вновь осваивались уже представителями нового этноса¹⁷. Именно этим обусловлено сложившееся на исследуемой территории чересполосное проживание мордвы-мокши, мордвы-эрзи, русских и татар, а также их численная неравномерность. В частности, в Шемьшейском районе преобладают мордовские эрзянские поселения, образующие различной величины «кусты сел». Например, практически на одной линии

¹³ Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 1. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. Н.И. Бояркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1981. 292 с., Т. 2. 1984. 320 с., Т. 3. 1988. 337 с.; Мордовские народные песни. Автор-сост. Г.И. Сураев-Королёв. 334 с.

¹⁴ Бояркин Н.И. Моронь пусмо: Пенза ёнксонь мохшэрзянь раськень морот. Песенный венок: народные песни мордвы пензенского края. Под общ. ред. Л. Б. Бояркиной. Пенза: Пензенская правда; 2012. 223 с.

¹⁵ Данные материалы находятся в личном архиве автора.

¹⁶ Фонограммы звукозаписей Е. О. Кутаевой (Модиной), Р. В. Аржаева, А. И. Итяниной, Н. С. Малькова и других собирателей хранятся в архиве отделения сольного и хорового народного пения Пензенского музыкального колледжа им. А. А. Архангельского и до настоящего времени не каталогизированы.

¹⁷ Хвощев А.Л. Очерки по истории Пензенского края. Пенза: Гос. изд-во. Пензенское отд.; 1922. 150 с.

с северо-запада на юго-восток протянулись сс. Усть-Мурза, Старое Дёмкино, Старое Захаркино, Старое Назимкино, Наумкино, Мордовская Норка, Армиёво; на юго-востоке района компактно расположены Каржимант, Мачкасы и Азрапино; в северо-восточной зоне сгруппированы сс. Арапино, Наскафтым, Старый Мачим и Новый Мачим. Мокшанские села при этом единичны и практически все расположены вдоль берега Суры с юга на север: Новая Яксарка, Старая Яксарка, Ивановка, Колдаис¹⁸. К этой же цепочке поселений можно отнести и Мордовский Ишим Городищенского района, фактически находящийся в окружении русских сел. Подобное объединение основывается на общих для каждой группы поселений условиях основания и последующего существования. Так, Старое Дёмкино, Старое Захаркино и другие близлежащие эрзянские села основаны в один промежуток времени, не позднее 1689 г., ясачной мордвой вдоль крупного тракта, соединявшего Саратов и Пензу¹⁹. Мокшанские же села были образованы позднее – в 1700-х гг. в результате привлечения мордвы для строительства и обеспечения последующего функционирования сызранско-пензенской и петровской оборонительных линий (рис. 1).

Вероятно, эрзянское окружение и его численное доминирование привело к заимствованию мокшей элементов женского костюма, характерного лопатообразного головного убора *панго*, а также к бытованию двойных наименований. Приведем фрагмент репортажа, посвященного описанию женской одежды: «Рубаха – алга панар или руця. Алга панар – нижняя рубаха, па-другому руця. У нас здесь костюм и мокша, и эрзя перемешанный, паэтаму два названия. Паверх рубахи надевалась еще адна – панджат.

Р и с. 1. Карта локализации мордовских этнических сел в границах Пензенской области
 F i g. 1. Map of the location of Mordovian ethnic villages within the Penza region

Источник: https://be.wikipedia.org/wiki/Файл:Outline_Map_of_Penza_Oblast.svg. Условные обозначения нанесены автором статьи по материалам источника: Полубояров М.С. Весь Пензенский край. Историко-топографическое описание Пензенской области. М.: Сам полиграфист; 2016. 813 с.

Source: https://be.wikipedia.org/wiki/Файл:Outline_Map_of_Penza_Oblast.svg. The legend is provided by the author and based on materials by source: Poluboyarov M.S. [The Entire Penza Region. Historical and Topographical Description of the Penza Oblast]. Moscow; 2016. 813 p.

¹⁸ Исключением является только Пиксанкино – село находится на границе с Камешкирским районом.

¹⁹ Полубояров М.С. Весь Пензенский край. Историко-топографическое описание Пензенской области. М.: Сам полиграфист; 2016. 813 с.

Лаком или лакумка – кашелек, он павязывался на втарую рубаху. Па-харошему, лаком насили пад фартукам-икельге, патаму что там кашелек прятался или ключ ат дома. И сахер – вкусенькае с собой! Сзади пулай – набедренная павязка, гремит каторая. Эта чтоб не прастыла женщина, детародные органы берегли. Пулай с 12 лет надевали – как [девочка] девушкой становилась. И панго – эта галавной убор прямоугольный. Береста внутри, а снаружи обшивался материалом. На свадьбе плели косу и прятали в панго»²⁰. (Здесь и далее в статье все ответы респондентов приводятся без изменений, с сохранением индивидуальной стилистики и грамматических особенностей исходных высказываний, включая характерное для данной местности аканье – *Ред.*). Аналогичный костюм фиксируется и в соседних мокшанских сс. Колдаис, Пиксанкино, Мордовский Ишим. По мнению В. Н. Белицер, подобное заимствование произошло в результате смешанных браков, когда женщина-эрзянка приносила в мокшанское село свое приданное²¹. При этом современные опросы респондентов показывают, что количество таких смешанных браков было небольшим²². Браки в основном заключались между мокшанами – уроженцами Старой Яксарки, Новой Яксарки, Колдаиса, которые происходили не из межэтнических семей и не были связаны родством (вплоть до седьмого колена).

Возвращаясь к характеристикам, позволяющим дифференцировать местный яксарский музыкальный диалект, важно упомянуть ритуалы земледельческого и семейно-бытового циклов. На наш взгляд, они также характеризуются «универсальностью». Календарные обряды в мокшанских селах Шемьшейского района (учитывая иное песенное наполнение) практически идентичны ритуалам, бытовавшим в русских селах Пензенской области. Так, до недавнего времени сохранялся обход дворов на Рождество с пением колядки «Тпрунь, тпрунь, конька» или с исполнением обрядовой песни «Роштувань кудо» («Те куринкаса») и одариванием детей специальной сладкой выпечкой – «орехами». Масленичные гуляния молодежи с припевками-дразнилками «Вианама» («Авардя дяварде»), катание на лошадях, кулачные бои, выпекание в больших количествах блинов на пшеничной муке также сближают русских и шемьшейскую мордву. И так же, как у русских, особое значение в мордовских селах имеют праздники Троица и Духов день. Традиция водить хороводы и исполнять хороводные песни, изготавливать ритуальные символы – (чучела жениха и невесты²³), торжественное шествие по селу, украшение домов ветками березы и клена характерны и для русских, и для мордвы-мокши [15]. Отличия же заключаются лишь в нюансах реализации ритуалов троичного цикла. Так, у мокши в исследуемых селах Шемьшейского и Городищенского районов обязательным напитком на Духов день являлась свекольная брага, специально приготовленная в каждой семье для угощения любого проходящего в дом. Иным оказывался и способ плетения венков: девушки использовали только кленовые листья, скрепляя их между собой так, что получалось подобие короны (в отличие от русских сел, где венки плелись из цветов и травы).

Свадебный ритуал мокши и эрзи Шемьшейского района основывается на общем сценарии, близком к традиционной русской свадьбе²⁴ [16]. Перечислим основные этапы мокшанской свадьбы и дадим их краткое описание: сговор (предварительный договор, предшествует сватовству); сватовство *чьявтома*; дары *сыреузкома* (*сыреузкомась*, *среузкыма*) – аналог русского запоя, где происходит знакомство близких родственников жениха и невесты и одаривание с обеих сторон; обычай глядеть

²⁰ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Людмила Ивановна Гапкина, 1961 г. р. Записано И. С. Егоркиной, А. Г. Борисовым и др., рук. И. А. Матвеева. 22.07.2022 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²¹ Белицер В.Н. Народная одежда мордвы. Труды Мордовской этнографической экспедиции. Вып. 3. М.: Наука; 1973. С. 85.

²² Среди русских жителей Городищенского и Никольского районов долгое время бытовало утверждение: «нет худшего греха, чем выйти замуж за мордвина или за татарина». Нарушением этого негласного запрета объяснялось, например, возникновение неизлечимых заболеваний у одного из супругов.

²³ По договоренности участников ритуала в «жениха» и «невесту» могли наряжаться соответственно девушка и парень (то есть надеть и какое-то время носить костюм противоположного пола).

²⁴ Гилярова Н.Н. Свадебные традиции русско-мордовского пограничья. С. 24. <https://elibrary.ru/cdstzg>

дом жениха. День накануне свадьбы *лукше паряма* состоял из нескольких этапов: утром в доме жениха готовили ритуальный символ – пирог *лукше* с начинкой из картофеля и творога, в него втыкались полуметровые ветки в бумажных цветах и лентах²⁵: «С этим лукше выхаживали на улицу, ставили стол, закуску всякую, и гармонист тут и начинали петь. Пели – хвалили жениха: какой он багатый, как харашо радился, денег многа у него, деньгами раскидывается, а невеста такая плахая, кагда радилась – ее радня все нищие такие, кагда ана расла – шерсти неоткуда взять было! В общем, хаот, какая невеста плохая. Это таким образом объявлялось, что вот в этом доме начинается свадьба»²⁶. Вечер того же дня получил название *нардамонь кандамо*, он идентичен русскому обычаю продажи рубахи жениху, которому предшествовали баня невесты и исполнение причитаний. Так, Л. И. Гапкина (1961 г. р.) рассказывала о своей свадьбе: «В баню хаживали с подругами. А я с теткой хаживала. И вот тут я причитала, так причитала: “Хочу – не хочу, а придется уйти, придется свае гнездо свить...”. Это свои слова, от себя, как песня. И тетка моя причитала: “Замужем жить – как па гваздям хадить, на иголках спать, горче редьки еду есть”. Невеста памоется, и потом уже подружки сабирались нести рубашку и палатенца, и ширмочки, и на стол скатерти – у нас эта называлась *нардамонь кандамо*»²⁷.

Первый свадебный день был насыщен как глубоко архаичными действиями, так и пародийными, игровыми моментами. Например, после продажи свахе специального наряда ее могли весьма необычно доставить в дом жениха: «Мы утрам встали – часов в восемь: “Ой, пашли за Люськай, пашли за свахай, пашли к ней дамой”. Сваха в это время небольшой столик накрывает для нас. Мы вышли – на улице грязь, слякоть. Тагда мы взяли ат машины капот – от Газона или от Зила капот железный – привязали к нему веревку и пашли так за Люсей, за свахой. Пришли, она нас угостила, а мы палажили в эгат капот саломы и сверху пасадили Люсю-сваху и так в дом жениха и везли»²⁸. Именно сваха-*кудава* является центральным действующим лицом первого дня свадьбы: она отгоняет злых духов, обращается с просьбами к божеству дома Юрт-аве, комментирует посредством нескончаемых песен ход обряда и напрямую руководит действиями жениха и невесты, их родителей и дружки-*урядева*.

Еще одним архаичным ритуалом первого дня свадьбы правомерно считается встреча молодых в доме жениха «медведем» *офто* – ряженым в вывернутый наизнанку тулуп, с баннным венником в качестве помела (отгонять нечистую силу) мужчиной²⁹. *Офто* осыпал молодых хмелем, зерном, деньгами и конфетами.

Завершался первый свадебный день уединением молодых в отдельной комнате, длительность которого варьировалась от 30 минут до 2 часов и зависела от времени прихода родственников невесты. Они кормили молодую всевозможной национальной выпечкой (*цукры, цюкр*). После общего застолья все расходились по домам.

Второй день свадьбы посвящен поискам «ярки» и проверке умений невесты. После выполнения всех предписанных действий, родственники с обеих сторон первоначально гуляют в доме жениха, затем перемещаются в дом к родителям невесты, а ближе к вечеру снова возвращаются в дом жениха, где еще раз проверяют качества невесты: «Кагда родственники апать приходят к жениху в дом, то все не с пустыми руками: кто бревно притащит, кто барахло всяка – чтоб невеста начинала убраться. И бревно это пилить начинают в доме. И тут же вешают люльку с куклой,

²⁵ Аналогичный пирог с воткнутым в него репьем в лентах или небольшой сосенкой широко известен и в русских селах Пензенской области.

²⁶ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Ольга Викторовна Зоткина, 1971 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²⁷ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Людмила Ивановна Гапкина, 1961 г. р. Записано И. С. Егоркиной, А. Г. Борисовым и др., рук. И. А. Матвеева. 22.07.2022 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²⁸ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Ольга Викторовна Зоткина, 1971 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

²⁹ Женщина также могла наряжаться *офто*, но случалось это реже, так как «медведь» обязательно должен был встать на четвереньки и выпить 100 грамм самогона, при этом нельзя было брать стакан в руки.

и невеста показывает, как будет детей качать, а свекровь на печку залазит и оттуда невесту учит, как правильна [качать]»³⁰.

Несмотря на общие доминанты календарно-обрядового цикла и практически идентичный сценарий традиционной свадьбы, песенное наполнение ритуалов мокшанских сел Шемышейского района отличается от репертуара эрзянских и особенно русских. Иерархия песенных жанров и набор песенных сюжетов в Колдаисе, Старой и Новой Яксарках идентичны. Так, и в 1980-х, и в 2020-х гг. устойчиво фиксировались календарные обрядовые песни с существенным преобладанием троицких песен с движением (хороводных, хороводно-игровых, хороводно-плясовых). В категорию «троицкие песни» мокшанки сегодня относят следующие: «Лугава якай сыре алаша», «Пиже садсо», «Ой, Дунянь уленесь потяфтома скалаза» («Эх, Дунай, мой Дунай»), «Ой, минь горя», «Дядю дявадю», «Лём, лём, лёмка», «Ключа, ключа позолоченная» (рис. 2).

К троицким песням в местной традиции относятся и некоторые русские, например «За Дунаем, братцы, за рекою», «Ой, по морю по Балтийскому».

Обширную жанровую категорию формируют напевы, приуроченные к свадебному обряду. Полноценными и протяженными текстами представлены песни свахи

$\text{♩} = 56$

1. (а) Ду-нянь у - ле-несь по - тяф - то - ма ска - ла - за - (га),

2. Эх, Ду - ньяй, мой Ду - ньяй, ве - (е) - сё - (о) - лай(и) Ду - ньяй,

4. Эх, Ду - ньяй, ми-н(и) Ду - ня - (га)... по - тяф - то - ма ска - ла - за.

6. 2. По-тяф-то-зе-те я - гы - да тинь ку - да - ло па - не - зе.

7. Эх, Ду - ньяй, ми-н(и) Ду - ньяй - (и), ве - (е) - сё - (о) - лай(и) Ду - ньяй,

9. Эх, Ду - ньяй, ми-н(и) Ду - ньяй, тинь ку - да - ло па - не - зе.

Р и с. 2. Фрагмент троицкой песни «Эх, Дунай, мой Дунай» в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора, 2025 г., с. Старая Яксарка Шемышейского района

F i g. 2. Fragment of the Troitsky song “Eh, Dunai, my Dunai”.
Staraya Yaksarka village, Shemysheisky District in the author’s musical transcription.
Field recording by the author, 2025

³⁰С. Старая Яксарка Шемышейского района. Респондент Ольга Викторовна Зоткина 1971 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

и песни рода невесты (на политекстовый напев), маркирующие все ключевые этапы свадебного обряда и представляющие собой своеобразный песенный диалог. Несколько хуже представлены свадебные плачи свахи, невесты и ее родственниц и подруг – эти тексты сегодня отличаются меньшей востребованностью, приводящей к их редуцированию. Дополнением к указанным архаичным песенным жанрам являются приуроченные лирические песни, звучащие преимущественно на свадебном пиру: «Вехке кафто», «Мяс аф якат ялганякай», «Арядэ ялгат Китай мастэру», «Уданы, уданы, ужуриякай», «Уж вирьга, вирьга, лукать нелявти» (рис. 3).

Русских песен в репертуаре не много – чуть больше 10 (что совпадает с данными Н. Н. Гиляровой 1980-х гг.)³¹. Это такие широко распространенные образцы лирики, как «Калина-малина, в саду ягода», «Соловей кукушку уговаривал», «Пришел любовь из моря, подарочков принес», «Ой, поля, вы, поля», «Не вейтесь, чайки, над морем». Некоторые из них поются на двух языках – русском и мокшанском («Черный ворон» и «Зачем солнце рано пало»). Также незначительно представлены и песенные заимствования: плясовая «Ульнесть, ульнесть колмо боярт цёрынем» берет свое начало от общерусской песни «Пошли девки на работу», а трюичная песня «Пиже садсо» использует интонации «Веселой беседушки».

Пересечения с эрзянским репертуаром немногочисленны и точно обнаруживаются в эрзянских селах близлежащих районов. Так, песни «Ульнесть, ульнесть», «Кодамо минь моратано» («Сёма, Сёмушка») и «Самсон лелей ковьякить» исполняют в Кулясово и Мамадыше Камешкирского района; «Удынь, удынь ужуриякай» известна в Пазелках Бессоновского района и Вышелее Городищенского района; «Пиже садсо» – в Чумаёво и Старом Мачиме Камешкирского района, Пылково Лопатинского района; «Роштувань кудсо» – в старом Захаркино и Арапино Шемьшейского района.

Помимо жанрового состава и иерархии показателем местного музыкального диалекта является тип фактуры. В исследуемых мокшанских селах в настоящее время

$\text{♩} = 64$

3 1.Мяс аф я - кат я-л(ы)-га - ня - кай, ла - (а)-па-зе - (э)нь ма-рхта, ды,

5 Сяс аф я - ка-н(ы)я-л(ы)-га - ня - кай, ла - па-зе - (э)нь ма-рхта.

7 2.Ма-рень ку - ля а-л(ы)-га - ня - кай, те - (э)-те-зе - (э) ю-мась,

А - (а)-ва-зе тусь я-л(ы)-га - ня - кай, ве - (э)-ше-нде - (э)ман-за.

Р и с. 3. Фрагмент лирической песни «Мяс аф якат ялганякай» в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора, 2005 г., с. Старая Яксарка Шемьшейского района

F i g. 3. Fragment of the lyric song “Myas af yakat yalganyakay”.

Staraya Yaksarka village, Shemysheisky District in the author’s musical transcription.

Field recording by the author, 2005

³¹ Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 100–101. <https://elibrary.ru/yvpast>

фиксируются гетерофония унисонного типа, двухголосие, базирующееся на принципе верхнетерцовой дублировки, и смешанный тип фактуры, сочетающий гетерофонию нижних голосов и верхний терцовый подголосок. Подобные типы фактуры встречаются не только в Пензенской области, но и в Мордовии³². Так же, как и в селах метрополии, характерной чертой ясарского музыкального диалекта является то, что каждая фактурная разновидность координируется с разными песенными жанрами. Так, унисонное пение с незначительными «ответвлениями» голосовых партий характерно для политекстовых свадебных песен, исполняемых родственницами невесты, терцовое двухголосие, как правило, является основой заимствованных русских песен, а архаичная мордовская гетерофония проявляется в календарных обрядовых песнях (рис. 4). Яркой стилиевой чертой, характеризующей пение шемышейской мордвы-мокши, стоит считать мелкую вокальную технику. Так, форшлаги, голосовые «подъезды» и «спады» (как вниз, так и вверх), глиссандирующие звуки слышны как в ансамблевом исполнении, так и при исполнении сольных жанров, где мелизматика обнаруживается отчетливо (рис. 5). Отметим, что представленные в нотографических публикациях образцы мокшанского и эрзянского фольклора из иных сел Пензенской области и Мордовии не изобилуют подобными вокальными приемами³³.

Песня свахи с обращением к божеству дома Юрт-аве демонстрирует еще одну неочевидную характеристику, отличающую местную мокшанскую традицию от близлежащих русских и эрзянских музыкальных диалектов. Неуклонное повышение звуковысотности происходит даже при исполнении короткого фрагмента, при этом изменение высоты звучания связано почти всегда с каденционной зоной: последние два звука, утверждающие тон-устой, поются на четверть тона выше, и следующая за

Р и с. 4. Фрагмент песни «Сёма, Сёмушка» в нотной транскрипции автора статьи.

Полевая запись Н. С. Малькова, 1978 г., с. Колдаис Шемышейского района

F i g. 4. Fragment of the song “Syoma, Syomushka”.

Koldais village, Shemysheysky district in the author’s musical transcription. Field recording by the N. S. Malkov, 1978

³² Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 2. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. Н.И. Бояркин. С. 16–17; Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 95. <https://elibrary.ru/yvpast>

³³ Гнатюк Д.Н. О ладомелодических особенностях свадебных причитаний мордвы-эрзи (по материалам современных записей). В: Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН; 2002. С. 198–210; Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 2. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Сост. Н.И. Бояркин. Саранск: Мордов. кн. изд-во; 1984. 320 с.; Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 91–101. <https://elibrary.ru/yvpast>

♩ = 60

Ку-да - ма - я да мо - ра-не, ой, да, ми-н(и)мо - ра - (га-га)-та - на,

3
Ой, да, ко - да - ма - (а - га) ёв - кске, ой, да, минь ёв - та - (а - а)-та - нак.

Р и с. 5. Песня свахи. Обращение к Юрт-аве в нотной транскрипции автора статьи.

Полевая запись автора, 2025 г., с. Старая Яксарка Шемьшейского района

Fig. 5. Matchmaker's Song. Appeal to Yurt-ava. Staraya Yaksarka village, Shemysheisky district in the author's musical transcription. Field recording by the author, 2025.

ними фраза начинается с другой звуковысотной позиции. Но если мелкая вокальная техника имеет место во время исполнения любых песенных жанров, то нестабильность строя исполнения проявляется почти исключительно в песнях свахи и в этом случае резко контрастирует со стабильным пением родственниц невесты. Приведем фрагмент песенной коммуникации, реализуемой во время приезда свахи и *урядева* за невестой утром свадебного дня (рис. 6).

Помимо исследуемых шемьшейских сел, аналогичная звуковысотная подвижность зафиксирована лишь в единичных мокшанских селах Сосновоборского района Пензенской области³⁴. Свадебные песни из эрзянских сел Городищенского, Камешкирского и Бессоновского районов в современных записях, выполненных автором статьи, отличаются стабильностью звукоряда.

Эмоциональность песенного высказывания влияет не только на пение мокшанской свахи-*кудавы*, но и на общий строй всего диалога. В частности, родственницы невесты подстраивают высоту своего звучания под конечные звуки песни свахи и таким образом начинают петь с каждым разом все выше. Так, представленное песенное высказывание свахи фактически заканчивается на ноту до первой октавы, на фоне звучания которого родственницы невесты отстраивают оппозиционный квинтовый тон. При воспроизведении последующих частей песенного диалога подобное соотношение сохраняется и звуковысотность неуклонно повышается.

Усиление эмоций отражается и на поэтическом содержании песен свахи. Так, если *кудава* утром свадебного дня не может задобрить деньгами и уговорить родственниц невесты открыть ворота, она вместо канонических и регламентированных традицией текстов переходит к импровизированным высказываниям: «Сваха поет: “Ой, аткройте, аткройте, девицы-красавицы!” А невестины радня отвечают: “Вы аткуда приехали? Такие галодные приехали и плоха адетье приехали!” И сваху ругают: “Пачему такая высокая? Пачему такая полная кажешься?” Я все, что паложена спела, а они не аткрывают, и дождь начался и прям на меня льет. Так я начала петь примерна так: “Ой, аткройте, аткройте, не дай бог, заболую! У меня двое детей – барыня с баярыней, прастужусь – они без матери астанутся”. Толька тагда аткрыли и пустили нас»³⁵. Подобная форма коммуникации зафиксирована и в мокшанских селах метрополии. Как пишет Н. И. Бояркин, «певицы из рода жениха и рода невесты как будто состязаются в остроумии и находчивости: каждая из групп старается показать свой род в лучшем виде и приписать другой родовой группе наибольшее число отрицательных черт»³⁶.

³⁴ Гилярова Н.Н. Календарная песенность Пензенского края (к вопросу о взаимодействии песенных культур). С. 95. <https://elibrary.ru/yvpast>

³⁵ С. Старая Яксарка Шемьшейского района. Респондент Людмила Ивановна Давкина, 1961 г. р. Записано И. А. Матвеевой, А. В. Московкиной, Н. Т. Казаковой и др. 23.07.2025 г. Личный архив И. А. Матвеевой.

³⁶ Памятники мордовского народного музыкального искусства. Т. 2. Под ред. Е. В. Гиппиуса. Сост. Н. И. Бояркин. С. 17.

$\text{♩} = 60$

Э, панд-жа да панд-жа, да, Стя-р(ы)-нят ба - я - ра - ва - нят,
 Стя-р(ы)-нят а - за - ра - ва - нят.

$\text{♩} = 80$

Э - ех, не - ло - вать - не мо - ста - зась,
 Э - ех, не - ку - дат - не мо - ва - сась, Э - ех, лух - то лаф - то лаф - то - ва,
 Э - ех, каф - то пан - до ёф - то - ва.

Р и с. 6. Фрагмент диалога свахи и родственниц невесты утром свадебного дня в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора, 2022 г.,

с. Старая Яксарка Шемьшейского района

F i g. 6. Excerpt from a dialogue between the matchmaker and the bride's female relatives on the morning of the wedding day. Staraya Yaksarka village, Shemysheisky district in the author's musical transcription. Field recording by the author, 2022

Независимо от количественного и возрастного состава участников, а также типа фактуры (многоголосие терцового типа или унисонная гетерофония), в яксарских обрядовых песнях имеет место и другая неочевидная черта стиля – выраженное стремление акцентировать звуки, распеваемые на один слог поэтического текста. Зачастую эта акцентировка приводит не только к дублированию соответствующего гласного звука, но и к появлению асемантических слоговых вставок (рис. 7). Отметим, что подобная черта стиля практически не встречается в эрзянских песнях исследуемого района, характеризующихся подчеркнuto строгослоговым типом мелодики³⁷.

$\text{♩} = 60$

Ку-да-ма - я да мо - ра-не, ой, да, ми-н(и)мо - ра - (га-га)-та - на,
 Ой, да, ко - да - ма - (а - га) ёв - кске, ой, да, ми-нь ёв - та - (а - а)-та - нак.

Р и с. 7. Фрагмент песни «Сёма, Сёмушка» в нотной транскрипции автора статьи. Полевая запись автора. Запись 2022 г., с. Старая Яксарка Шемьшейского района Пензенской области

F i g. 7. Excerpt from the song “Syoma, Syomushka”.

Staraya Yaksarka village, Shemysheisky district. Recorded 2022

³⁷ Бояркин Н.И. Моронь пусмо: Пенза ёнксонь мокшэрзянь раськень морот. Песенный венок: народные песни мордвы пензенского края. Под общ. ред. Л. Б. Бояркиной. Пенза: Пензенская правда; 2012. 223 с.

Можно сделать вывод, что музыкальный диалект шемышейской мордвы-мокши именно на песенном уровне демонстрирует тенденции к консолидации и замкнутости культурного ареала. При этом народный костюм, земледельческий и свадебный циклы указывают на интеграцию в общемордовскую и в меньшей степени русскую традицию.

Заключение

В компактно-расположенных на стыке Городищенского и Шемышейского районов мокшанских поселениях сформировался местный музыкальный диалект с центром в с. Старая Яксарка, при этом музыкально-этнографическая традиция на различных уровнях воплощает многообразие историко-культурных тенденций. Так, народный костюм демонстрирует довлеющее влияние окружающих эрзянских сел, а мокшанская разговорная речь характеризуется вкраплениями эрзянских слов. Эти показатели, а также немногочисленные песенные заимствования эрзянского фольклора указывают на стремление к консолидации шемышейской мокши с обширным эрзянским локусом, географически охватывающем юго-западные районы Пензенской области.

На музыкальном уровне прослеживается иная тенденция. Обширный песенный репертуар основан на отличных от эрзянских песенных сюжетах и имеет выраженные жанровые доминанты (весенние песни с движением, песни свахи и песни рода невесты). Устойчивыми чертами яксарского музыкального диалекта являются фактурные разновидности (унисонная гетерофония, двухголосие терцового типа, гетерофония с терцовым подголоском), тесно связанные с тем или иным песенным жанром, а также такие неочевидные, но значимые черты стиля, как подвижность звуковысотного строя во время песенной коммуникации свахи и родственниц невесты, обилие мелкой вокальной техники (в том числе голосовых «спадов» вверх), акцентирование звуков в распевах, приводящее к появлению слоговых вставок («га-га», «та-та»). Несмотря на современную динамику социально-культурных процессов, выявленные характеристики обладают значительной устойчивостью и являются маркером местного мокша-мордовского музыкального диалекта.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется детальное выявление и систематизация ритмических и мелодических типов, требующее углубленного анализа и отдельного комплексного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сысоева Г.Я. Локальный песенный стиль воронежско-белгородского пограничья в контексте южнорусской традиции. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2005;(4):115–130. <https://elibrary.ru/nwyjwd>
2. Сысоева Г.Я. Типология ритмических форм хороводных и плясовых песен в воронежско-белгородском пограничье. *Традиционная культура*. 2005;6(4):73–84. URL: <https://trad-culture.ru/article/tipologiya-ritmicheskikh-form-khorovodnykh-i-plyasovykh-pesen-v-voronezhsko-belgorodskom> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Охлобыстина А.Б. К истории изучения песенной традиции Белгородского Приосколья. *Проблемы музыкальной науки*. 2022;(3):102–115. URL: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1383> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Гилярова Н.Н. Песенный венок Мещеры. В: *Рязанский этнографический вестник*. Т. 36. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества; 2006. 242 с.
5. Матвеева И.А. Музыкальный диалект пензенской мещеры: к проблеме выявления. *Научный вестник Московской консерватории*. 2025;16(2):338–359. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2025.61.2.07>
6. Жиров М.С., Кузнецова Н.С., Жирова О.Я., Хорошилова Е.Л. Песенные традиции русско-украинского пограничья: к проблеме формирования в условиях межэтнического взаимодействия. *Проблемы музыкальной науки*. 2021;(4):154–162. URL: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1317> (дата обращения: 05.12.2025).

7. Савельева Н.М. Олиготоника в календарных и свадебных песнях Брянского Полесья. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение.* 2009;(1):204–207. <https://elibrary.ru/knvtitn>
8. Зубов И.В., Белкина О.В. Жанровые доминанты в фольклоре автохтонных народов Поволжья (по материалам экспедиций к мордве-мокше Ковылкинского района Мордовии). *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.* 2020;(2):208–222. URL: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2,2020.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
9. Бояркина Л.Б. О некоторых теоретических подходах к изучению ареальных особенностей традиционного мордовского многоголосия. *Финно-угорский мир.* 2018;10(2):109–120. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.109-120>
10. Редкина И.А. Песенные традиции Лунинского района Пензенской области (к вопросу о выявлении местного песенного стиля). *Казанская наука.* 2010;(3):248–253. <https://elibrary.ru/mvwmwf>
11. Морозов И.А. Локальные традиции и меняющиеся идентичности. *Этнографическое обозрение.* 2015;(2):5–14. URL: <https://eo.iea.ras.ru/article/8906/> (дата обращения: 06.12.2025).
12. Юдина В.И. Музыкальная диалектология. Теоретические и исторические аспекты определения научной сферы. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.* 2017;2(4):38–43. <https://elibrary.ru/yvkerh>
13. Корнишина Г.А. Локальные группы в составе мордовского населения Пензенской области. *Финно-угорский мир.* 2025;17(3):316–324. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.316-324>
14. Ананичева Т.М. Русские хороводные песни в полиэтнической среде Поволжья. *Традиционная культура.* 2000;1(2):67–74. URL: <https://trad-culture.ru/article/russkie-khorovodnye-pesni-v-polietnicheskoy-srede-povolzhya> (дата обращения: 06.12.2025).
15. Матвеева И.А. Проводные обряды Пензенской области. *Этнография.* 2025;(2):222–241. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2\(28\)-222-241](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2(28)-222-241)
16. Гилярова Н.Н. Особенности свадебных традиций населения Пензенской области. *Этнографическое обозрение.* 1996;(2):30–50. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1996/02/eoarchive_1996_2_30_gilyarova.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

REFERENCES

1. Sysoeva G.Ya. [Local Song Style of the Voronezh-Belgorod Borderland in the Context of the Southern Russian Tradition]. *Vestnik Rossiyskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda.* 2005;(4):115–130. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nwyjwd>
2. Sysoeva G.Ya. [Typology of Rhythmic Forms of Round Dance and Dance Songs in the Voronezh-Belgorod Borderland]. *Traditional culture.* 2005;6(4):73–84. (In Russ.) Available at: <https://trad-culture.ru/article/tipologiya-ritmicheskikh-form-khorovodnykh-i-plyasovykh-pesen-v-voronezhsko-belgorodskom> (accessed 05.12.2025).
3. Okhlobystina A.B. On the History of Studying Belgorod Prioskolye Song Tradition. *Music Scholarship.* 2022;(3):102–115. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1383> (accessed 12.12.2025).
4. Gilyarova N.N. [Meshchera Song Wreath. In: Ryazan Ethnographic Bulletin]. Vol. 36. Ryazan; 2006. 242 p. (In Russ.)
5. Matveeva I.A. Musical Dialect of Penza Meshchera: On the Problem of Identification. *Journal of Moscow Conservatory.* 2025;16(2):338–359. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2025.61.2.07>
6. Zhiron M.S., Kuznetsova N.S., Zhiron O.Ya., Khoroshilova E.L. Russian-Ukraine Borderland Song Traditions: To the Issue of Forming in the Interethnic Interaction Conditions. *Music Scholarship.* 2021;(4):154–162. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://music scholar.ru/index.php/PMN/article/view/1317> (accessed 05.12.2025).
7. Savelyeva N.M. [Oligotonics in Calendar and Wedding Songs of Bryansk Polesie]. *The Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Arts.* 2009;(1):204–207. (In Russ.) <https://elibrary.ru/knvtitn>
8. Zubov I.V., Belkina O.V. Genre Dominants in the Folklore of Autochthonous Peoples of the Volga Region. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2020;(2):208–222. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2,2020.pdf> (accessed 12.12.2025).
9. Boyarkina L.B. On Theoretical Approaches to the Study of Areal Features of the Traditional Mordvian Polyphony. *Finno-Ugric World.* 2018;10(2):109–120. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.010.2018.02.109-120>

10. Redkina I.A. [Song Traditions of the Luninsky District of the Penza Region (Towards Identifying the Local Song Style)]. *Kazan Science*. 2010;(3):248–253. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mvwmwf>
11. Morozov I.A. Local Traditions and Changing Identities. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2015;(2):5–14. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://eo.ica.ras.ru/article/8906/> (accessed 06.12.2025).
12. Yudina V.I. Musical Dialectology. Theoretical and Historical Aspects of Definition of the Scientific Sphere. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amour State Technical University*. 2017;2(4):38–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/yvkerh>
13. Kornishina G.A. Local Groups within the Mordvian Population of the Penza Region. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):316–324. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.316-324>
14. Ananicheva T.M. [Russian Round Dance Songs in the Multiethnic Environment of the Volga Region]. *Traditional Culture*. 2000;1(2):67–74. (In Russ.) Available at: <https://trad-culture.ru/article/russkie-khorovodnye-pesni-v-polietnicheskoy-srede-povolzhya> (accessed 06.12.2025).
15. Matveeva I.A. Farewell Rites in the Penza Region. *Etnografya*. 2025;(2):222–241. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2\(28\)-222-241](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2(28)-222-241)
16. Gilyarova N.N. Wedding Ceremonies of the Penza Region Population. *Etnograficheskoye obozreniye*. 1996;(2):30–50. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://eo.ica.ras.ru/wp-content/uploads/1996/02/eoarchive_1996_2_30_gilyarova.pdf (accessed 12.12.2025).

Информация об авторе:

Матвеева Ирина Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Музыка и методика преподавания музыки» Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5351-3561>, SPIN-код: 6293-2465, redkina1983@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.01.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 10.03.2026.

Information about the author:

Irina A. Matveeva, Cand.Sci. (Arts), Associate Professor of the Department of Music and Music Teaching Methods, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5351-3561>, SPIN-code: 6293-2465, redkina1983@rambler.ru

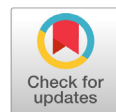
The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 27.01.2026; revised 05.03.2026; accepted 10.03.2026.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ETHNOCULTURAL HERITAGE

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.271-284>
<https://elibrary.ru/ykvukm>

УДК / UDC 39:008

Оригинальная статья / Original article

Марийский образовательный менталитет: структура, ценности и трансформации

В. Г. Токпулатов

*Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация,
vladimir.tokpulatov@ya.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема образовательного менталитета марийского народа в контексте трансформации традиционных ценностей и механизмов культурно-языковой трансмиссии. В условиях доминирования унифицированных образовательных моделей и ослабления этнокультурных оснований обучения возникает необходимость философско-культурологического осмысления образования как формы этнической детерминации. Несмотря на наличие исследований в области этнопедагогике и социологии образования, образовательный менталитет мари до настоящего времени не анализировался как ценностно-смысловое образование. Цель исследования – выявление трансформации ценностных оснований марийского образовательного менталитета.

Материалы и методы. Объектом исследования выступает образовательный менталитет марийского этноса как компонент общей ментальной структуры культуры. Материал исследования включает лексикографические источники, этнографические и историко-педагогические данные. В работе используются методы философско-культурологического анализа с целью выявления смысловых структур, находящихся в основании образовательных представлений народа.

Результаты исследования и их обсуждение. Установлено, что в традиционном марийском менталитете образование осмысливается преимущественно как процесс взращивания личности, направленный на формирование практической компетентности, нравственной устойчивости и внутренней автономии. Показано, что народная педагогика основана на представлении о человеке как о существе с глубинным внутренним миром, подлежащем постепенному раскрытию. Выявлено, что в современных условиях происходит трансформация этничности, сопровождаемой ослаблением ментальных оснований формального образовательного процесса.

Заключение. Марийский образовательный менталитет функционирует как активная форма этнической детерминации, обеспечивающая воспроизводство культурной идентичности. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при разработке региональных моделей этнокультурного и полилингвального образования. Перспективы исследования связаны с дальнейшим анализом ментальных оснований образования в сравнительном финно-угорском контексте.

Ключевые слова: образовательный менталитет, марийский этнос, этнопедагогика, полилингвальное образование, символическая идентичность, социальная детерминация, экзистенциальность

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Токпулатов В.Г. Марийский образовательный менталитет: структура, ценности и трансформации. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):271–284. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.271-284>

© Токпулатов В. Г., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Mari Educational Mentality: Structure, Values and Transformations

V. G. Tokpulatov

*Mari Research Institute of Language, Literature and History
named after V. M. Vasiliev, Yoshkar-Ola, Russian Federation,
vladimir.tokpulatov@ya.ru*

Abstract

Introduction. The article examines the problem of the educational mentality of the Mari people in the context of the transformation of traditional values and mechanisms of cultural and linguistic transmission. In conditions of the dominance of standardized educational models and the weakening of ethnocultural foundations of learning, there arises a need for a philosophical and cultural reflection on education as a form of ethnic determination. Despite the existence of research in the fields of ethnopedagogy and the sociology of education, the educational mentality of the Mari has not yet been analyzed as a value-semantic formation. The aim of the article is to identify the transformation of the value foundations of the Mari educational mentality.

Materials and Methods. The subject of the study is the educational mentality of the Mari ethnic group as a component of the overall mental structure of culture. The research material includes lexicographical sources, ethnographic as well as historical and pedagogical data. The study employs methods of philosophical and cultural analysis.

Results and Discussion. It has been determined that in traditional Mari mentality, education is primarily perceived as a process of nurturing the individual, aimed at fostering practical competence, moral resilience, and inner autonomy. It has been demonstrated that folk pedagogy is founded on the concept of a person as a being with a profound inner world, which should be gradually revealed. It has been identified that in contemporary conditions, ethnicity is undergoing transformation, accompanied by a weakening of the mental foundations of the formal educational process.

Conclusion. It is concluded that the Mari educational mentality functions as an active form of ethnic determination, ensuring the reproduction of cultural identity. The practical significance of the study lies in the potential application of the findings in the development of regional models of ethnocultural and multilingual education. The prospects for further research are associated with the continued analysis of the mental foundations of education in a comparative Finno-Ugric context.

Keywords: educational mentality, Mari ethnic group, ethnopedagogy, multilingual education, symbolic identity, social determination, existentiality

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Tokpulatov V.G. Mari Educational Mentality: Structure, Values and Transformations. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):271–284. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.271-284>

Введение

Сохранение и развитие этнокультурных образовательных практик в современном мире становятся одной из ключевых научных задач, особенно в условиях глобализации и стандартизации образования. Для марийского этноса, как одного из представителей финно-угорских народов России, эта проблема приобретает особую актуальность из-за сокращения функционального пространства родных языков и утраты традиционных форм культурного и образовательного сознания. Несмотря на значительный интерес к вопросам этнопедагогики, в настоящее время отсутствует целостное понимание образовательного менталитета марийского народа как сложного феномена, в котором сочетаются социальная детерминация и экзистенциальная свобода.

Исследование выполнено в междисциплинарной парадигме философии культуры и этнокультурологии, где образовательный менталитет рассматривается в качестве культурного феномена. Главная идея публикации состоит в выявлении диалектики традиционных и современных ценностных оснований образования, способствующей сохранению культурной идентичности при интеграции в глобальное образовательное пространство.

Цель исследования – реконструкция марийского образовательного менталитета как ключевой детерминанты, объясняющей диалектику традиционных и современных ценностных оснований образования. Менталитет понимается нами как активное смысловое ядро, формирующее цели, методы и ценности образовательного процесса. Решаются следующие задачи: 1) культурологическая реконструкция традиционного менталитета на основе народной педагогики, ее ценностей и трансформации; 2) диагностика современного состояния этнокультурного компонента в образовании Марий Эл; 3) обоснование полилингвальной модели как пути гармонизации образовательных ценностей.

Обзор литературы

Проблематика образовательного менталитета изучается в широком междисциплинарном поле, охватывающем философско-культурологические, этнографические и историко-педагогические исследования. Теоретические основания концепта восходят к работам В. фон Гумбольдта, Л. Леви-Брюля и А. Я. Гуревича¹. Философско-образовательные идеи развиваются в трудах Г. П. Меньщикова² [1] и Д. В. Полежаева³ [2], показывающих, что духовная реальность человека / ментальные модели определяют структуру жизненных стратегий, способы передачи опыта и ориентации в пространстве культуры.

Исследования марийской культуры выявляют устойчивые элементы традиционной ментальности: ориентацию на труд, коллективную ответственность, религиозно-обрядовую регуляцию поведения и ценность родовой преемственности⁴ [3; 4]. Народно-педагогический аспект детализирован в паремиях, собранных А. Е. Китиковым⁵. Эти научные труды позволяют реконструировать культурные основания традиционной модели образования, основанные на трудовой этике, духовно-обрядовых практиках и коллективистской структуре повседневности.

Историко-педагогические работы фиксируют изменение воспитательных норм в ходе модернизации и советской образовательной политики⁶ [5]. Исследования показывают, что культурные основания марийского воспитания частично сохранялись, но были встроены в единую государственную систему, что привело к появлению своеобразного гибридного типа образовательных практик XX в.

¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс; 1984. 397 с.; Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс; 1994. 602 с.; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов»: Памяти Ю. М. Лотмана. М.: Индрик; 1993. 327 с.

² Меньшиков Г.П. Об изменении стратегии образования в контексте неоклассицизма. *Вестник КазГУКИ*. 2016;(3):10–16. <https://elibrary.ru/xqrinh>

³ Полежаев Д.В. Менталитет и национальный характер образования. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2009;(4):12–16. <https://elibrary.ru/kvjqsqf>; Полежаев Д.В. «Ментальный диалог», или философско-образовательное измерение исторической темпоральности. *Проблемы современного образования*. 2022;(3):22–29.

⁴ Глухов В.А., Глухова Н.Н. Системная реконструкция марийской этнической идентичности: моногр. Йошкар-Ола: Стринг; 2007. 184 с.; Попов Н.С. Человек в религиозно-мифологических представлениях марийцев. Научно-рукописный фонд МарНИИЯЛИ. 2018. Оп. 5. Д. 63. 136 л.; Шкалина Г.Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во; 2019. 303 с.

⁵ Китиков А.Е. Марий калык ойпого: Калыкмут-влак. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2004. 205 с.; Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во; 1991. 335 с.

⁶ Алметева И.В., Иванов А.Г., Алметева А.Ю. Женское образование в светской школе Марийского края во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Чувашского университета*. 2018;(2):5–11. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2018_2.pdf (дата обращения: 05.01.2026); Апакаев П.А. Развитие народного образования в Марийской автономной области в 20-е годы XX века. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2011;(4–2):8–12. URL: [https://vestnik.chuvgpu.ru/upload/docs/2011/4\(72\)_2011_2.pdf](https://vestnik.chuvgpu.ru/upload/docs/2011/4(72)_2011_2.pdf) (дата обращения: 05.01.2026); Земцова О.Б. Становление и развитие среднего педагогического образования в Марийском крае в 20–30-е гг. XX в. *Сибирский педагогический журнал*. 2006;(4):139–146. <https://elibrary.ru/pixqjx>; Попов Н.С. Культурно-образовательная деятельность марийской интеллигенции в 1917–1921 годах. В: Этнонациональные традиции и культурно-образовательная деятельность (история и современность): мат-лы VI Республиканской науч.-практ. конф. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева; 2020. С. 68–77. <https://elibrary.ru/gvkifp>; Попов Н.С. Народная педагогика. В: Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 482 с.

Этнокультурные и социолингвистические исследования указывают на усиление внешних факторов давления: снижение числа изучающих марийский язык, рост русифицирующих стратегий и противоречия между государственной образовательной политикой и потребностями этнических сообществ⁷ [6–8]. Эти данные сопоставляются с трудностями периферийных образовательных институтов, описанными в работах К. Романенко, Д. Платоновой [9] и смежных исследованиях по миграционным процессам А. М. Ситковского [10], И. Кашницкого [11], Е. А. Питухина⁸, М. Э. Рябовой⁹, которые фиксируют системный отток молодежи и ослабление локальных культурных ресурсов.

Сравнительный контекст задают зарубежные исследования, анализирующие положение периферийных университетов в глобальной системе высшего образования [12; 13]. Они косвенно показывают, что ситуация Марий Эл вписывается в общую парадигму «центр – периферия», где традиционные меньшинства испытывают давление унифицированных образовательных моделей. Работа Б. Кларка концептуализирует универсальные образовательные ценности¹⁰, а в статье Ф. Г. Ялилова фиксируется процесс реализации этнокультурных ценностей в локальной образовательной среде [12].

Таким образом, существующие научные исследования создают основу для изучения марийской образовательной традиции, однако остаются ориентированными преимущественно на отдельные ее стороны – культурные ценности, фольклорные нормы, исторические особенности школьного образования или современную социолингвистическую ситуацию. В них отсутствует целостный философско-гуманитарный анализ образовательного менталитета мари как интегративной системы, связывающей традиционные, советские и современные модели образования. Указанный пробел определяет необходимость проведения данного исследования, направленного на реконструкцию культурно-ценностных оснований марийского образовательного менталитета и выявление логики его трансформаций в условиях современных социальных изменений.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили философские, историко-педагогические и этнографические источники, статистические источники, корпус марийских паремий; применялось включенное наблюдение в образовательных учреждениях Марий Эл (2019–2022 гг.). На концептуальных предложениях Г. П. Меньчикова (об информационной, креативной и духовной моделях образования [1]) базируется различение традиционной, институциональной и современной моделей образования, рассматриваемых как типы ценностно-смысловых конструкций, задающих форму образовательного поведения. Образовательный менталитет по определению включает нравственные, аксиологические и антропологические основания. В традиционном обществе об «образовании» говорилось как о «вращивании личности», поэтому закономерно использование этнопедагогических материалов. В рамках данного исследования менталитет определяется как сложный духовный феномен и система коллективных представлений, транслируемых через язык и ценностные основания образования.

⁷ Каланчина И.Н. Языковая картина мира как один из факторов национально-культурного самоопределения. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2024;1(13):156–161. URL: <https://journal.asu.ru/sidec/article/view/15524> (дата обращения: 05.01.2026); Куцаева М.В. Сохранность этнического языка у уральских марийцев. *Родной язык: лингвистический журнал*. 2023;(1):44–89. <https://elibrary.ru/fthdmz>

⁸ Питухин Е.А., Зятева О.А., Щеголева Л.В., Соколов В.Е. Образовательная миграция в регионах России: статистический подход. *Высшее образование в России*. 2023;32(8-9):48–69.

⁹ Рябова М.Э. Студенческая миграция в аспекте социально-философской рефлексии. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2021;21(4):394–404. URL: <https://jg.isi.mrsu.ru/м.-э.-рябова-студенческая-миграция-в-аспекте-социально-философской-рефлексии.html> (дата обращения: 05.01.2026).

¹⁰ Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-культурной перспективе. М.: Издат. дом ВШЭ; 2011. 358 с.

С одной стороны, он представляет собой уникальную духовную индивидуальность нации, путь которой объективируется в языке как ее главное коллективное творение (В. Гумбольдт)¹¹, с другой – специфический способ мышления, структурируемый культурно-обусловленной системой причинности, закрепленной в коллективных представлениях (Л. Леви-Брюль)¹². Образование в менталитете – это имплицитная культурная программа, определяющая ценностные основания образования. Оно диктует, что считать главным: передачу готовых знаний или развитие личности, безусловный авторитет учителя или партнерский диалог, воспитание успешного индивидуалиста или ответственного члена общины. Уважение к природе и предкам может рассматриваться как готовая духовная основа для уроков.

В исследовании используется философско-культурологический анализ, направленный на выявление глубинных смысловых структур, лежащих в основании образовательных представлений народа. Особое внимание уделяется анализу ключевых понятий и образов, через которые в языке и традиции репрезентируются представления о человеке, знании и воспитании.

При подготовке данной статьи для стилистической правки отдельных фраз автором использовался инструмент DeepSeek. Автор несет полную ответственность за оригинальность, достоверность и корректность всех материалов, включая фрагменты, сгенерированные с использованием искусственного интеллекта.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенного философско-культурологического анализа выявлено, что образовательный менталитет марийского этноса не представляет собой однородную и статичную систему, а структурируется через несколько устойчивых моделей образования, отражающих различные способы соотношения знания, личности и общины. Их выделение позволяет проследить внутреннюю логику трансформации образовательных представлений и выявить зоны смыслового напряжения между ментальными установками и требованиями формализованной системы обучения.

1. *Информационная модель образования* базируется на классической научной картине мира, в которой доминирует рационалистическая методология, стремление к порядку, симметрии, нормативности и абсолютности [1]. В рамках этой стратегии образовательный процесс строится на передаче готовых знаний, авторитетах, дидактике репродукции и монологе. Главной ценностью становится знание как таковое, а также подчинение и послушание. Реконструкция данной категории ценностных оснований образования опирается преимущественно на историко-этнографические источники и корпус пословиц, отражающих природно-сакральную ментальность мари, а не строгие хронологии.

В рамках традиционного марийского менталитета вплоть до конца XIX в. существовала целостная модель «народной педагогики». Ее сущностью было «вращивание» (*ончен кушташ*), интегрировавшее физическое развитие, трудовое воспитание и духовно-нравственное становление¹³. Процесс социализации носил сугубо практический характер: через наставления (*туныкташ*) и непосредственное участие в хозяйственной жизни подростки к 13-14 годам осваивали полный спектр необходимых навыков. Важную роль играл институт образовательной миграции *шинчаи коштмаи* (хождение за знаниями), когда подростки отправлялись в другие селения для обмена

¹¹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс; 1984. С. 64–65.

¹² Концепция Л. Леви-Брюля, выделявшая в первобытном мышлении «дологический» тип с особым законом сопричастия (партиципации), исторически ограничена. Однако его ключевая интуиция – о том, что представления о причинности являются культурно-обусловленными – остается продуктивной для анализа менталитета. (Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс; 1994. 602 с.)

¹³ Попов Н.С. Народная педагогика. В: Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2018. С. 322.

опытом, что расширяло кругозор и укрепляло общинные связи. Цикл традиционного воспитания, где главными учителями выступали природа и сама жизнь, завершался к 17-18 годам обретением статуса зрелого человека (*кушкын шушо*)¹⁴.

Анализ фольклорного корпуса, собранного А. Е. Китиковым, позволяет реконструировать традиционную концепцию категории «человек» (*айдеме, ен*), выступающую смысловым ядром образования. Исходным принципом является признание онтологической глубины внутреннего мира, выраженной в метафоре *Айдеме чон вакшагур гай келге* ‘Душа человека глубока как мельничный омут’. Душа человека уподобляется мельничному омуту, что задает установку на воспитание как процесс, требующий уважения к внутренней сложности воспитуемого¹⁵. В системе ценностей человек отдается знанию перед материальными благами, что явственно выражено в дихотомии *Ен ушым иштшын налаш ок лий* ‘Знания у человека не отобрать’: знание понимается как неотчуждаемая собственность личности в противовес бренности вещного¹⁶. Народная мудрость проводит четкую границу между просвещенным сознанием и невежеством, которое метафорически уподобляется слепоте – «к гадалке и слепой дорогу найдет»¹⁷, служа осуждением дорационального состояния ума. Традиционное понимание человека представляет собой синтез духовной глубины и рационального начала, формируя установку на становление личности, гармонично сочетающей уважение к внутреннему миру с критическим, осмысленным отношением к действительности.

Образовательный менталитет базируется на четких философско-антропологических основаниях, реконструируемых через пословицы. Центральным является принцип духовно-нравственного императива: *Чын кече дечат волгыдо* ‘Правда ярче солнца’ и *Янлык манаи – пунет уке, айдеме манаи – сынет уке* ‘Назвать зверем – нет шерсти, назвать человеком – нет облика/совести’¹⁸. Они выражают установку на воспитание человека, нравственно различающего мир.

Фундаментом этой системы выступает высшая ценность – *Айдемылан эн шерге – эрык* ‘Человеку дороже всего свобода’¹⁹, что задает вектор воспитания свободной личности.

Наиболее обширный пласт марийских пословиц, отражающий образовательный менталитет, посвящен категории компетентности (умений), понимаемой как синтез практического навыка, жизненного опыта и социальной ответственности. Его основу составляет целенаправленное обучение, выраженное в пословице *Тунемде пугымат тундаш ок лий* ‘Без учебы и дугу не гнуть’²⁰, где знание является обязательным условием для любого осмысленного действия. Высшая же компетентность – педагогическая – метафорически описывается как искусство баланса: *Икшывым ончет гын, ик кидышитет тул лийже, вес кидышитет вуд лийже* ‘Если воспитываешь ребенка, имей в одной руке огонь, а в другой – воду’²¹.

Критика некомпетентности носит ярко выраженный практицизм: невежда не только бесполезен, но и пребывает в иллюзорном мире, подобно тому, кто *пöрт пургыжышто шудырым шотла* ‘на потолке звезды считает’²². Особый интерес представляет народная диагностика ложных жизненных стратегий. Одна из них – превосходство физической силы над знанием: *Кид вий уло гын, вуй уш ок күл* ‘Если есть сила рук, знания в голове не нужны’²³.

Важно отметить, что понятие *туныкташ* (учить/обучать) является этически нейтральным, что указывает на осознание ответственности за направление применяемого знания.

¹⁴ Попов Н.С. Народная педагогика. В: Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2018. С. 324.

¹⁵ Китиков А.Е. Марий калык ойпого: Калыкмут-влак. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2004. С. 19.

¹⁶ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. Йошкар-Ола: Марий кн. изд-во; 1991. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 179.

¹⁸ Там же. С. 280, 313.

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Китиков А.Е. Марий калык ойпого: Калыкмут-влак. С. 119.

²¹ Там же. С. 31.

²² Там же. С. 141.

²³ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. С. 123.

Анализ концептов компетентности и невежества выявляет одну из осей образовательного менталитета – установку на целенаправленное, социально ответственное познание как условие полноценной социализации.

Помимо дихотомии компетентности и невежества, марийский образовательный менталитет формирует и более сложные социальные и экзистенциальные установки. Ключевой ценностью выступает лояльность, понимаемая диалектически. С одной стороны, поощряется стремление к знанию, добытому вдали от дома: *Мундыр мланде ушым пурта* ‘Дальняя сторона (земля) образумит’²⁴, с другой – подчеркивается, что этот путь оправдан лишь при сохранении связи с родной землей, тогда как «без причины покидать родину – большая ошибка»²⁵. Это устанавливает баланс между открытостью миру и своим долгом.

Народная философия определяет образование как «вечный проект» внутреннего самосовершенствования, лежащий вне сферы «рыночных» отношений. Афоризм *Сай койышым пазарыште огыт ужале* ‘Благородные манеры на рынке не продают’ провозглашает, что подлинная порядочность (*поро, шотан койыш*) является не внешним атрибутом, а результат глубокой внутренней работы²⁶.

Становление формального образования в марийском крае в XIX в. ознаменовало столкновение традиционной «народной педагогики» с государственно-церковной образовательной системой. Ключевым инструментом интеграции стала система «христианского просветительства» Н. И. Ильминского, которая (при использовании родного языка как проводника) сыграла двойственную роль: с одной стороны, она стала мощным катализатором приобщения к грамотности, с другой – целенаправленно трансформировала традиционное культурное сознание, внедряя в него новые мировоззренческие ориентиры²⁷. Религиозно-мифологические представления во многом определяли мировидение мари второй половины XIX – начала XX в., оставляя социальные проблемы на периферии внимания²⁸.

2. В *креативной модели образования* (конец XIX в. – 1970-е гг.), возникшей на основе неклассической научной парадигмы, акцент смещается с усвоения готовых знаний на формирование умений решать нестандартные задачи, на развитие творческого потенциала личности, способности к анализу, критическому мышлению и самостоятельному конструированию новых смыслов.

Наследие В. М. Васильева, создателя фундаментальных учебных пособий на марийском языке, затрагивает основы народной антропологии. Васильев фиксирует двойственную природу человека, называя его «самым разумным существом» и одновременно подчеркивая, что «люди друг с другом не равны»²⁹. Данное противоречие между универсальным потенциалом разума и частным неравенством индивидуумов проецируется на сферу образования и находит подтверждение в семантике ключевого для педагогики глагола *тунемам*, который Васильев переводит как ‘учусь, привыкаю’³⁰. Такая двуединая трактовка имплицитно связывает образовательный процесс с социализацией индивида в мире, где изначальное равенство отсутствует.

Паремии, интерпретируемые исследователями как отсылающие к раннесоветским социальным контекстам, служат ярким свидетельством сложного диалога между традиционным менталитетом и идеологией. Ряд пословиц демонстрирует адаптацию традиционных установок к новым реалиям. Тезис *Моштымаште – вият, пояныклат, патырлыклат*³¹ ‘В мастерстве – сила, богатство, мощь’ (и подобные ему) предположительно заимствует советскую риторику, связывая личное благополучие с производительностью труда.

²⁴ Там же. С. 183.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 233.

²⁷ Алметева И.В., Иванов А.Г., Алметева А.Ю. Женское образование в светской школе Марийского края во второй половине XIX – начале XX века. *Вестник Чувашского университета*. 2018;(2):5–11. URL: https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/2018_2.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

²⁸ Попов Н.С. Человек в религиозно-мифологических представлениях марийцев. НРФ МарНИИЯ-ЛИ. 2018. Оп. 5. Д. 63. С. 123.

²⁹ Васильев В.М. Марий мутэр. М.: СССР Калык-влак Рүдö Савыктыш; 1926. С. 17.

³⁰ Там же. С. 212.

³¹ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. С. 178.

Образовательные лозунги марийской интеллигенции в 1920 г. звучали так: «Да здравствует свободно развитый культурный гражданин Советской республики», «Марийцам тоже дайте дорогу!»³². Поскольку часть паремий трудно датировать точно, используется не строгая хронология, а культурно-историческая типология. Примечательная пословица *Шужыктен ашныме имне, кычкен шогалтымекат, шенгек ончен чума* ‘Изнуренная голодом лошадь и запряженная, смотря назад, пинается’ (дословно) объясняется Китиковым так: пережитые человеком зло, нужда, тяготы не остаются без следа и дают о себе знать³³. Данный пример относится к практике включения марийских детей в первые школы, открытые в Марийском крае. Пословица означает, что человек (или народ), который лишается корней, языка и культуры и живет по непонятным правилам, будет отчаянно сопротивляться, даже если со стороны это выглядит как глупое упрямство. Они чувствовали, как их «запрягли» в повозку и вели в неведомом направлении, лишив при этом духовной пищи, к которой они привыкли. Эта пословица – не осуждение учеников, а мудрое понимание их судьбы.

Однако наиболее ценными являются тексты, в которых проявляется критическая рефлексия культурных потерь. Народный комментарий к пословице *Йылме ок туныкто гын, ылыш ике туныкта* ‘Если язык не учит, жизнь сама научит’ – «окончив среднюю школу, отправился в большой город, на стройки»³⁴ – раскрывает не романтику социального лифта, а трезвое понимание образования как механизма отрыва молодежи от традиционной среды. Горьким итогом языковой политики становится афоризм *Марлаже монден, рушлаже тунем шуын огыл*³⁵ ‘По-марийски забыл, а по-русски не научился’, фиксирующий одновременно кризис идентичности и мотивацию к совершенствованию знания языков. Паремии этого периода являются полем активного смыслообразования, где традиционные ценности сталкиваются с вызовами модернизации, порождая формулы адаптации и констатации ситуации.

В XX в. происходит институционализация образования как ключевого элемента национальной идентичности: «быстрыми темпами возрождалась национальная культура, росла национальная интеллигенция, расширялась сеть общеобразовательных учреждений»³⁶. Ключевым достижением стало создание системы образования с преподаванием большинства предметов на марийском языке, а также массовая подготовка национальных педагогических кадров³⁷. Материальной основой этого процесса стал масштабный выпуск учебной литературы: с 1908 по 1960 г. было издано свыше 500 наименований учебников по естественно-научным дисциплинам, истории и обществоведению, что обеспечивало реальное функционирование обучения на родном языке³⁸.

Формировалось среднее и высшее звено образования в Марийском крае, однако его судьба рельефно демонстрирует внутренний конфликт менталитетов: выпускники техникума воспринимались как «скорее носители марийской культуры, чем идеальные носители советской», что в конечном итоге привело к его ликвидации³⁹. Уже в 1930-е гг. начинается кардинальная трансформация едва зарождающейся парадигмы. Принципы «классовости и партийности» приводят к существенному обеднению национального компонента в подготовке учителей⁴⁰.

³² Попов Н.С. Культурно-образовательная деятельность марийской интеллигенции в 1917–1921 годах. С. 75, 77. <https://elibrary.ru/gvkifp>

³³ Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. С. 299.

³⁴ Там же. С. 105.

³⁵ Там же. С. 170.

³⁶ Апакаев П.А. Развитие народного образования в Марийской автономной области в 20-е годы XX века. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. П. Я. Яковлева*. 2011;(4-2):8–12. URL: [https://vestnik.chuvvpu.ru/upload/docs/2011/4\(72\)_2011_2.pdf](https://vestnik.chuvvpu.ru/upload/docs/2011/4(72)_2011_2.pdf) (дата обращения: 12.12.2025).

³⁷ Земцова О.Б. Становление и развитие среднего педагогического образования в Марийском крае в 20–30-е гг. XX в. *Сибирский педагогический журнал*. 2006;(4):139–146. <https://elibrary.ru/pixqjx>

³⁸ Куцаева М.В. Сохранность этнического языка у уральских марийцев. *Родной язык: лингвистический журнал*. 2023;(1):44–89. <https://elibrary.ru/fthdmz>

³⁹ Там же. С. 82.

⁴⁰ Земцова О.Б. Становление и развитие среднего педагогического образования в Марийском крае в 20–30-е гг. XX в. *Сибирский педагогический журнал*. 2006;(4):139–146. <https://elibrary.ru/pixqjx>

Креативная модель в марийской реализации продемонстрировала фундаментальное противоречие: провозглашая развитие личности, она на практике часто подавляла этнокультурную идентичность, превращая менталитет из субъекта в объект образовательного процесса. Этот исторический опыт свидетельствует о том, что подлинно креативная образовательная стратегия невозможна без учета культурных оснований менталитета и уважения к его внутренней логике развития. Данное образование приводило порой к формированию циничных специалистов, для которых модернизация становилась самоцелью. Это порождало опасность утраты гуманистической направленности образования.

3. В ответ на вызовы времени формируется неоклассическая *духовная модель образования* (в экзистенциально-антропологическом, а не конфессиональном смысле), основанная на синтезе лучших черт предыдущих стратегий с акцентом на духовное развитие личности. В центре образовательного процесса – человек как духовно зрелое существо, способное к самопознанию и культурному диалогу. Современная динамика образовательного менталитета может быть проанализирована с опорой на обширный корпус научных источников, этнодемографические данные и практики цифровизации образования, что позволяет выявить устойчивые тенденции и институциональные противоречия.

Анализ современной динамики опирается на устоявшиеся принципы в образовании. Ряд субъектов Российской Федерации имеют позитивный опыт реализации этнокультурного образования. Полилингвальное образование, предполагающее обучение на трех языках – русском, родном и иностранном [14, с. 94], является практическим инструментом реализации «легитимного беспорядка», обеспечивающего баланс ценностей справедливости, компетентности, свободы и лояльности. Такой подход способен преодолеть дихотомию «традиция – модернизация», трансформируя марийский образовательный менталитет в субъект конкурентоспособного развития в поликультурном мире. Для высшего же образования вызовом остается баланс между справедливостью (равным доступом), компетентностью, свободой и лояльностью⁴¹. Периферийные университеты адаптируются к локальным условиям миграции, ресурсным ограничениям и формируют особый патерналистский этос воспитательной работы [9; 12].

Интеграция исторического опыта Марийского государственного педагогического института в духовную образовательную стратегию демонстрирует преимущество вызовов. В постсоветский период МГПИ, будучи единственным педагогическим вузом республики, адаптировался к новым условиям, сохраняя ядро миссии. Несмотря на сокращение финансирования, институт прошел аттестацию, продолжая научные исследования и укрепляя международные связи с финно-угорскими вузами [5]. Низкая привлекательность в сравнении с техническими и классическими университетами привела к его объединению с Марийским государственным университетом, что отражает структурные ограничения периферийного высшего образования. В последующие годы поиск новой институциональной формы, способной сочетать этнокультурную составляющую (локальную лояльность) с требованиями академической конкурентоспособности (компетентность) в рамках новой образовательной стратегии привел к формированию Института национальной культуры и межкультурной коммуникации.

Анализ региональной ситуации выявляет устойчивое противоречие между символической поддержкой этнокультурного образования и системными ограничениями его институциональной реализации. Высокий декларируемый статус марийского языка (98,7 % носителей в Башкортостане) сопровождается экономическими, территориальными и качественными проблемами системы образования⁴² [8], которые не

⁴¹ Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-культурной перспективе. С. 295–323.

⁴² Букатина Е.Г. Особенности реализации образовательной политики в Республике Марий Эл. *Инновационные технологии управления и права*. 2022;(1):33

компенсируются даже активной педагогической деятельностью⁴³. Полевые исследования фиксируют ухудшение межпоколенной трансляции языка, снижение языковой социализации младших поколений и наличие институциональных барьеров, включая устаревшее учебно-методическое обеспечение⁴⁴. В федеральный перечень включена лишь одна линия учебников «Шочмо (марий) йылме» для 5–9 классов⁴⁵, что при отсутствии непрерывной линейки с начального до старшего звена существенно ограничивает возможность системного обучения даже при наличии мотивации у учащихся и энтузиазма у педагогов. Данная ситуация противоречит принципу динамического равновесия ценностей.

Современное состояние этнокультурного образования в Марий Эл характеризуется асимметричной динамикой: относительное усиление на дошкольном уровне не сопровождается устойчивостью на последующих ступенях. В системе дошкольного образования марийский язык изучается в 116 детских садах с охватом 4 992 воспитанника⁴⁶, что может свидетельствовать о росте родительского запроса на раннюю языковую социализацию. Однако на уровне общего образования наблюдается резкий спад: в 2020–2021 гг. марийский язык как родной изучали 7 950 школьников в 83 организациях⁴⁷, тогда как в 2024 г. основной государственный экзамен (ОГЭ) по этому предмету сдали лишь 342 человека⁴⁸, что указывает на разрыв между формальным присутствием языка в учебных планах и его реальным освоением. Сопоставление с Башкортостаном, где в 103 школах марийский язык изучают 4 459 учащихся⁴⁹, позволяет говорить об относительной устойчивости его позиций вне титульной республики.

Особые трудности демонстрирует сегмент интегрированных курсов: за год доля школьников, изучающих марийский язык как государственный, сократилась с 16,0 до 11,8 %, а в интегрированном формате – с 29,95 до 12,0 %⁵⁰. Эта динамика отражает не столько отказ от языка, сколько методическую неоформленность интеграции, при которой отсутствие специализированных учебников и четких ориентиров ведет к подмене языковой практики культурологическими и историческими компонентами, что фактически нейтрализует предмет и размывает его статус.

Статистические данные подтверждают критическое расхождение между числом носителей и масштабами формального изучения языка. В 2022 г. марийский язык обозначили как родной около 200 тыс. чел. при общей численности мари 247 тыс.⁵¹ В 2024 г. ОГЭ по родному языку сдали 342 чел., по родной литературе – 136 при общем числе сдававших ОГЭ в республике 7 817 чел.⁵² Это формирует модель,

⁴³ Шаров В.Д. Педагогическое творчество работников детских учреждений в этнокультурном образовании и воспитании детей. *Марийское краеведение: опыт и перспективы развития*. 2019;1(1):90–92. <https://elibrary.ru/mmamyf>

⁴⁴ Куцаева М.В. Сохранность этнического языка у уральских марийцев. *Родной язык: лингвистический журнал*. 2023;(1):44–89. <https://elibrary.ru/fthdmz>

⁴⁵ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 26.06.2025 № 495 «Об утверждении федерального перечня учебников».

⁴⁶ Марийская правда. В Марий Эл обсудили вопросы изучения родных языков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marpravda.ru/news/obrazovanie-i-vospitanie/v-mariy-el-obsudili-voprosy-izucheniya-rodnykh-yazykov/> (дата обращения: 26.12.2025).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ГБУ Республики Марий Эл «ЦИТОКО». Результаты ГИА-9 выпускников 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://giareports.citoko.ru> (дата обращения: 26.12.2025).

⁴⁹ Банк документов Минпросвещения России. Данные мониторинга сохранения и развития родных языков народов Российской Федерации в части изучения родных языков в дошкольных и общеобразовательных организациях Российской Федерации в 2021–2022 учебном году [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b7743ead77362d8d49d25a38f5347b91/download/4406/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁵⁰ Интернет-журнал «Кидшер». В Марий Эл 8,6% школьников изучают марийский язык как родной [Электронный ресурс]. URL: <https://kidsher.ru/ru/society/48164> (дата обращения: 02.12.2025).

⁵¹ Маристат. Национальный состав населения Республики Марий Эл (итоги ВПН-2022). Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку в Республике Марий Эл [Электронный ресурс]. URL: <https://12.rosstat.gov.ru/storage//2022/12-30/VBEmDOqi/7/Таблица%207.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵² Центр информационных технологий и оценки качества образования РМЭ. Итоги ГИА-11 2024 в Республике Марий Эл [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.mari.ru/citoko> (дата обращения: 06.08.2025).

в которой этническая идентичность сохраняется преимущественно в символическом, а не в языковом измерении.

Долгосрочный миграционный отток усугубляет данную тенденцию. За 2000–2023 гг. республика потеряла около 231 тыс. чел.⁵³, при этом устойчивый отток молодежи создает демографический вакуум для воспроизводства этнокультурной среды. В 2024 г. из 2 394 выпускников школ 923 чел. (38,6 %) уехали учиться в другие регионы, тогда как в региональные вузы поступили 927 чел.⁵⁴, что свидетельствует о снижении привлекательности локальной образовательной системы. Анализ возрастных когорт 17–18 и 20–23 лет в сочетании с коэффициентом возврата 2,50 [10] указывает на структурный характер утечки человеческого капитала, при которой республика воспроизводит специалистов преимущественно для других субъектов страны. Дополнительно трансформируется сама форма миграции: она приобретает не только физический, но и виртуальный характер, выражающийся во включении выпускников в глобальные образовательные сети при ослаблении их связи с локальной этнокультурной средой⁵⁵.

Этот миграционный тренд имеет двойное негативное последствие для этнокультурной среды. С одной стороны, происходит непосредственное сокращение численности марийской молодежи в репродуктивном возрасте, способной стать носителем и транслятором традиционного менталитета. С другой стороны, теряется именно та часть молодежи, которая получила формальное образование и могла бы составить основу для модернизации и адаптации этнической культуры к современным вызовам. Таким образом, образовательная миграция подрывает саму возможность реализации «духовной модели образования», поскольку ее целевая аудитория – духовно развитая личность, способная к культурному диалогу, – физически покидает территорию воспроизводства этничности.

Выявленная тенденция оттока выпускников школ и студентов из региона является частным проявлением общероссийской системной проблемы, которую исследователи характеризуют как «умирание периферии в движении» [11, с. 182]. Как отмечается в академических исследованиях, компенсирующей обратной миграции молодых людей на периферию не наблюдается. Напротив, наиболее депрессивные периферийные муниципалитеты продолжают терять население молодых трудоспособных возрастов, даже после предшествующего массового оттока выпускников школ. Это означает, что для Марий Эл как для региона-донора утечка молодежи носит структурный и долгосрочный характер. Постоянный отток молодежи ускоряет депопуляцию и старение населения на периферии. Быстрое сокращение численности населения приводит к упадку социальных институтов (например, к закрытию школ).

При сохраняющихся системных ограничениях для реализации духовной модели в рамках формальных институтов критически важную компенсаторную роль может играть неформальное этнокультурное образование. Краткосрочной стратегией поддержки идентичности может стать целенаправленное развитие цифровых образовательных ресурсов и сообществ (онлайн-курсов, виртуальных фольклорных архивов и др.), компенсирующих дефицит формального институционального присутствия.

Заключение

На основе проведенного исследования могут быть сформулированы следующие выводы. Комплексный анализ позволил реконструировать ядро традиционного марийского образовательного менталитета, выявив его системообразующие концепты: диалектическое

⁵³ Маристат. Данные о населении Республики Марий Эл [Электронный ресурс]. URL: <https://12.rosstat.gov.ru/folder/27269> (дата обращения: 12.08.2025).

⁵⁴ Центр информационных технологий и оценки качества образования РМЭ. Итоги ГИА-11 2024 в Республике Марий Эл [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.mari.ru/citoko> (дата обращения: 06.08.2025).

⁵⁵ Рябова М.Э. Студенческая миграция в аспекте социально-философской рефлексии. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2021;21(4):394–404. URL: <https://jg.isi.mrsu.ru/м.-э.-рябова-студенческая-миграция-в-аспекте-социально-философской-рефлексии.html> (дата обращения: 12.12.2025).

единство духовной глубины (*чон*) и рационального знания (*уш*), аксиологический примат свободы личности (*эрык*), понимание компетентности как синтеза практического навыка и социальной этики, а также интерпретацию образования в качестве «вечного проекта» внутреннего самосовершенствования, лежащего вне логики утилитарного обмена.

Ретроспективный анализ выявил историческую диалектику взаимодействия этой укорененной системы ценностей народной педагогики («взрачивание» – *ончен кушташ*) с последовательно сменявшимися ее формальными моделями. Данный процесс прошел через этап целенаправленной аккультурации посредством просвещения (миссионерская система Н. И. Ильминского) к последующей инструментализации в советский период, когда провозглашенная креативная модель развития личности была существенно ограничена идеологическим подавлением этнокультурного содержания. Этот конфликт привел к фольклорно зафиксированному кризису идентичности, афористично выраженному в формуле *марлаже монден, рушлаже тунем шуын огыл* («по-марийски забыл, а по-русски не научился»), релевантной и для современных вызовов.

В контексте исторической диалектики особого внимания заслуживает резкая амплитуда изменений: от существования в 1930-е гг. полноценной системы школьного образования с преподаванием на марийском языке всего спектра дисциплин (не только в пределах Марийской автономии, но и в районах компактного проживания мари за ее пределами) – до современной ситуации дефицита учебно-методических ресурсов, когда образование зачастую сводится к факультативным или интегрированным курсам без системного обеспечения. Этот исторический прецедент демонстрирует принципиальную возможность функционирования развитой образовательной системы на марийском языке, что служит важным аргументом при оценке современных перспектив и стратегий его сохранения.

Диагноз современного состояния выявляет углубляющийся системный кризис, который выражается в тройном разрыве: между декларируемой языковой идентичностью и ее местом в образовательной системе; между символической поддержкой этнокультурного компонента и реальным дефицитом институциональных ресурсов; между потребностью в сохранении культурного кода и структурной утечкой человеческого капитала через миграционный отток молодежи.

В практическом отношении в качестве ответа на выявленные системные вызовы обосновывается модель полилингвального образования. Она концептуализируется не как узкотехническое методическое решение, а как комплексная организационно-педагогическая рамка для воплощения принципа «легитимного беспорядка». Данный принцип позволяет динамически сбалансировать ключевые, зачастую конкурирующие, ценности образовательной системы. В предлагаемой модели это находит такое воплощение:

1) ценность *справедливости* обеспечивается гарантией равного и полноценного доступа к изучению родного (марийского), государственного (русского) и иностранного языков;

2) *компетентность* достигается через формирование гибкой, конкурентоспособной и многомерной языковой личности;

3) *свобода* реализуется посредством расширения выбора индивидуальных образовательных траекторий и поддержки экзистенциального самоопределения;

4) *лояльность* культивируется через сознательное укрепление связи с локальным культурным сообществом без изоляции от глобального контекста.

Конкретные рекомендации, вытекающие из данной модели, направлены на преодоление диагностированных институциональных разрывов. В их числе: приоритетная разработка и внедрение полной линейки учебно-методических комплексов нового поколения; реализация программ целевой подготовки, переподготовки и системной поддержки педагогических кадров, способных работать в полилингвальной пара-

дигме; а также формирование необходимых нормативных, финансовых и организационных условий для устойчивой реализации полилингвальных программ на всех уровнях образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Меньчиков Г.П. Духовная реальность человека (современная онтология смысла): моногр. Казань: Школа; 2025. 736 с.
2. Полежаев Д.В. Языковая ментальность как социально-индивидуальный феномен: особенности понимания в контексте модели «матрица идентичности». *Проблемы современного образования*. 2025;(1):20–30. <https://elibrary.ru/rxhrbb>
3. Шкалина Г.Е. Аксиосфера марийского эпического сознания по материалам героического эпоса «Югорно. Песнь о вещем пути». *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2025;1(22):155–171. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-155-171>
4. Токпулатов В.Г. Социальные и экзистенциальные детерминанты традиционного марийского менталитета. *Финно-угорский мир*. 2025;17(3):338–348. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.338-348>
5. Ештыганова С. С. Марийский государственный педагогический институт имени Н. К. Крупской в 1992–2008 годах: завершение истории. *Исторический поиск*. 2021;3(2):15–30. <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2021-2-3-15-30>
6. Каланчина И.Н. Формирование национально-гражданской идентичности в образовании: современный подход. *Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования*. 2024;(6):27–30. <https://doi.org/10.37386/2687-0576-2024-6-27-30>
7. Куцаева М.В. Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах Башкортостана (по материалам полевых экспедиций 2024 г.). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2025;1(47):50–63. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-50-63>
8. Сафин Ф.Г., Идрисова Э.Ф., Халиулина А.И. Тенденции развития малочисленных языков в сфере школьного образования в многонациональном регионе (на примере марийского языка в Башкортостане). *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2022;16(2):357–363. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-2-357-363>
9. Romanenko K, Platonova D. Upbringing work as local order: Understanding peripheral universities in post-soviet Russia. *Int J Educ Res*. 2025;133: <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2025.102748>
10. Ситковский А.М., Дождиков А.В. Внутророссийская образовательная миграция молодежи: привлекательность регионов для получения высшего образования. *Образование и наука*. 2025;27(6):149–179. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-6-149-179>
11. Kashnitsky I. Russian Periphery is Dying in Movement: A Cohort Assessment of Internal Youth Migration in Central Russia. *GeoJournal*. 2018. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9953-5>
12. Fumasoli T., Barbato G., Turri M. The Determinants of University Strategic Positioning: A Reappraisal of the Organisation. *High Educ*. 2020;80:305–334. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00481-6>
13. Ploner J., Nada C. International Student Migration and the Postcolonial Heritage of European Higher Education: Perspectives from Portugal and the UK. *Higher Education*. 2019;80:373–389. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00485-2>
14. Ялалов Ф. Г. Концепция развития полилингвального образования в Республике Татарстан. *Научный Татарстан*. 2019;3:80–96.

REFERENCES

1. Menchikov G.P. [The Spiritual Reality of Man (Modern Ontology of Meaning): Monography]. Kazan; 2025. 736 p. (In Russ.)
2. Polezhaev D.V. Language Mentality as a Social-Individual Phenomenon: Features of Understanding in the Context of the “Identity Matrix” Model. *Problems of Modern Education*. 2025;(1):20–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/rxhrbb>
3. Shkalina G.E. Axiosphere of Mari Epic Consciousness Based on the Materials of the Heroic Epic “Yugorno. The Song of the Prophetic Path”. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2025;22(1):155–171. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-155-171>

4. Tokpulatov V.G. Social and Existential Determinants of the Traditional Mari Mentality. *Finno-Ugric World*. 2025;17(3):338–348. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.017.2025.03.338-348>
5. Eshtyganova S.S. Mari State Pedagogical Institute named after N.K. Krupskaya in 1992–2008: The End of History. *Historical Search*. 2021;2(3):15–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47026/2712-9454-2021-2-3-15-30>
6. Kalanchina I.N. The Formation of National-Civil Identity in Education: A Modern Approach. *Philosophical, Sociological and Psychological-Pedagogical Problems of Modern Education*. 2024;(6):27–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.37386/2687-0576-2024-6-27-30>
7. Kutseaeva M.V. The Functioning of Mari Idioms in the Old Diasporas of Bashkortostan (Based on Field Expedition Materials in 2024). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025;1(47):50–63. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2025-1-50-63>
8. Safin F.G., Idrisova E.F., Khaliulina A.I. Trends in the Development of Minor Languages in the School Education System in a Multi-Ethnic Region (The Case of the Mari Language in Bashkortostan). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(2):357–363. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-2-357-363>
9. Romanenko K., Platonova D. Upbringing Work as Local Order: Understanding Peripheral Universities in Post-Soviet Russia. *International Journal of Educational Research*. 2025;133:102748. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2025.102748>
10. Sitkovskii A.M., Dozhdikov A.V. Intra-Russian Educational Migration of Young People: The Attractiveness of Regions for Higher Education. *Education and Science*. 2025;27(6):149–179. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2025-6-149-179>
11. Kashnitsky I. Russian Periphery is Dying in Movement: A Cohort Assessment of Internal Youth Migration in Central Russia. *GeoJournal*. 2018. <https://doi.org/10.1007/s10708-018-9953-5>
12. Fumasoli T, Barbato G, Turri M. The Determinants of University Strategic Positioning: A Reappraisal of the Organisation. *High Educ*. 2020;80:305–334. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00481-6>
13. Ploner J, Nada CI. International Student Migration and the Postcolonial Heritage of European Higher Education: Perspectives from Portugal and the UK. *High Educ*. 2019;80:373–389. <https://doi.org/10.1007/s10734-019-00485-2>
14. Yalalov F.G. The Concept of the Development of Multilingual Education in the Republic of Tatarstan. *Scientific Tatarstan*. 2019;(3):80–96. (In Russ.)

Информация об авторе:

Токпулатов Владимир Геннадьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научного направления «Этнология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (424036, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0249-3242>, SPIN-код: 4620-1789, vladimir.tokpulatov@ya.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 08.04.2026.

Information about the author:

Vladimir G. Tokpulatov, Cand.Sci. (Philos.), Senior Researcher of the Scientific Field “Ethnology”, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev (44 Krasnoarmeyskaya St., Yoshkar-Ola 424036, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0249-3242>, SPIN-code: 4620-1789, vladimir.tokpulatov@ya.ru

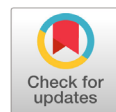
The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 26.01.2026; revised 02.04.2026; accepted 08.04.2026.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ETHNOCULTURAL HERITAGE

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.285-298>
<https://elibrary.ru/zzjibi>

УДК / UDC 39:793.3(571.122-25)

Оригинальная статья / Original article

Танец как текст культуры: семиотический анализ хореографии хантов и манси в контексте традиционных праздников

И. Ю. Теняков

*Орловский государственный институт культуры,
г. Орел, Российская Федерация, <https://ror.org/03t7x0f36>
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, <https://ror.org/02ktpg11>
ivan.peters.99@mail.ru*

Аннотация

Введение. Танец интерпретируется как особая семиосфера, синтезирующая костюм, пластику, ритм и тем самым кодирующая этническую идентичность. Актуальность работы обусловлена угрозой утраты уникального культурного кода коренных народов Севера в условиях глобализации, что делает сохранение и изучение их танцевального наследия особенно значимым. Цель исследования – семиотический анализ танцев народов ханты и манси («Медвежьи игрища» и «Вороний день»), выявление связи между их праздничной культурой и танцем как отражением традиционных мировоззренческих моделей.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили труды представителей семиотической школы (Р. Барта, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского), позволившие рассмотреть танцевальную культуру хантов и манси как знаковую систему («текст культуры»), где пластика, ритм и костюм выступают в единстве. Концепция диалога и карнавализации М. М. Бахтина применяется для анализа ритуальной коммуникации во время праздников, а анимистическая теория и понятие «пережитков» Э. Б. Тайлора – для реконструкции архаических пластов мировоззрения. Эмпирическую базу составили этнографические описания обрядовых комплексов «Медвежьи игрища» и «Вороний день», включающие анализ танцевальных движений, костюма, ритмического рисунка и их соотношения с мифологической моделью мира (вертикальная трехуровневая структура Вселенной). Основным методом выступает семиотический анализ, направленный на декодирование мировоззренческих смыслов, заложенных в традиционной хореографии.

Результаты исследования и их обсуждение. Ключевыми праздниками, воплощающими вертикальную трехуровневую модель мира у хантов и манси, являются «Медвежьи игрища» и «Вороний день». Они выступают носителями глубинных мифологем и коллективного бессознательного. Медвежий праздник, посвященный почитанию зверя-предка, включает комплекс обрядов, песен и танцев, длящихся несколько дней. «Вороний день», знаменующий приход весны, также насыщен танцевальными практиками. Танец в культуре хантов и манси выступает как «живой текст», в котором через пластику, костюм и ритм материализуются ключевые мифологемы и осуществляется связь с богами, духами и предками, выполняется функция сохранения и передачи культурного кода.

Заключение. Научная новизна исследования заключается в комплексном семиотическом анализе танцевальной культуры хантов и манси с привлечением полевых материалов и выявлением устойчивых структурных оппозиций, организующих пластический текст обряда. Практическая значимость работы определяется возможностью использования ее результатов в деятельности фольклорных коллективов, занимающихся сценической реконструкцией традиционных танцев, при разработке образовательных программ по этнографии, а также в музейной и экскурсионной практике.

© Теняков И. Ю., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: культура, танец, текст культуры, семиотический анализ, миф, этническая идентичность, праздник

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Теняков И.Ю. Танец как текст культуры: семиотический анализ хореографии хантов и манси в контексте традиционных праздников. *Финно-угорский мир*. 2026;18(2):285–298. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.285-298>

Dance as a Cultural Text: A Semiotic Analysis of Khanty and Mansi Choreography in the Context of Traditional Festivals

I. Yu. Tenyakov

Orel State Institute of Culture, Orel, Russian Federation,

<https://ror.org/03t7x0f36>

Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg,

Russian Federation, <https://ror.org/02kptg11>

ivan.peters.99@mail.ru

Abstract

Introduction. Dance is interpreted as a distinct semiosphere that synthesizes costume, movement, and rhythm, thereby encoding ethnic identity. The relevance of this study is обусловлена the threat of the loss of the unique cultural code of the Indigenous peoples of the North in the context of globalization, which makes the preservation and study of their dance heritage particularly significant. The aim of the study is to conduct a semiotic analysis of the dances of the Khanty and Mansi peoples (“Bear Festival” and “Crow Day”) and to identify the relationship between their festive culture and dance as a reflection of traditional worldview models.

Materials and Methods. The theoretical framework of the study is based on the works of representatives of the semiotic school (R. Barthes, Y. M. Lotman, B. A. Uspensky), which make it possible to consider the dance culture of the Khanty and Mansi as a sign system (“text of culture”) in which movement, rhythm, and costume function in unity. M. M. Bakhtin’s concept of dialogue and carnivalization is applied to analyze ritual communication during festivals, while E. B. Tylor’s animistic theory and the concept of “survivals” are used to reconstruct archaic layers of worldview. The empirical basis consists of ethnographic descriptions of the ritual complexes “Bear Festival” and “Crow Day”, including an analysis of dance movements, costume, rhythmic patterns, and their correlation with the mythological model of the world (a vertical three-tier structure of the universe). The main method employed is semiotic analysis aimed at decoding the worldview meanings embedded in traditional choreography.

Results and Discussion. The key festivals that embody the vertical three-tier model of the world among the Khanty and Mansi are the “Bear Festival” and “Crow Day”. They serve as carriers of profound mythologemes and the collective unconscious. The Bear Festival, dedicated to the veneration of the ancestral animal, comprises a complex of rituals, songs, and dances lasting several days. “Crow Day,” marking the arrival of spring, is likewise rich in dance practices. In the culture of the Khanty and Mansi, dance functions as a “living text”, in which key mythologemes are materialized through movement, costume, and rhythm; it enables communication with gods, spirits, and ancestors, and serves the function of preserving and transmitting the cultural code.

Conclusion. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive semiotic analysis of the dance culture of the Khanty and Mansi, incorporating field materials and identifying stable structural oppositions that organize the kinetic text of the ritual. The practical significance of the work is determined by the possibility of applying its results in the activities of folklore ensembles engaged in the stage reconstruction of traditional dances, in the development of educational programs in ethnography, as well as in museum and tour-guiding practice.

Keywords: culture, dance, cultural text, semiotic analysis, myth, ethnic identity, festival

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Tenyakov I.Yu. Dance as a Cultural Text: A Semiotic Analysis of Khanty and Mansi Choreography in the Context of Traditional Festivals. *Finno-Ugric World*. 2026;18(2):285–298. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26182.285-298>

Введение

Мифологическая картина мира хантов и манси находит свое выражение в системе образов и тем, отражающих традиционный уклад жизни и коллективно-бессознательные формы этнической принадлежности. В рамках работы важным явлением, репрезентирующим эту систему, выступает культурный праздник. Подробному анализу подвергаются два традиционных праздника, непосредственно связанных с архаичными верованиями: «Медвежья игрища» (хант. *пути хот*) и «Вороний день» (манс. *уринэква хотал*). Танец здесь занимает ключевую позицию, являясь одной из форм репрезентации родовых, тотемических и космологических кодов. «Танец является музыкально-пластическим искусством, воспроизводящим образы с помощью двигательной деятельности, образуя оригинальный (образный) язык этого вида искусства» [1, с. 38]. Танцы, исполняемые коренными народами севера, как правило, имеют обрядово-ритуальную природу. Главной задачей традиционного народного танца хантов и манси является коммуникация с миром природы, построенная на общении с духами, священными животными и богами.

В условиях глобализации и унификации культурных процессов вопрос сохранения уникального наследия коренных народов Севера становится особенно актуальным, возникает необходимость в выявлении роли танцевальной культуры как одного из наиболее устойчивых и аутентичных способов сохранения и передачи культурного кода, позволяющего поддерживать связь поколений и этническую идентичность.

Цель исследования – семиотический анализ народных танцев северных народов ханты и манси, а также выявление связей между их праздничной культурой и танцем, являющимся отражением традиционной культуры.

Задачи исследования:

- 1) реконструировать мифологические представления хантов и манси, лежащие в основе семантики ритуальных танцев;
- 2) выявить и описать основные танцевальные формы, исполняемые на праздниках «Медвежья игрища» и «Вороний день»;
- 3) провести семиотический анализ пластических элементов (движений, пространственных рисунков) танцев «Куренька» и «Аквись йикв», интерпретировать их значение в контексте традиционного мировоззрения;
- 4) определить роль танца в системе обрядовых практик как средства коммуникации с сакральным миром и механизма трансляции культурного кода;
- 5) охарактеризовать потенциал и границы стилизации традиционных танцев в современных социокультурных практиках.

Обзор литературы

Исследованию традиционной культуры обских угров посвящены работы многих этнографов и фольклористов. Вопросы семиотики хореографии в целом рассматриваются в трудах Л. К. Вычужановой, которая определяет язык хореографии как знаково-символическую систему, где ритмически упорядоченные жесты и движения служат для передачи эмоциональных состояний и культурной информации [2]. Л. Л. Негода трактует танец как закодированное высказывание, где балетное па выступает основной содержательной единицей танцевальной семиотики, отражающей эмоциональное состояние и смысловой мотив [3].

Непосредственно танцевальный фольклор хантов и манси стал предметом научного описания благодаря полевым исследованиям М. Я. Жорницкой, которая в 1970-х гг. зафиксировала и ввела в научный оборот понятие пластики традиционных танцев¹. Систематические исследования Г. Е. Солдатовой в экспедициях 1987–1999 гг.

¹ Жорницкая М.Я. Фиксация пластики движений традиционных танцев хантов и манси. М.; 1980.

в Березовском районе Тюменской области позволили собрать обширные материалы по музыкальному и танцевальному фольклору, включая аудиозаписи наигрышей, сопровождающих ритуальные танцы [4].

Уникальным визуальным источником является киноархив В. Н. Чернецова, включающий «481 рисунок, 761 фотоснимок, более 600 негативов и позитивов на стекле и фотопленке, киноматериалы в четырех фильмоштатах количеством 22 единицы» [5], который зафиксировал в 1948 г. медвежий праздник у манси и северных хантов на р. Казым, а также его этнографическое описание «Медвежий праздник у обских угров»². Наиболее масштабная источниковая база содержится в многотомном издании Н. В. Лукиной «Ханты от Васюганья до Заполярья», где опубликованы полевые материалы экспедиций Томского университета 1969–1990 гг.³

Современное изучение танцевально-пластической культуры финно-угорских народов все чаще концентрируется на семиотических аспектах традиционной хореографии, ее мифологических основаниях и процессах трансформации при переносе на сцену. Важнейшее значение для разработки методологии настоящего исследования имеют труды А. Г. Бурнаева, посвященные танцевальной культуре мордвы, которые отражают ключевые теоретические положения, применимые к анализу хореографии обских угров.

Ученый А. Г. Бурнаев обосновывает понимание народного танца как особого феномена культуры, пластический язык которого ведет свою историю от охотничьих религиозных ритуалов, сопровождавшихся натуральной пантомимой. «Характерные черты финно-угорской танцевальной традиции заключены в межнациональных оттенках и красках аутентичного фольклора, в обрядах, ритуалах, играх и календарных праздниках» [6]. Исследователь подчеркивает неразрывную связь этнических танцев с мифологией, поверьями и ритуалами календарно-обрядового цикла, что непосредственно перекликается с народами ханты и манси. Особую ценность представляют разработанные ученым положения о природной знаковости и знаковости мира животных в танце, а также анализ влияния этнического материала на специфику хореографии. Важным методологическим ориентиром служит предложенная им классификация, выделяющая ритуальные танцы и сюжетные танцы действенно-изобразительного характера, а также описание процессов эволюции народной хореографии от этнических к профессиональным образцам.

Непосредственно к материалу обских угров обращаются современные исследователи, работающие на стыке фольклористики, лингвистики и культурологии. Р. М. Потпот в статье «Структурная организация медвежьих песен, сопровождающихся танцем» [7] рассматривает взаимосвязь вербального и пластического компонентов в обрядовом комплексе медвежьих игрищ, выявляя устойчивые структурные закономерности. В другой работе исследователь анализирует фольклорные эпитеты на примере орнитоморфных обликов божеств в текстах медвежьих песен, что важно для понимания семантики птичьих образов в танцевальной пластике.

Фундаментальный вклад в изучение поэтики обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов вносит А. А. Гриневиц [8]. Исследователь выявляет устойчивые элементы поэтической системы – поэтические формулы и принципы структурной организации, которые могут быть соотнесены с повторяющимися пластическими мотивами в танцевальном сопровождении обряда. Это открывает перспективы для анализа танца как структурно организованного текста, подчиняющегося сходным с вербальным фольклором закономерностям.

² Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та; 2001. 48 с.

³ Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья: Источники по этнографии. Т. 4. Аган. Пим. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та; 2009–2010. 332 с.

Исследователь Е. Д. Каксина рассматривает ключевые мифологемы, определяющие пространственно-временную организацию обрядового действия [9]. Понятие пути-дороги как связующей нити между мирами и жизненной траектории человека находит непосредственное выражение в пространственных рисунках (линейных, круговых, зигзагообразных), что позволяет интерпретировать хореографические формы как реализацию глубинных мировоззренческих структур.

Анализ современной литературы позволяет выделить ряд актуальных взглядов на проблему изучения традиционной хореографии:

- утверждается понимание танца как синкретического феномена, неотделимого от словесного, музыкального и обрядового контекста;
- признается знаковая природа танцевальных движений, требующая семиотической расшифровки;
- фиксируется внимание к процессам трансформации аутентичных форм при их переносе на сцену, что актуализирует изучение механизмов стилизации и инсценировки.

Трудности, обозначенные в современной литературе, носят объективный и методологический характер. А. Г. Бурнаев указывает ряд существенных препятствий: «Во-первых, в теории танца до сих пор не сложились специальные разделы, посвященные традиционным танцевальным практикам, приоритет отдается профессиональному хореографическому искусству; во-вторых, сегодня еще не сформировалась терминологическая система обозначений этнических движений в рамках художественной танцевальной практики того или иного народа» [10]. К этому добавляются отсутствие планомерных полевых экспедиций, фиксирующих танцевальный фольклор, и порой некорректная обработка имеющихся образцов, ведущая к эклектичности представлений об их специфике. Применительно к хантам и манси, родственным, но отличающимся друг от друга народам, ситуация осложняется наличием самостоятельных языков и культурных традиций, что требует тонкой дифференциации материала.

В пределах изучения танцевальной культуры обских угров остается ряд нерешенных вопросов, которым и посвящена данная статья. Требуется дальнейшей разработки проблема соотношения и взаимодействия хантыйской и мансийской танцевальных традиций, встает вопрос, существуют ли единые типологические черты или мы имеем дело с двумя самостоятельными пластическими языками. Нуждается в углубленном анализе семантика конкретных танцевальных движений и их связь с мифологическими представлениями. Остается открытым вопрос о границах интерпретации танцевальных форм: какие элементы подлежат реконструкции, а какие утрачены безвозвратно, а также какова допустимая мера стилизации при сохранении семантического ядра. Исследование опирается на семиотическую методологию, привлекается широкий спектр этнографических источников.

Материалы и методы

Исследование базируется на семиотическом подходе московско-тартуской школы. Текст культуры в понимании Ю. М. Лотмана представляет собой сочетание текстов, определяющих мировоззренческие ценности культуры, где танец выступает самостоятельной семантической единицей, благодаря чему мы раскрываем культурный код народов севера. «Именно текст является основой его подхода к исследованию культуры, которая определяется им в качестве “совокупности всей ненаследственной информации, способов организации информации и ее хранения”» [11].

Профессор Б. А. Успенский рассматривает культуру как систему отношений человека с окружающим миром, регламентированную языком, который выступает основой коммуникации и архивом человеческой истории. «В этом смысле культура

предстает как язык или же совокупность языков, распределенных по своим функциям, – что и позволяет говорить о семиотике культуры. Ведь язык не только система коммуникации: это также система хранения и организации информации» [12].

Ключевые аспекты теории семиологии Р. Барта позволяют рассматривать знак как единство «означающего» и «означаемого». В применении к народному танцу «означающее» – это телесные движения, пространство, костюм и музыкально-ритмический рисунок, а «означаемое» – культурный код, обряд, социальная иерархия, мифология [13]. Анализируя миф как надстройку над первичной знаковой системой, мы выделяем два уровня: первичный (жест как физическое движение) и вторичный (понимание жеста в контексте мифологем).

Концепция диалога культур М. М. Бахтина способствует рассмотрению танца как диалогического текста, обращенного одновременно к духам и божествам, общине и последующим поколениям⁴. «Понятие культурного диалога, осмысливаемое с философских позиций, предполагает активное взаимоотношение автора и читателя (зрителя, слушателя), которое происходит при обращении к произведению искусства, историческому свидетельству существования конкретной цивилизации, научным исследованиям. По представлениям В. С. Библера, любое произведение культуры было не только создано его автором, но и понято читателем, зрителем или слушателем, а значит, наполнено смыслом и процессом общения» [14].

Понятие карнализации М. М. Бахтина, понимаемое как «инверсия двоичных противопоставлений»⁵, когда в ритуально-праздничном действе происходит временное переворачивание социальных иерархий и смешение сакрального и обыденного, позволяет интерпретировать такие явления, как переодевания в медвежьих игрищах, ритуальные практики, пародирование духов и другие элементы народной культуры, непосредственно связанные с танцевальной пластикой.

Фундаментальное значение имеет концепция Э. Б. Тайлора, изложенная в труде «Первобытная культура». Введенное им понятие «пережиток» позволяет рассматривать танцевальные формы, сохраняющиеся в обрядах, как живые свидетельства архаических верований и практик⁶. Анимистическая теория, понимающая душу как причину жизни и мысли, проецируется на танцевальную культуру обских угров: в танце человек вступает в коммуникацию с душами животных через зооморфную пластику.

Исследование опирается на опубликованные этнографические материалы и полевые наблюдения, зафиксированные во второй половине XX – начале XXI в.: киноархив В. Н. Чернецова (1948 г.) и его этнографическое описание⁷; полевые материалы М. Я. Жорницкой (1970-е гг.)⁸; систематические исследования Г. Е. Солдатовой (1987–1999 гг.) [4]; многотомное издание Н. В. Лукиной «Ханты от Васюганья до Заполярья»⁹; диссертационное исследование Т. А. Молданова, посвященное картине мира в медвежьих игрищах¹⁰ [15].

Основным методом исследования выступает семиотический анализ, позволяющий рассмотреть танец в качестве знаковой системы. Поскольку семиотический анализ танцев, исполняемых на праздниках «Медвежьих игрища» и «Вороний день», невозможен без реконструкции их мифологической основы, работа строится

⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство; 1979. С. 361–373.

⁵ Иванов В.В. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. *Ученые записки Тартуского университета*. 1978;(408).

⁶ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Пер. с англ. Д.А. Коропчевского. М.: Изд-во политической литературы; 1989. 573 с.

⁷ Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. 48 с.

⁸ Жорницкая М.Я. Фиксация пластики движений традиционных танцев хантов и манси. М.; 1980.

⁹ Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья: Источники по этнографии. Т. 4. 332 с

¹⁰ Молданов Т.А. Традиции проведения медвежьих игрищ казымских хантов. В: Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Мат-лы к конф. СПб.; 1993. Ч. 3. С. 86–88.

на синтезе двух подходов. С одной стороны, применяется структурно-мифологический анализ для выявления мифологем, формирующих смысловое поле обряда. С другой стороны, эти смыслы исследуются на уровне конкретной хореографической пластики, ритма и взаимодействия исполнителей. Таким образом, танец рассматривается как динамическая и составная часть обрядово-ритуальных практик, где телесное движение становится актом трансляции и актуализации ключевых для данной культуры кодов.

Применялся структурно-мифологический анализ для реконструкции смыслового поля обряда, в которое погружено танцевальное действие, а также сравнительно-исторический метод для выявления архаических элементов и их трансформации во времени, рассматривающий современные танцевальные формы как «пережитки» древних тотемических и промысловых культов.

Результаты исследования и их обсуждение

«Мифология была самым первым и наиболее действенным воспитательным средством. В ней выражались мироощущение и мировоззрение народа, понимание появления первого человека, объектов и явлений природы, позиционирование себя среди других народов и объектов (явлений) окружающего мира» [16]. Мифологическая картина мира коренных народов севера имеет вертикальную трехуровневую ось построения – верхний, средний и низший миры. Согласно одной из точек зрения, пантеон божеств имеет семиуровневую ось построения. «...Пантеон мансийских (вогульских) божеств насчитывает свыше трехсот персонажей, которые можно расклассифицировать с разных позиций. Например: по месту обитания: 1) живущие (обитающие) на небе; 2) живущие (обитающие) на земле: а) живущие в реке; б) живущие в воде; в) живущие в лесу; г) живущие в селениях; д) живущие в доме; е) не имеющие определенной привязанности к территории; 3) живущие под землей» [17, с. 1]. Мы опираемся на первую позицию, согласно которой человечество живет в среднем мире – составной части трехуровневого мира. Главой верхнего мира выступает Нуми-Торум – «Верховное божество, бог-демиург. Вместе со старшими богами он создал Землю и установил порядок в мире» [18, с. 4]. Нуми-Торума часто изображают седым старцем в золотых одеждах, который сидит на стуле и наблюдает за жизнью на Земле через «дыру» в небе. Нуми-Торум дарует людям свет и определяет длительность жизни человека. Владычица среднего мира – Калтац, или Богиня-мать, имеет святой посох, к которому привязаны нити судьбы. Благодаря им она определяет жизненный путь человека, а также имеет право даровать и забирать жизнь. Божеством низшего мира в культуре хантов и манси является Куль-Отыр, брат Нуми-Торума, выступающий его антагонистом. Куль-Отыр вредит людям: прячет святила, провоцирует на нарушение порядка, порождает злых животных и забирает умершие души.

Выделим несколько ключевых аспектов, касающихся ритуальных практик хантов и манси и их взаимосвязи с танцем:

- 1) календарные обряды – ритуальные практики, приуроченные к смене времен года, охотничьим и рыбным сезонам; включают в себя танцевальные элементы, символизирующие возобновление цикла жизни;
- 2) обряды инициации – танец как форма испытания и символической смерти перед новым этапом жизни;
- 3) праздники и поминальные обряды – танцы, исполняемые в честь предков, часто сопровождаются мифологическими сюжетами, передаваемыми в движениях;
- 4) шаманские практики, где танец выступает способом коммуникации с духами. Танцуя, шаман входит в состояние транса, использует жесты для взаимодействия с потусторонними силами.

Данные обряды и практики вплетены в жизнь хантов и манси и являются одними из главных структурных элементов праздничной культуры данных народов.

Ключевой праздник в культуре коренных народов севера – «Медвежьи игрища». «В “Медвежьих игрищах” нашли отражение представления тотемизма, промыслового культа и древнего культа умирающего и воскресающего божества» [19, с. 2]. Медведь у многих народов является священным животным, в Сибири традиция его почитания сохранилась до наших дней. Медведь в мифологии хантов и манси – сын или дочь верховного бога Нуми-Торума. Праздник проводится раз в семь лет или по случаю добычи зверя. Считается, что добытый медведь приходит в гости, и как гостю ему предоставляют различные почести и поют медвежьи песни.

Медвежья песня (манс. *уй эрыг*) рассказывает о небесном происхождении зверя, который наказан отцом, великим Торумом, за нарушение запрета не трогать олени стада, не разорять лабазы и не «разрушать молитвы людей». Но голодный медведь, забыв об этом, устроил разбой. Мать-земля, защищая людей, пророчит зверю небесную кару, которая и настигает его. Медведя убивает охотник, однако душа зверя возвращается на небо в течение четырех или пяти, в зависимости от пола зверя, праздничных дней. В строках закреплён сакральный для коренных народов севера образ медведя:

Милый Зверь, просыпайся!
 Милый Зверь, пробуждайся!
 Кедровка, твоя сестра,
 Села на вершине низкого дерева,
 Села на границе кроны высокого дерева¹¹.

Праздничная церемония начинается ближе к полудню с нескольких обрядовых действий, длится всю ночь и заканчивается под утро. В. Н. Чернецов отмечает: «Праздник распространён у обских угров повсеместно и имеет одинаковые формы, но детали обряда могут варьироваться, так как каждый род предпочитает те песни и пляски, которые посвящены духам, наиболее тесно связанным с ними (соответствующими родами)»¹². В процессе обряда тушу медведя ритуально «раздевают»: разделявают, отделяя шкуру от мяса, при этом шкуру с головы и передних лап до кистевых сгибов не снимают. Затем медведя укладывают на специальный обруч в жертвенной позе, помещая голову зверя между лапами. Трое самых старших мужчин поют песню, ритмично при этом покачиваясь. Далее медведя везут в стойбище через священные места, делая остановки на озерах, реках, болотах и лесах. На подходе к селению охотники оповещают своих соплеменников о приходе лесного гостя, а жители должны встретить его дымящейся чагой. В стойбище голову медведя устанавливают в священном углу дома, здесь проводится обряд гадания. На глаза и нос медведя кладут монеты (если убита медведица, то сверху накидывают платок и надевают бисерные украшения), у «хозяина леса» спрашивают согласия на проведение игрищ. После выбирают жертвенное животное (манс. *йир*), обычно оленя (основная цель жертвоприношения – «заглаживание вины» перед духом убитого медведя и богами; согласно традиции, медведь – «гость», его нужно встретить достойно), и местные исполнители священных танцев приходят в жилище и готовятся проводить первый обряд.

Каждое утро перед головой животного исполняется песня пробуждения. В течение всех праздничных дней – четырех, если это медведица, и пяти, если медведь, исполняется до 300 номеров: песен, танцев, пантомим. На медвежьих игрищах

¹¹ Песни и сценки медвежьего праздника манси: хрестоматия. Кн. 2. Тексты на русском языке. Сост. Н.В. Лукина, С.А. Попова. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»; 2017. 190 с.

¹² Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. 48 с.

представлены все виды народного творчества, в которых участвуют, как правило, мужчины, реже – девушки, исполняющие каждый день по окончании цикла звериных песен «женский танец»:

Милый Зверь, просыпайся!
Милый Зверь, пробуждайся!
Кай-ос-ю-их¹³.

Существует еще одна часть праздника, на которой запрещено присутствовать женщинам и детям, где мужчины гадают на успех в предстоящей охоте и поют «запретные песни» о душе медведя. Согласно поверьям, если зверь согласится быть духом-хранителем, его душа отправляется на небо, если нет – остается с земным телом.

Хореографический фольклор северных народов изучала также М. Я. Жорницкая. Благодаря ее исследованиям известны пляски, которые исполнялись на «Медвежьих игрищах»: например, мансийская женская пляска «Аквись йикв» («священный танец»), являющаяся важным элементом культурного кода манси, отражающая мифологическую картину мира народа (рисунок). Опираясь на семиотический анализ, мы можем рассматривать движения как знаковые формы, которые воспроизводят смыслы традиционной культуры народа. Движения в танце, олицетворяющие образ медведицы, имеют плавный, величественный характер. Эта пластика контрастирует с мужской – резкой, прыжковой, энергичной, что реализует гендерную оппозицию, пронизывающую всю традиционную культуру.

Пространственная организация танца несет глубокую семиотическую нагрузку. Исполнение происходит перед головой медведя, уложенной в священном углу дома – такая пространственная структура реализует ключевую для семиотики Ю. М. Лотмана оппозицию «сакральное/обыденное»: пространство перед медведем маркировано как сакральная зона, танец обращен к духу зверя. В прошлом танцоры закрывали

Р и с у н о к. Мансийская женская пляска «Аквись йикв»
F i g u r e. Mansi women's dance "Akvis yikv"

Источник: Департамент культуры Ханты-мансийского автономного округа – Югры.
Source: Department of Culture of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra.

¹³ Песни и сценки медвежьего праздника манси: хрестоматия. Кн. 2. Тексты на русском языке. 190 с.

лицо большим платком или маской, а на руки надевали специальные ритуальные рукавицы. Старинное поверье гласит, что медведю нельзя показывать не только лицо, но и руки, иначе после возрождения при встрече в лесу он может узнать человека и отомстить за убийство. Данная деталь важна для понимания семантики танца: он представляет собой анимистический диалог с душой зверя, где человек стремится сохранить анонимность, чтобы избежать потенциальной будущей мести.

Анализ движения рук в «Аквись йикв» также дает богатый материал для интерпретации. Руки могут быть раскрыты в стороны, подняты вверх, находиться на бедрах, на уровне грудной клетки или поочередно менять положение на плечах – каждое положение рук имеет определенное смысловое значение, соответствующее содержанию танца. На рисунке мы видим действие семиотического механизма, описанного Р. Бартом: на первичном уровне жест выступает как «означающее» (физическое движение), на вторичном – как «означаемое» (элемент мифологического нарратива, рассказ о взаимоотношениях человека и природы, человека и духов).

С точки зрения концепции диалога М. М. Бахтина, «Аквись йикв» представляет собой многоуровневый диалогический текст. На вертикальном уровне это диалог с духом медведя, на горизонтальном – коммуникация с общиной, наблюдающей за танцем и подтверждающей правильность его исполнения. Сама необходимость участия всех членов общины в танцевальном действе восходит к архаическому мировоззрению. Таким образом, танец выступает в качестве механизма поддержания социального порядка и космического равновесия.

«Вороний день» входит в число официальных праздников Югры и с 2011 г. ежегодно отмечается во вторую субботу апреля, способствуя популяризации традиционной культуры коренных народов севера.

Ворона в мифологической картине мира хантов и манси является священной птицей, провозвестником весны, символом пробуждения природы и покровителем людей¹⁴. Также считается, что с прилетом вороны начинается новый год, наступает время обновления и надежд. Сакральный образ птицы выступает духовным защитником человека, приносящим удачу и берегущим от бед.

Согласно народной легенде, именно ворона пробудила своим криком первого человека и природу: «Именно эта птица первой прилетает с юга в северные края. Также, данный праздник представляет собой транслирование этнокультурных и семейных ценностей, способствующий формированию духовно-нравственной культуры, выполняет воспитательные задачи, транслируемые в самой легенде о Вороне, которая на современном этапе претерпела значительные изменения» [20, с. 2].

Изучив материалы, описывающие празднование «Вороньего дня», большее количество упоминаний о порядке проведения праздника мы нашли в национальном селе Кышик Ханты-Мансийского района. «Вороний праздник» здесь традиционно начинается с поклонения духу огня. Согласно хантыйским обычаям, в уголки красной ткани завязываются монеты белого цвета, этим даром «угощают» огонь, чтобы в доме царил порядок. Далее начинается сам праздник, сопровождаемый народными забавами, играми, стрельбой из лука, соревнованиями и, конечно же, плясками.

«Куренька» – подражательный танец, имитирующий поведение птиц. В контексте «Вороньего дня» он сохраняет отчетливые следы магической функции: через подражание вороне человек стремится обеспечить плодородие, благополучие и защиту. Пространственный рисунок танца – круговой: исполнители движутся по кругу, что в традиционной культуре является моделью мироздания, символом солнца, цикличности времени. Характер движений отличается от медвежьего танца. Быстрый темп, дробные движения ног, вращения – все это создает образ суетливой, деятельной птицы, выующей гнездо и пробуждающейся к жизни. Замысел танца отсылает к бахтинскому

¹⁴ Традиционные праздники обских угров в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Сост. Э.П. Сургутскова. Ханты-Мансийск: Принт-Класс; 2014. С. 7–10

понятию карнавальная стихии с ее энергией и жизнеутверждением. «Вороний день» – праздник весны, обновления, рождения, и танец передает эту семантику через ритмический и пластический рисунок.

Танец, как правило, исполняют девушки, надевающие на плечи поверх одежды платок и головной убор, имитирующий воронью голову, а подергивания уголков платка символизируют взмахи крыльев. Во время праздника также исполняются круговые хороводные танцы, символизирующие движение солнца и обновление природы. Иногда проводят обрядовые игры, в которых участники своими движениями подражают прыжкам вороны и ее крику.

Особого внимания заслуживает работа с платком. Платок становится означающим птицы, при этом само означаемое (ворона) не изображается прямо – оно возникает в сознании зрителя через метонимический перенос: часть (платок) замещает целое (крыло), крыло же отсылает к птице. Это классический пример семиотического механизма, где означающее отсылает к объекту через систему культурных конвенций.

С точки зрения концепции пережитков Э. Б. Тайлора, «Куренька» представляет собой пример архаического обряда, утратившего исходное магическое значение, но сохранившегося в силу традиции и адаптации к новым условиям. В современной интерпретации «Вороний день» становится площадкой, где коренные народы могут заявить о себе, однако в пластике и ритме танца прослеживаются древние анимистические смыслы.

Проведенный семиотический анализ двух аутентичных танцев позволяет сделать ряд теоретических выводов, значимых для общей концепции исследования:

1) подтверждается продуктивность применения понятия «пережиток» Э. Б. Тайлора для интерпретации архаических элементов в современных танцевальных практиках. И в «Аквись йикв», и в «Куреньке» сохраняются движения и атрибуты, исходный смысл которых уже не осознается в полной мере современными исполнителями, но продолжает воспроизводиться в силу существующей традиции;

2) анализ подтверждает концепцию Ю. М. Лотмана о тексте культуры как сложной семиотической системе, в которой каждый элемент несет определенное значение, реализуя систему бинарных оппозиций. В разобранных танцах мы обнаруживаем оппозиции: сакральное/обыденное; мужская/женская пластика; движения, обращенные вверх/вниз; орноморфный код / зооморфный код. Эти оппозиции структурируют танцевальный текст и делают его «читаемым» для носителей традиции;

3) анализ позволяет применить бахтинскую концепцию диалога к пониманию танцевальной коммуникации. Танец в традиционной культуре предстает как диалог с духом, божеством, предком, членом общины. При этом сам исполнитель не является автором танца, он лишь воспроизводит форму, данную ему предками, вступая таким образом в диалог с прошлым. Это свидетельствует о включенности танца в механизм воспроизводства традиции и передачи культурного кода от поколения к поколению.

Заключение

Танец в контексте праздников хантов и манси представляет собой сложный и многогранный культурный феномен, который вплетен в ткань повседневной жизни и выполняет сакральные и социальные функции. Это не просто развлечение, а важный элемент духовного и культурного наследия, где каждое движение, жест и элемент костюма несут глубокий символический смысл, отражающий мировоззрение и ценности северных народов.

Танцы хантов и манси тесно связаны с природой: движения, вдохновленные поведением животных (в данном случае медведя или вороны), помогают исполнителям и зрителям ощутить единство с окружающей средой и выразить уважение к природным циклам, от которых зависит выживание в суровых условиях Сибири. Будучи важной частью ритуальных практик, танцы служили средством общения с предками и духами.

Культура порождает определенные культурные паттерны, вырабатывая стиль и образ жизни общества и отдельно взятой личности. В ней заложен огромный потенциал для сохранения цивилизации и трансляции социально-культурного опыта¹⁵. Эта мысль находит отражение в социальной природе народных танцев. Они служили механизмом выработки общего стиля жизни, усиливая чувство общности и поддерживая социальную структуру, т. е. сохраняли целостность цивилизации в миниатюре.

В условиях глобализации и утраты традиционных укладов жизни танцы хантов и манси обретают новое значение как символ сопротивления культурной ассимиляции. Современные исследователи и исполнители стремятся сохранить уникальные танцевальные формы в качестве части национального наследия. Танцы становятся важным инструментом сохранения культурной идентичности, они не просто живут как архаичные обряды, но и получают новое дыхание на этнографических фестивалях, культурных мероприятиях и в профессиональных хореографических постановках.

Будущее традиционной культуры зависит от ее интеграции в современные практики без утраты смыслового ядра. Это достигается через институционализацию праздников, включение традиций в образование и осознанную стилизацию в сценическом искусстве. Последняя составляющая особенно важна: при переносе ритуального действия на сцену стилизация неизбежна, но она должна быть деликатной, с сохранением семантического ядра (например, круговой рисунок как символ солнца или плавные движения как образ медведицы) при художественной обработке формы. Такая сбалансированная стилизация, основанная на знании первоисточника, позволяет традиционному танцу обрести новую жизнь в современном культурном процессе, сохранить уникальность и связь с мировоззрением предков.

Таким образом, проведенный семиотический анализ подтверждает, что танец в культуре народов ханты и манси является не просто элементом праздника, а сложным знаком – посредником, соединяющим мифологическую картину мира с повседневностью, прошлое с настоящим, человека с природой и духами. Его изучение открывает перспективы для понимания глубинных механизмов сохранения и трансляции культурной идентичности в эпоху глобальных перемен.

Перспективы исследования заключаются в семиотическом анализе танцевальных элементов в обрядовых практиках. Требуется выявить устойчивые пластические формы и сопоставить их с мифологическими представлениями, а также сравнить локальные варианты исполнения танцев в разных территориальных группах хантов и манси. Дальнейшие исследования могут быть направлены на реконструкцию семантики танцевальных движений и изучение трансформации традиционных танцевальных форм в современные сценические формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щекотихина С.А., Казакова Е.А. Содержание, структура и формирование исполнительских навыков детей в хореографическом коллективе. *Образование и культурное пространство*. 2021;(3):37–43. https://doi.org/10.53722/27132803_2021_3_37
2. Вычужанова Л.К. Язык хореографического искусства как знаково-символическая система. *Вестник Башкирского университета*. 2009;14(1):230–234. <https://elibrary.ru/kltuqx>
3. Негода Л.Л. Семантические коды языка танца. *Философско-культурологические исследования*. 2017;(1). URL: <https://fki.lgaki.info/2017/04/17/л-л-негода-семантические-коды-языка-т/> (дата обращения: 05.01.2026).
4. Солдатова Г.Е. Персональные мифоритуальные наигрыши в культуре обских утров. *Традиционная культура*. 2021;22(1):27–38. <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.002>

¹⁵ Фрольцов А.В. Формирование педагогического мировоззрения у будущих руководителей хореографическими коллективами как способ реализации государственной культурной политики. В: Государственная культурная политика России и механизмы ее реализации: Мат-лы III Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Орел: Орловский гос. институт культуры; 2025. С. 114–119.

5. Шубин В.В. Томский киноархив В. Н. Чернецова как источник по этнографии обских угров. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2017;(2):84–91. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2017-2-84-91>
6. Бурнаев А.Г., Левина Е.В. Скульптурные композиции на основе мордовской хореографии: инновационный аспект. *Финно-угорский мир*. 2017;(1):102–109. URL: <https://csfu.mrsu.ru/archives/1254> (дата обращения: 13.12.2025).
7. Потпот Р.М. Структурная организация медвежьих песен, сопровождающихся танцем. *Вестник угроведения*. 2024;14(4):705–711. URL: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/content/структурная-организация-медвежьих-песен-сопровождающихся-танцем> (дата обращения: 05.01.2026).
8. Гриневиц А.А. Устойчивые элементы поэтической системы обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов: поэтическая формула. *Сибирский филологический журнал*. 2016;(4):19–28. <https://doi.org/10.17223/18137083/572>
9. Каксина Е.Д. Феномен «дороги» в традиционной культуре казымских хантов (на материале обрядовых песен «Медвежки игрища»). *Современное педагогическое образование*. 2023;(9):273–277. <https://elibrary.ru/mcbwwi>
10. Бурнаев А.Г. Танцевально-пластическая культура мордвы: опыт искусствоведческого анализа: дисс. ... докт. искусствоведения. Саранск; 2012. 325 с.
11. Полякова Т.А. Текст и культура в концепции Ю. М. Лотмана. *Гуманитарные и социальные науки*. 2014;(3):124–130. <https://elibrary.ru/sjzjef>
12. Махортова О.В. Семиотика культуры в работах Б. Успенского. *Аналитика культурологии*. 2010;(3):26–28. <https://elibrary.ru/qzbhpf>
13. Кокарева Е.А. Семиология Р. Барта: письмо, идеология, мифология. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014;(2):94–99. <https://elibrary.ru/shkewn>
14. Паксина Е.Б. Концепция диалога в работах М. Бахтина и В. Библера. *Современные проблемы науки и образования*. 2015;(1–2). <https://elibrary.ru/txuzon>
15. Молданов Т.А. Хантыйские ритуальные халаты: символический аспект. *Вестник угроведения*. 2011;1(2):134–139. URL: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/node/171> (дата обращения: 05.01.2026).
16. Долженко Ю.Ю. История развития национального образования коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: ханты и манси. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2013;(4–3):33–39. <https://elibrary.ru/saujql>
17. Герасимова Д.В. Пантеон мансийских божеств. *Финно-угорский мир*. 2013;(1):83–88. URL: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/1/83-88.pdf> (дата обращения: 13.12.2025).
18. Бурханов Р.А. Представления о происхождении и строении мира в мифологии ханты и манси. *Северный регион: наука, образование, культура*. 2017;(2):159–163. <https://elibrary.ru/ylxbaq>
19. Нилов В.Н. Экспедиционный материал о традиционной пластике в медвежьих игрищах обских угров. *Гуманитарное пространство*. 2018;7(4):790–808. <https://elibrary.ru/ynaymp>
20. Кузнецова А.М. Праздник финно-угорских народов «Вороний день»: причины трансформации и способы сохранения национальной самобытности. *Universum: филология и искусствоведение*. 2021;(4). <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2021.82.4.17-22>

REFERENCES

1. Shchekotikhina S.A., Kazakova E.A. Content, Structure and Formation of Children's Performing Skills in a Choreographic Team. *Education and Cultural Space*. 2021;(3):37–43. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.53722/27132803_2021_3_37
2. Vychuzhanova L.K. [The Language of Choreographic Art as a Sign-Symbolic System]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2009;14(1):230–234. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kltuqx>
3. Negoda L.L. Semantics Codes of the Dance Language. *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya*. 2017;(1). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://fki.lgaki.info/2017/04/17/л-негода-с-семантические-коды-языка-т/> (accessed 05.01.2026).
4. Soldatova G.E. Personal Mythic-Ritual Tunes in the Culture of the Ob-Ugrians. *Traditional Culture*. 2021;22(1):27–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.002>
5. Shubin V.V. Tomsk Archive by V. N. Chernetsov as a Source on the Ethnography of the Ob Ugrians. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2017;(2):84–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2017-2-84-91>
6. Burnaev A.G., Levina E.V. Sculptural Compositions Based on Mordovian Choreography: Innovative Aspect. *Finno-Ugric World*. 2017;(1):102–109. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/archives/1254> (accessed 13.12.2025).

7. Potpot R.M. The Structural Organization of the Bear Songs Accompanied by the Dances. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(4):705–711. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/content/структурная-организация-медвежьих-песен-сопровождающихся-танцем> (accessed 05.01.2026).
8. Grinevich A.A. Resistant Elements of the Poetic System of Ritual Khanty Songs of the Bear Festival: Poetic Formula. *Siberian Journal of Philology*. 2016;(4):19–28. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/57/2>
9. Kaksina E.D. The Phenomenon of the “Road” in the Traditional Culture of the Kazym Khanty (Based on the Ritual Songs “Bear Games”). *Modern Pedagogical Education*. 2023;(9):273–277. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/mcbwwi>
10. Burnaev A.G. [Mordovian Dance and Plastic Culture: An Artistic Analysis: Dissertation ... Dr.Sci. (Arts)]. Saransk; 2012. 325 p. (In Russ.)
11. Polyakova T.A. Text and Culture through Yu.M. Lotman’s Views. *The Humanities and Social Sciences*. 2014;(3):124–130. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/sjzief>
12. Makhortova O.V. [Semiotics of Culture in the Works of B. Uspensky]. *Analitika kul'turologii*. 2010;(3):26–28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qzbbpf>
13. Kokareva E.A. R. Bart Semiology: Script, Ideology, Mythology. *Perm University Bulletin. Ser.: Philosophy. Psychology. Sociology*. 2014;(2):94–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/shkewn>
14. Paksina E.B. The Concept of Dialogue in the Works of M. Bakhtin and V. Bibler. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;(1–2). (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/txuzon>
15. Moldanov T.A. Khanty Ritual Dressing Gownes Symbolical Aspect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2011;1(2):134–139. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnik-ugrovedenia.ru/ru/node/171> (accessed 05.01.2026).
16. Dolzhenko Y.Y. History of Development of National Education of Indigenous Peoples of Khanty-Mansi Autonomous Area – Ugra: Khanty and Mansi. *Vestnik of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*. 2013;(4–3):33–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/saujql>
17. Gerasimova D.V. [The Pantheon of Mansi Deities]. *Finno-Ugric World*. 2013;(1):83–88. (In Russ.) Available at: <https://csfu.mrsu.ru/arh/2013/1/83-88.pdf> (accessed 13.12.2025).
18. Burkhanov R.A. Concept of Origin and Structure of the World in the Khanty and Mansi Mythology. *Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2017;(2):159–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ylxbaq>
19. Nilov V.N. [Expeditionary Material on Traditional Plastic Arts in the Bear Games of the Ob Ugrians]. *Humanity Space*. 2018;7(4):790–808. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynaymp>
20. Kuznetsova A.M. The Finno-Ugric Peoples’ Holiday “The Crow’s Day”: Reasons for Transformation and Ways to Preserve National Identity. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*. 2021;(4). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2021.82.4.17-22>

Информация об авторе:

Теняков Иван Юрьевич, преподаватель кафедры хореографии Орловского государственного института культуры (302020, Российская Федерация, г. Орел, ул. Лескова, д. 15); аспирант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (191181, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9328-8591>, SPIN-код: 6501-0253, ivan.peters.99@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 21.01.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

Information about the author:

Ivan Yu. Tenyakov, Lecturer of the Department of Choreography, Orel State Institute of Culture (15 Leskova St., Orel 302020, Russian Federation); Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Culture, Saint Petersburg State Institute of Culture (1 Millionnaya St., Saint Petersburg 191181, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9328-8591>, SPIN-code: 6501-0253, ivan.peters.99@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 21.01.2026; revised 20.03.2026; accepted 27.03.2026.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Научный журнал «Финно-угорский мир» публикует оригинальные научные статьи на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся в других изданиях. Цель издания – пропаганда фундаментальных и прикладных достижений в области гуманитарных наук и финно-угроведения на территории Российской Федерации и за рубежом. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати). Журнал приветствует статьи, содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Финно-угорский мир» необходимо учесть следующие пункты:

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (250–300 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение;

2) Материалы и методы;

3) Результаты исследования и их обсуждение;

4) Заключение.

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности**. В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Важно провести сравнительный анализ с зарубежными исследованиями по заявленной проблематике.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать редактирование текста и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов. Разнохарактерные иллюстрации необходимо приводить к единому стилю графического исполнения, соблюдая единообразие их оформления. Графики, схемы и диаграммы необходимо оформлять в Microsoft Excel.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** оформляется в формате Vancouver в версии AMA. В него включаются только рецензируемые источники (статьи из научных журналов), включенные в глобальные индексы цитирования. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах**. Ф.И.О., ученое звание и должность, организация(и), адрес организации(й) (желательно указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, SPIN-код, электронная

почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. Вклад авторов. Для формулировки фактического вклада каждого соавтора в выполненную работу необходимо использовать таксономию CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – стандарт, разработанный Национальной организацией по информационным стандартам (National Information Standards Organization, NISO) (<https://credit.niso.org/>). Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно. *Приводится на русском и английском языках.*

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Финно-угорский мир» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей (срок действия рецензии – 1 год).

Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц.

Макаркин Николай Петрович – главный редактор.

Мосина Наталья Михайловна – заместитель главного редактора, научный редактор.

Никонова Юлия Николаевна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS

The Finno-Ugric World journal publishes original scientific articles (Full Articles) in Russian and English, previously not published in other editions. The purpose of the publication is to promote fundamental and applied achievements in the field of humanities and Finno-Ugric studies in the Russian Federation and abroad. Duplicate publications are subject to retraction (withdrawal from press) in case of detection. Submission to the editorial office of previously published articles or articles sent for publication to other journals is not allowed. In the event of simultaneous submission of a manuscript to different journals, the published article will be retracted (withdrawn from print).

The journal gives preference to the articles with potentially high impact factor or containing significant advances in considered areas of science. Particular attention should be paid to the quality of translation.

It is desirable that this be performed by a native speaker of English.

To submit an article in the journal Finno-Ugric World you should know:

1. It is necessary to indicate the **UDC code**.

2. **The title of the article** should briefly (no more than 10 words) and accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the conducted research. *The title is to be provided in Russian and English.*

3. **The abstract** performs the function of an expanded title and informs readers about the article's content. It should comprise the following sections:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results and Discussion;
- 4) Conclusion.

The recommended abstract volume is 250–300 words. **The abstract is to be provided in Russian and English.**

4. **Keywords** consist of the search terms used by all bibliographic databases to search for scientific articles by keyword. For this reason, the keywords should reflect the main statements, achievements, results and terminology of scientific research. The recommended number of keywords is 5–10. *The keywords are to be provided in Russian and English.*

5. **Acknowledgements.** In this section, mention should be made of people who helped the author to prepare the article and any organisations that provided financial support. Expressing gratitude to anonymous reviewers is considered good form. *The acknowledgements are to be provided in Russian and English.*

6. **The main** text of the article is to be presented in Russian or English according to a specific sequence:

1) The Introduction must contain the formulation of a scientific problem, stating its relevance, connection with the most important tasks that need to be solved and its importance for the development of a particular branch of science or practice.

2) Literature Review. Here it is necessary to outline the principal contemporary studies and publications on which the argument relies, state current views on the problem, underline difficulties in developing the topic and highlight unresolved issues within the main problem to which the article is devoted. It is important to carry out a comparative analysis that cites existing publications on the stated issues.

3) Materials and Methods. This section describes the process of organising the experiment, the methods applied and any equipment used (including software). It should provide detailed information about the object of study, indicate the sequence of research and justify the choice of methods used (observation, survey, testing, experiment, laboratory experience, analysis, modelling, etc.).

4) Results. In this part of the article, analytical and statistical materials should be systematised. The results of the study should be described with sufficient degree of completeness so that the reader can trace its stages and assess the validity of the conclusions made by the author. This is the main section, the purpose of which is to confirm or repudiate the working hypothesis (hypotheses).

If necessary, the results should be confirmed by illustrations (tables, graphs, drawings) that represent the source material or evidence in a compact form. It is important that the visual information does not duplicate information already given in the text. The results presented in the article should be compared with previous works in this area both by the author and other researchers. Such a comparison will additionally reveal the novelty of the work carried out and give it objectivity. The results of the study should be summarised, but at the same time contain enough information to assess the findings. The decision to select the particular data for analysis must also be justified. All titles, captions and structural elements of graphs, tables, charts, etc., are to be provided in Russian and English. Figures, which can either be presented in vector or raster format (at least 300 dpi resolution), should permit editing of text elements and resizability. All graphic data placed in the text of the article should additionally be sent as separate files. Diverse illustrations should conform to a single style of graphic presentation ensuring the uniformity of their design. Graphs, charts and diagrams should be drawn up in Microsoft Excel.

5) Discussion and Conclusion. In the conclusion, the results of the understanding of the topic should be summarised along with conclusions, generalisations and recommendations arising from the work. In addition, the practical significance of the results should be emphasised along with a discussion of the main directions for further research. It is desirable to include in the final part of the article attempts to forecast the development of the issues considered.

7. **List of references.** The bibliographic description of the documents should conform to the requirements of the Vancouver Citation Style. It is necessary to refer first of all to original sources from scientific journals included in the major global citation indices. It is essential that the link to the source be correctly formatted. The authors' names, journal (e-mail), year of publication, volume (issue), number, pages where the cited information may be found, as well as DOI or URL should be indicated. *The list of references is to be provided in Russian and English.*

8. **Information about authors.** Full surname, first name and any second names or patronymics of the authors; detailed information about the authors: scientific degree, title, position, official name of institution without abbreviations, address of institution (it is necessary to indicate all author workplaces where the research was carried out (permanent address, place of project implementation, etc.)); ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, Author ID in the Russian Science Citation Index; e-mail, phone, postal address for the author's copy. *Information about authors is to be provided in Russian and English.*

9. **Authors' contribution.** To formulate the actual contribution of each co-author to the completed work, it is necessary to use CRediT (Contributor Roles Taxonomy) – a standard developed by the National Information Standards Organization (NISO) (<https://credit.niso.org/>). The order of citation of authors and co-authors of the article is agreed by them independently. *Information is provided in Russian and English.*

The author agrees to the terms of the enclosed license agreement by submission of the article.

As part of the submission, the journal will peer review your article before deciding whether to publish it.

The journal Finno-Ugric World uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa, throughout the review process. Validity of reviews is one year. A reviewer analyses an article and decides recommending it for publication (after revision of without it), additional reviewing or refusing of it. In case of noncompliance of an author with the comment of a reviewer, they can address a motivated statement to Editorial Board.

The editorial policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legitimacy, plagiarism, ethical principles, kept in community of leading scientific issues publishers. The editorial policy is based upon traditional ethical principles of Russian academic periodicals; it supports Academic Periodicals Ethical Codex, stated by Committee on Publication Ethics (Russia, Moscow) and it is formed in account of standards of ethics of editors' and publishers' work confirmed by Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors and Code of Conduct for Journal Publishers, developed by Committee on Publication Ethics (COPE).

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with Articles 1273 and 1274, Chapter 70, Part IV of the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

The journal is distributed by subscription, requests of universities, educational institutions and individuals.

Nikolay P. Makarkin – Editor-in-Chief.

Natalya M. Mosina – Deputy Editor-in-Chief, Scientific Editor.

Yuliya N. Nikonova – Executive Editor. Tel.: +7 8342 481424.

Главный редактор Н. П. Макаркин

Редактор Е. Н. Ширшикова

Верстка и дизайн А. А. Куркина

Перевод О. С. Сафонкина

Информационная поддержка сайта журнала А. А. Парамонова

Дизайн обложки Е. А. Климкина

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,

г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Тел./факс: (8342) 48-14-24.

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Электронная редакция:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,

г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24
(Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»)

Editor-in-Chief N. P. Makarkin

Editor E. N. Shirshikova

Layout design A. A. Kurkina

Translation by O. S. Safonkina

Informational support of the Journal's website by A. A. Paramonov

Cover design E. A. Klimkina

Editorial office: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,

Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424

E-mail: finno-ugric.world@mail.ru

Electronic edition:

<https://journals.rcsi.science/2076-2577>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation

Address of the Printing Office: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation
(Publishing House of National Research Mordovia State University)

